

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XIII

МОСКВА 2012

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XIII

Сборник научно-методических статей
по вопросам преподавания
русского языка как иностранного

Москва – 2012

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

Зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. пед. наук, профессор *Л.П. Клубукова*.

Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Н.В. Баландина*.

Преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. филол. наук *Н.А. Емельянова*.

Редакционная коллегия:

Е.Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
А.В. Величко,	канд. филол. наук, доцент
О.К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е.А. Илюшин	канд. филол. наук
Л. В. Красильникова	канд. филол. наук, доцент
Е. В. Моргунова	
Ф.И. Панков	докт. филол. наук, доцент
Т.Г. Роцектаева	канд. филол. наук
О.М. Сергеева	канд. филол. наук
О.В. Чагина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент

Мнение Редакционной коллегии не всегда совпадает с мнением авторов статей

Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. XIII. – 248 с.
ISBN 978-5-317-04110-6
https://doi.org/10.29003/m3543.WGS_XIII

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В.А. Кузьменкова

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ» М.В. ЛОМОНОСОВА

В ноябре 2011 года исполнилось 300 лет со дня рождения великого русского учёного – энциклопедиста М.В. Ломоносова. Прекрасный повод, чтобы вновь обратиться к «Российской грамматике», по-новому прочитать и осмыслить это бессмертное послание к нам, его потомкам.

«Российская грамматика» – грамматика уникальная. Во-первых, в ней представлена не только система средств русского языка, но показан их функциональный потенциал и даны практические рекомендации, как следует (или как не следует!) употреблять то или иное языковое средство. По словам Н.Ю. Шведовой, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова «впервые были сформулированы главнейшие аспекты изучения грамматического строя русского языка: формальный, функциональный и стилистический – в их органическом взаимодействии; этим определилось развитие русской грамматической мысли на много десятилетий вперёд» [www.ruthenija.ru/apr/textes/lomonosov/add02/htm]. С этих позиций «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова можно считать одной из самых лучших грамматик, адресованных не только носителям русского языка, но и иностранцам.

Во-вторых, М.В. Ломоносов последовательно проводит сравнение языковых средств русского и других языков (немецкого, итальянского, французского, еврейского, латинского и греческого), указывает их сходства и различия, что делает его суждения и выводы чрезвычайно убедительными.

В-третьих, «Российская грамматика Михайла Ломоносова» – это не коллективный труд многих лингвистов, но детище одного автора, и эта «персональность» чувствуется при

чтении каждой страницы. Тебя не оставляет ощущение тайны общения с великим соотечественником, так ревностно заботившимся о судьбе русского слова. М.В. Ломоносов безмерно любил и прославлял русский народ и русский язык. Он приложил немало усилий, чтобы показать красоту и силу родного языка, его коммуникативные возможности. «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному в нём искусству приписывать долженствуем», – утверждал он. В том, что российский язык велик по сравнению с другими, его убеждало «долговременное в Российском слове упражнение» [Ломоносов 1952:392].

М.В. Ломоносов сравнивал русский язык с морем, «егда пределы имеющим». Он охарактеризовал «Российскую грамматику» как «общий чертёж всея обширности» языка [Ломоносов 1952:392]. Автор первой Российской грамматики обосновал необходимость её создания: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» [Ломоносов 1952:392]. Употребление – важнейший учитель. К этой мысли Ломоносов возвращался не один раз. «Общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова Российская, грамматика, есть знания, как говорить и писать чисто Российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» [Ломоносов 1952:42]. Эти слова дают нам основание назвать «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова не только практическим руководством для носителей русского языка, но прообразом грамматики русского языка для иностранцев.

С этих позиций рассмотрим некоторые практические комментарии Ломоносова к употреблению языковых средств. Сразу отметим, что, несмотря на истекшие столетия, комментарии автора и сегодня актуальны и востребованы.

Книга чётко структурирована: она состоит из шести крупных разделов, которые разделены на главы, главы – на

параграфы. Разделы «Российской грамматики» М.В. Ломоносов называет «наставлениями». В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов 1975] слово «наставление» в одном из значений толкуется как 3. руководство, инструкция. Как видим, само слово «наставление», выбранное автором для названия разделов грамматики, свидетельствует об очевидной прагматической направленности «Российской грамматики» и сразу настраивает нас на определённый лад. «Наставления» проникнуты искренней заботой о предполагаемом читателе (и пользователе!) данного труда.

В Наставлении первом «О человеческом слове вообще» М.В. Ломоносов указывает на коммуникативную и информативную функции языка как на важнейшие: «Слово дано человеку для сообщения своих мыслей» [Ломоносов 1952:394]; «Слово дано человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» [Ломоносов 1952:406]. Эти положения, как известно, нашли дальнейшее развитие и неоднократное подтверждение в трудах лингвистов XIX – XX вв.

Прагматическая направленность «Российской грамматики» усматривается уже в самой классификации частей речи, в их делении на знаменательные и служебные. Слова, которые «всегда вещь или деяние знаменуют», М.В. Ломоносов называет знаменательными. «Сии знаменательные части слова должны иметь между собой соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли» [Ломоносов 1952:406]. Для этой цели мы используем такие служебные части речи, как союзы и предлоги. Просто и доступно обосновывает автор «Российской грамматики» появление других частей речи: «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека ...к способам, как бы слово своё сократить и выключить скучные повторения одного речения. Так появились местоимение, наречие, междометие» [Ломоносов 1952:406].

В «Российской грамматике» Ломоносов описывает грамматические категории как свойственные всем языкам, так и не имеющие аналогов в других языках. Так, общими категориями для всех языков он считает, например, категорию числа (единственное/множественное), категорию падежа (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный). Ломоносов пишет, что «по самой натуре человеческого слова все сии падежи потребны, притом и

довольны. Однако на то не смотря, некоторые языки имеют в них недостаток: и для того им один падеж вместо двух служит. Иные имеют в том избыток; и что у прочих один падеж изображает, то в два разделяют» [Ломоносов 1952:412]. Ломоносов сравнивает греческий, немецкий, французский, итальянский, латинский языки и делает вывод, что «российский язык избыточествует перед прочими, для некоторых предлогов, седьмым особливим падежом, который без них нигде не употребляется. Например, *городе, городах, руках, победах* просто сказать нельзя, но с предлогами: *в городе, при городах, на руках, о победах*. В Славенской грамматике назван он сказательным; но свойственное назван быть может Предложным» [Ломоносов 1952:412].

Он подчёркивает, что некоторые «свойства имён суть общи всем языкам», так как «в самой натуре своё основание имеют. Прочие многия, понеже от случая и от собственной склонности каждого народа происходят, не всем общи» [Ломоносов 1952:412]. К подобным «не всем общим» свойствам он относит, например, наличие в русском языке «умалительных» и «увеличительных» форм (в современных грамматиках они именуется соответственно «диминутивами» и «аугментативами»).

Ломоносов посвящает целую главу «увеличительным» и «умалительным» формам. Он пишет: «...имена, представляющие вещь огромную, отмену окончания коренного имени у россиян и у итальянцев весьма многие производятся: *casa, casaccia, casone; двор, дворина, дворище*». Сравнивая русский язык с другими языками, Ломоносов отмечает: «Немцы и французы таковых имён не имеют» [Ломоносов 1952:412]. Он поясняет, что увеличительные имена существительные имеют «три рода: на -ище, на -ина, на -инище: *стол, столице, столица, столицинище; рука, ручище, ручина, ручинище*. Все сии значат вещь грубую» [Ломоносов 1952:473].

Интересно, что Ломоносов отмечает среди увеличительных прилагательных такие, которые «нежное знаменование имеют»: *белёхонек, белёшенек, малёхонек, малёшенек, белёхонька, малёшенька* [Ломоносов 1952:474].

Умалительные у М.В. Ломоносова разделяются на «ласкательные и презрительные» (в современных грамматиках «уменьшительно-ласкательные и уничижительные»). «Ласкательные умалительные кончаются в мужеском роде на –

ик, -ец, -юк, -ок, -чик: *столлик, кафтанец, кулёк, посошок, зубок, кафтанчик*. В женском на –ка, -нька, -ушка: *голова, головка, головонька, головушка; рука, ручка, рученька, ручушка*; в среднем – на –ко, -цо, -чко, -ушко: *словцо, словечко, словечушко, сердечко, серденько, сердечушко*» [Ломоносов 1952:473].

«Презрительные умалительные кончаются на –ишко и –енцо, и роду суть сомнительного. То есть, иные сочиняют с ними прилагательные по родам имён, от коих умалительные происходят: *наш столишко, наша скатертишко*; некоторые со всеми прилагательными в среднем роде употребляют: *дряхлое стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко*» [Ломоносов 1952:474].

Он рассуждает также «и о тех, которые умалительную силу потеряли, только по всему видно, что они бывали некогда умалительными: *горшок, сверчок, мешок*».

Ломоносов констатирует, что «...умалительных имён, как *дворик, платьице...*, не во всяком языке равное довольство. Российский и итальянский весьма оными богаты, немецкий скуден, французский – ещё скуднее [Ломоносов 1952:474]. Именно поэтому Ломоносов считает необходимым остановиться на этом явлении так подробно. Он отмечает, что не только существительные, но и «прилагательные российские имеют немало умалительных и увеличительных». И далее указывает на способ их образования: «Умалительные кончаются на –ват и –нек: *красен, красноват, красненок, плох, плоховат, плохонек, сыр, сыроват, сыренек, сыровата, сыровато, плохонька, плохонько*. Все значат некоторую малую часть тех свойств, которые сами имена изображают». Ломоносов констатирует, что «умаление прилагательных нередко чрез имена существительные с некоторыми предлогами изображается: *чёрный, чернь, впрочернь, впробел, впрохмель*» [Ломоносов 1952:474]. Они употребляются как наречия.

Сравнительная степень прилагательных («рассудительный степень» – по Ломоносову) «имеет умалительные с предлогом по-: *покрепче, подороже*» [Ломоносов 1952:474]. Говоря о наречиях, он замечает, что они «также принимают умаление: *пониже, поранее, немного подалье, несколько попозже, попретже, поздновато, рановато, поздненько, раненько, ранёшенько, низёшенько*» [Ломоносов 1952:551].

Ломоносов указывает также, что неправильнее всего «умалительные» образуются от имён собственных: «*Ванька, Ивашко, Ваня, Ванюшка* и другие многочисленные, которым не по правилам, но по употреблению учиться должно» [Ломоносов 1952:476].

Подобных форм в русском языке «великое количество», и, по мнению Ломоносова, «в том великом количестве бесчисленные должны быть отмены и изъятия», поэтому формулировка обстоятельных правил их образования, как признаётся великий учёный, «силы превосходит» [Ломоносов 1952:470]. Такое признание на страницах научного труда просто подкупает.

Интересно сравнить, как изменилась языковая ситуация с диминутивами в современном русском языке. Исследования показывают, что в современном русском языке они обнаруживают дополнительную смысловую нагруженность и перестают обозначать только «умалительность», приобретая многие функционально-прагматические значения (см. работы: Шмелёва 2008, Кузьменкова 2007, Милославский 2010 и др.). Что касается аугментативов, то, по наблюдениям Т.В. Шмелёвой, они стали употребляться заметно меньше.

В наставлении 6 («О сочинении имён») Ломоносов даёт практические рекомендации с позиций синтаксиса русского языка. Так, он замечает, что «числительные двое, трое, четверо, десятеро и проч.: во всех падежах требуют существительного в родительном множественном: *двое мещан, трое беглецов, десятеро разбойников*. Но сие употребляется только о людях, и то по большей части низких. Ибо неприлично сказать: *трое бояр, двое архиереев; но три боярина, два архиерея*» [Ломоносов 1952:558].

При употреблении личных местоимений он предлагает руководствоваться следующими правилами: «я, ты, он могут быть умолчаны перед временами глаголов, которых лица окончаниями различаются, что к украшению и к важности служит: *Вижу восходящую брани тучу. Не страишь бессильного гнева*» [Ломоносов 1952:568].

Местоимения дательного падежа «*мне, тебе, себе*» Ломоносов называет «первообразными» и предлагает употреблять их в конструкциях типа «*Он мне брат*», вместо

производных (*мой, твой*) – «*Он мой брат*» [Ломоносов 1952:568].

Рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на теме «Глагол», а между тем Ломоносов посвящает глаголу целое «Наставление 4». Пользователь «Российской Грамматики» может получить чрезвычайно подробную и исчерпывающую информацию о системе русского глагола, почерпнуть сведения о том, как трансформировалась его временная система. Ломоносов детально описывает способы образования и правила употребления причастных и деепричастных форм. Автор «Российской грамматики» сожалеет, что «из обычая употребления вышло славенское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался, который служил в разных лицах: *ходящу мне по пустыне, показался зверь ужасный*. И хотя ещё есть некоторые того остатки, российскому слуху сносные, как: *бывишу мне на море, посетила сильная буря*, однако прочие из употребления вышли. В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в Российское слово возвратится».

Говоря об употреблении причастий, Ломоносов пишет, что они почитаются «за особливую часть слова», так как заключают в себе «имени и глагола силу» [Ломоносов 1952:407]. Он замечает, что причастия «употребляются только в письме, а в простых разговорах должно их изображать чрез возносительные местоимения *который, которая, которое*. Весьма не подлежит производить причастий от тех глаголов, которые нечто подлое значат, и только в простых разговорах употребительны: ибо причастия имеют в себе некоторую высоту, и для этого очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов». И далее следует такой совет: «*Которые российский язык не очень твёрдо знают, а притом мало или ничего славенских книг не читали, и затем прямого употребления причастий понять не могут; то безопасно поступят, ежели вместо причастий глагол с возносительными писать будут*» [Ломоносов 1952:496]. Как можно убедиться, Ломоносов пишет и объясняет очень живо, образно, доходчиво, его замечания не лишены чувства юмора, и это делает «Российскую грамматику» увлекательным чтением.

Отдельным комментарием отмечены особые формы спряжения: «Говорят иные: *хочем, хочете, хочут*; однако не пристойно!» [Ломоносов 1952:533]. Автор «Российской грамматики» упоминает также «о некотором особливом свойстве простого российского языка, изображающем скорые действия, которые производятся от прошедших неопределённых: *от глядел – глядь, от брякал – бряк, от хватал – хватъ*». Все сии односложенные глаголов произведения имеют 1) силу деепричастия: *глядь на меня, молвил*; и 2) наклонение изъявительное: *хватъ его за руку! Т.е. вдруг хватил его за руку*» [Ломоносов 1952:539]. Современная грамматика классифицирует подобные слова как междометия, выполняющие в предложении синтаксическую функцию сказуемого. Они получают контекстно обусловленное значение прошедшего времени совершенного вида и уподобляются глаголам одноактного способа действия [Русская грамматика 1990: 344].

Поразительным кажется тот факт, что методы «лингвистической прагматики» использовались Ломоносовым задолго до её официального признания. Так, он комментирует одну из функций междометий – служить эквивалентом предложения: «*Семпроний, увидев нечаянно Тиция, молвил: ба! вместо сего: Я удивляюсь, что тебя здесь вижу!*» [Ломоносов 1952:407]. Обратившись к современной «Русской грамматике», в разделе «Междометия» читаем: «Междометия могут функционировать 1) как эквиваленты предложения, 2) модальные компоненты предложения, 3) члены предложения» [Русская грамматика 1990:343].

В заключение отметим ещё одну особенность великого учёного. Как известно, М.В. Ломоносов в совершенстве владел высоким стилем русского языка, на котором создавал прекрасные поэтические произведения, торжественные оды.

В то же время Ломоносова по праву считают основоположником языка русской науки. Он нашёл верные принципы формирования русской научной терминологии. Учёный не только перевёл на русский язык многие латинские, греческие, немецкие термины, но смело привлекал понятия из общеупотребительного языка.

Будучи несравненным популяризатором научных знаний, великий учёный сумел соединить поэзию и науку в таких произведениях, как «О пользе стекла», «Утреннее размышление о

Божием величестве», «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». В самом деле, есть нечто завораживающее в этих строках:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чёрна тень,
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна [Ломоносов1986:205].

Эти произведения и сегодня звучат как могучий гимн науке и Вселенной.

Вместе с тем он уделял неизменное внимание русской разговорной речи, находя в ней отражение глубинной основы русского языка, его отличительных особенностей. Живая русская речь обрела законные права в общем описании «Российской Грамматики». В этом мы убеждаемся, анализируя комментарии Ломоносова к употреблению тех или иных языковых средств.

Интересно отметить также, что иногда Ломоносов не мог «привести под правила» те или иные явления языка. В тех случаях он рекомендовал их «оставить общему всех учителю, повседневному употреблению» [Ломоносов 1952:471].

И, наконец, о примерах, приводимых автором «Российской грамматики» для иллюстрации тех или иных языковых явлений. Они заслуживают особого внимания. По большей части это формулировка неких нравственных законов, в них заключена природная житейская мудрость российского народа, они дают представление о русском менталитете, о русской культуре, без чего немислимо изучение русского языка. Приведём некоторые из них: *«Хотя природное знание языка много может, однако грамматика показывает путь доброй натуре»*; *«На всех вопросы не отвечаю: всякий глупец больше может спрашивать, нежели премудрый и смыслённый отвечать»* (Наставление 2, глава 5, «О правописании»); *«Учение хотя трудно, однако приятно»*; *«Не смерти, но грехов бойся»* (Наставление 5, глава 5, «О союзе»); *«Роскошь погружает землю в злочлечения»*; *«Всяк желает чести, не всяк получает»*, *«Ищи учения, благополучие найдёшь»* (Наставление 6, глава 3, «О сочинении глаголов»); *«Счастлива та земля, которой премудрая власть повелевает»* (Наставление 6, глава 4, «О сочинении служебных частей слова»).

Читая «Российскую грамматику» не перестаёшь удивляться таланту автора, его интуиции, образности его языка. Сквозь столетия доходит к нам даже чувство юмора, рассыпанное среди глубоких философских размышлений. Поражает удивительное свойство его природы – смотреть далеко вперёд.

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова является поистине уникальным памятником великому учёному, кладезем знаний для современных исследователей языка, потрясающим примером преданности русскому языку и русскому народу.

Литература

Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.7. Труды по филологии 1739-1758 гг. М.-Л., 1952.

Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л. 1986.

Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 34. М., 2007.

Милославский И.Г. Чаёк с вареньицем.

<http://www.izvestija.ru/rodrech/article3137960>.

Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. Изд. 2-е, исправленное. – М., 1990.

Чернейко Л.О. М.В. Ломоносов и язык науки // Филологические науки.– 2011, №6. С. 3-14.

Шведова Н.Ю. www.ruthenija.ru/apr/textes/lomonosov/add02/htm.

Шмелёва Т.В. Диминутив в городской среде и медийных текстах // Слово и текст в культурном сознании эпохи.– Вологда. 2008.– Ч.1.– С. 367-375.

СИСТЕМА МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ТИПОВ РУССКИХ НАРЕЧИЙ

По мнению авторов концепции функционально-коммуникативной грамматики, категориальные классы слов являются более конкретными и частными морфологическими разрядами по отношению к частям речи как к более общим суперклассам [Панков 2008:46].

Исследование грамматического потенциала категориальных классов слов является важной составляющей в преподавании русского языка иностранным учащимся. Такое всестороннее исследование включает не только анализ функционирования категориальных классов слов, но и их структурных возможностей [Панков 2007:174].

В настоящее время степень изученности деривационного потенциала различных категориальных классов слов неравномерна. Более глубоко в словообразовательном плане исследованы имена и глаголы, а наречие «оказалось на периферии внимания как лингвистов-теоретиков, так и преподавателей-практиков» [Панков 2007: 174]. Интерес наречие вызывает прежде всего тем, что почти все (возможно, абсолютно все) наречия являются производными, мотивированными лексемами, что свидетельствует о том, что это относительно молодая часть речи.

Традиционные представления о частях речи не всегда совпадают с современными научными данными о функционировании лексических единиц и их структуре. В частности, существует мнение, что среди наречий имеются и немотивированные лексемы [Клобуков 2001: 342; Современный русский язык 2001: 275; Русская грамматика 1980, I: 703 и мн. др.]. В то же время наши наблюдения показывают, что это далеко не так.

Согласно академической «Русской грамматике» 1980 года, все наречия по словообразовательной структуре делятся на мотивированные и немотивированные. Основную часть наречий составляют лексемы, мотивированные словами всех неслужебных частей речи: прилагательными (*босиком, издалека, красиво*), существительными (*вверху, весной, напрокат*), числительными

(*дважды, надвое, много*), местоимениями (*зачем, оттого*), глаголами (*вплавь, второпях, нараспашку*), наречиями (*навсегда, позавчера, рановато*). К немотивированным наречиям принадлежат преимущественно слова, называющие признак как то или иное обстоятельство: времени (*вчера, после, тогда*), места (*всюду, здесь, около*), образа и способа действия (*вдруг, иначе, как*), степени или меры (*очень, почти, столько*) [Русская грамматика 1980, I: 703]. Однако, по нашим наблюдениям, подавляющее большинство так называемых немотивированных наречий таковыми в действительности не являются. Условно немотивированными их можно назвать только на синхронном уровне, хотя диахронически они являются производными, вторичными.

Так, например, в современном русском языке наречия *очень, весьма, вдруг, вчера* и др. считаются немотивированными [Клобуков 2001: 342; Русская грамматика 1980, I: 703], однако изучение этимологии данных слов позволяет выявить их диахроническую производность. Например, наречие *вчера* по происхождению является старым творительным падежом ед. ч. от существительного *вечер* [Фасмер 1964, I: 366; Шанский 1968: 217].

Словообразованием русских наречий занимались многие лингвисты. Среди них: В.В. Виноградов, М.В. Всеволодова, Е.М. Галкина-Федорук, Е.В. Клобуков, В.В. Лопатин, П.А. Соболева, Т.С. Тихомирова, Н.М. Шанский и др. Ими было показано, что способы словообразования наречий различны. Среди них: морфологические, морфолого-синтаксические (конверсия) и лексико-синтаксические.

В связи с тесной грамматической связью наречий с другими частями речи В.В. Виноградов различал четыре основных лексико-морфологических разряда в системе наречий [Виноградов 1986: 284-306]. В свою очередь Ф.И. Панков расширил представление о структуре русских наречий и выделил восемнадцать их морфосинтаксических типов [Панков 2008: 120-146].

При сопоставлении полученных нами данных с результатами исследований в области морфосинтаксических типов русских наречий прошлых лет, появилась необходимость выделения ещё, по крайней мере, шести морфосинтаксических типов русских наречий: деконъюнктивные наречия, т. е. образованные от союзов (*доколе*); деконъюнктивно-прономинальные, образованные от сочетания союза и местоимения (*итого*); деконъюнктивно-

паркулярные, т.е. образованные путём сочетания союза и частицы (*авось*); депроминально-адъективные, от сочетания местоимения с прилагательным (*теперь*); деадвербиально-партикулярные, образованные от сочетания наречия и частицы (*когда-то*); и депроминально-партикулярные, т.е. образованные из сочетания местоимения и частицы (*доселе*).

Исходя из того, что было сделано Ф. И. Панковым относительно системы категориальных классов слов в русском языке [Панков 2008: 46-65], морфосинтаксических типов русских наречий [Панков 2008: 120-146] и результатов, полученных нами при изучении истории и этимологии русских наречий, представим морфосинтаксическую структуру русских наречий, а именно основные морфосинтаксические типы русских наречий, в виде бинарных оппозиций, а в некоторых случаях в виде неопозитивного множества.

По словообразовательной структуре все наречия делятся на два больших класса: наречия моноксемные, т. е. образованные от одной лексической единицы (например, *завтра*), и полилексемные, образованные путём сочетания нескольких лексем (например, *тотчас*).

1. Моноксемные наречия.

Моноксемные наречия делятся на две группы: наречия, образованные с помощью самостоятельных ККС (например, *кругом*), и наречия, образованные от несамостоятельных, служебных ККС (например, *уже*).

1.1. Наречия, образованные от самостоятельных ККС.

Наречия, образованные от самостоятельных частей речи, в свою очередь, делятся на два подкласса: наречия, образованные от знаменательных ККС (например, *кругом*), и наречия, образованные от местоименных ККС (или депроминальные), например, *иногда*.

1.1.1. Наречия, образованные от знаменательных ККС.

В состав наречий, образованных от знаменательных частей речи, входят наречия, образованные от изменяемых ККС (например, *бегом*), и наречия, образованные от неизменяемых ККС (например, *позавчера*).

1.1.1.1. Наречия, образованные от изменяемых ККС.

Наречия, образованные от изменяемых частей речи, могут быть образованными от склоняемых ККС (например, *бегом*) и образованными от спрягаемых частей речи – к ним относятся

наречия, образованные от глаголов, или девербальные наречия (например, *видать*).

1.1.1.1.1. Наречия, образованные от склоняемых ККС.

Наречия, образованные от склоняемых частей речи, делятся на две группы: образованные от субстантивных ККС (например, *залтом*) и образованные от адъективных ККС (например, *поздно*).

1.1.1.1.1.1. Наречия, образованные от субстантивных ККС.

Наречия, образованные от субстантивных частей речи, делятся на наречия, образованные от существительных, или десубстантивные наречия (например, *порой*), и наречия, образованные от числительных, или денумеральные наречия (например, *дважды*).

1.1.1.1.1.2. Наречия, образованные от адъективных ККС.

В группу наречий, образованных от «адъективов», входят наречия, образованные от прилагательных, или деадъективные наречия (например, *по-русски*), и наречия, образованные от причастий, или департиципальные (например, *любяще*).

1.1.1.2. Наречия, образованные от неизменяемых ККС.

Наречия, образованные от неизменяемых частей речи делятся на наречия, образованные от аспектуально не маркированных ККС (например, *послезавтра*), и от аспектуально маркированных ККС (а именно от деепричастий, или деконвербативные¹ наречия - *зря*).

1.1.1.1.2. Наречия, образованные от аспектуально не маркированных ККС.

Наречия, образованные от частей речи, не имеющих категории вида, подразделяются на две группы: наречия, образованные от наречий, или деадвербиальные (например, *отныне*), и наречия, образованные от компаративов, или декомпаративные наречия (например, *заранее*).

Далее рассмотрим большую группу наречий, образованных от несамостоятельных (служебных) ККС:

1.2. Наречия, образованные от несамостоятельных (служебных) ККС.

В состав наречий, образованных от служебных частей речи, входят наречия, образованные от строевых разрядов ККС

---

¹Иногда для обозначения деепричастий в современной западной лингвистике используется термин *converb* (нем. *Konverb*).

(например, *после*), и наречия, образованные от прагматико-модусных разрядов ККС (например, *ещё*).

1.2.1. Наречия, образованные от строевых разрядов ККС.

Наречия, образованные от строевых разрядов частей речи, делятся на наречия, образованные от предлогов, или депрепозитивные (например, *около*), и наречия, образованные от союзов, или деконъюнктивные (например, *доколь*).

1.2.2. Наречия, образованные от прагматико-модусных разрядов ККС.

Группу наречий, образованных от прагматико-модусных разрядов частей речи, делятся на наречия, образованные от частиц, или департикулярные (например, *уже*), и наречия, образованные от междометий¹.

Рассмотрим второй класс наречий:

2. Полилексемные наречия, т. е. образованные из сочетания нескольких лексем. Можно выделить две группы полилексемных наречий: наречия, образованные из сочетания представителей двух разных ККС, и наречия, образованные из сочетания представителей двух одинаковых ККС

2.1. Наречия, образованные из сочетания представителей двух разных ККС.

К этой группе относятся следующие наречия:

- депрономинально-субстантивные, т.е. образованные от сочетания местоимения с существительным: *сегодня* и др.;
- депрономинально-адъективные, образованные из сочетания местоимения с прилагательным: *теперь*² и др.;
- депрономинально-партикулярные, т.е. образованные путём сочетания местоимения и частицы: *доселе*;
- десубстантивно-адъективные, образованные от сочетания существительного с прилагательным: *день-деньской* и др.;
- деадъективно-адвербиальные, т. е. образованные из сочетания имени прилагательного с наречием путём редупликации: *давным-давно* и др.;
- деадвербиально-партикулярные, т. е. образованные от сочетания наречия и частицы: *откуда-то* и др.;

---

¹ Данный морфосинтаксический тип русских наречий условный, прогнозируемый, т.к. на сегодняшний момент нами не было найдено ни одного наречия, которое бы образовалось от междометий.

² Из местоимения *то* и формы ср.р. прилагательного *первый*.

- деконъюнктивно-прономинальные, образованные путём сочетания союза и местоимения: *итого*;
- деконъюнктивно-паркулярные, т. е. образованные от сочетания союза и частицы: *авось*;

2.2. Наречия, образованные из сочетания представителей двух одинаковых ККС:

- депрономинально-прономинальные, т.е. образованные от сочетания двух местоимений путём редупликации: *всего-навсего* и др.;
- десубстантивно-субстантивные, образованные из сочетания двух существительных путём редупликации: *волей-неволей, крест-накрест* и др.;
- деадвербиально-адвербиальные, т. е. образованные от сочетания двух наречий путём редупликации: *видимо-невидимо, снова и снова* и др.;
- декомпаративно-компаративные, образованные от союзного сочетания двух компаративов путём редупликации: *хуже и хуже, чаще и чаще* и др.;
- департикулярно-партикулярные, т. е. образованные из сочетания двух частиц путём редупликации: *вот-вот, только-только* и др.;
- фразеологизированные редупликаты: *рука об руку, тет-а-тет* и др.

В каждом морфосинтаксическом типе выделяются модели образования, которые, в свою очередь, имеют конкретные реализации. Например, в десубстантивном морфосинтаксическом типе можно выделить модель образования наречий из сочетания предлога (префикса) с именем существительным в предложном падеже («**Prep(pref)+N_п**»). Одна из реализаций данной модели – наречия, образованные путём сочетания предлога *в* с именем существительным в предложном падеже (*в*+N_п), при этом имя существительное может быть мужского рода (*внизу, сверху, взбросе*), женского рода (*вкупе, впереди*) и среднего (*вначале, вместе, вдалеке*), а также возможно образование от сочетания предлога *в* с именем существительным во множественном числе (*впотьмах, в сердцах, второпях, впопыхах*).

Анализ материала показал, что представленные в научных трудах формальные модели охватывают далеко не весь объём наречной лексики. В ходе исследования возникла потребность выделения новых моделей и реализаций основных моделей

морфосинтаксических типов русских наречий. Среди них: $N_{T\ sg\ n}$ (т. е. наречия, образованные из творительного беспредложного имени существительного среднего рода в единственном числе: *чудом*); *из(ис)-под-+N_{p\ m}* (из сочетания предлога (префикса) *из(ис)-под-* с формой родительного падежа имени существительного мужского рода: *исподнизу*); *из(ис)-под-+N_{p\ f}* (от сочетания предлога (префикса) *из(ис)-под-* с формой родительного падежа имени существительного женского рода: *исподволь*); *c-+N_{p\ sg\ f}* (т.е. из сочетания предлога (префикса) *c-* с формой родительного падежа имени существительного в единственном числе женского рода: *сзади*); *c-+N_{p\ pl}* (от сочетания предлога (префикса) *c-* с формой родительного падежа имени существительного во множественном числе: *спросонок*); *до-+N_{p\ m}* (из сочетания предлога (префикса) *до-* с формой родительного падежа имени существительного мужского рода: *досыта*); *до-+N_{p\ n}* (т.е. из сочетания предлога (префикса) *до-* с формой родительного падежа имени существительного среднего рода: *дотла*); *вз-(вс-)+N_{v\ f}* (от сочетания предлога (префикса) *вз-(вс-)* с формой винительного падежа имени существительного женского рода: *вспять*); *Adj+Ø* (т.е. из сочетания основы имени прилагательного с нулевым суффиксом: *ниц*); *c-+Adj_{p\ n}* (от сочетания предлога (префикса) *c-* с формой родительного падежа нечленного имени прилагательного среднего рода: *снова*); *c-+Adj_{p\ m}* (из сочетания предлога (префикса) *c-* с формой родительного падежа нечленного имени прилагательного мужского рода: *смолоду*); *в-+Adj_{v\ n}* (т.е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой винительного падежа нечленного имени прилагательного среднего рода: *влево*); *на-+Adj_{v\ n}* (из сочетания предлога (префикс) *на-* с формой винительного падежа полного имени прилагательного среднего рода: *наверное*); *на-+Adj_n* (от сочетания предлога (префикса) *на-* с формой предложного падежа нечленного имени прилагательного: *налегке*); *ни-+Adv* (из сочетания отрицательной частицы (префикса) *ни-* с наречиями: *никогда*); *кое-Adv* (от сочетания частицы (префикса) *кое-* с наречием: *кое-где*); *Pron_{n\ n}* (из местоимения среднего рода в именительном падеже: *всё*); «*Pron+suff*» (т.е. из сочетания местоимения (местоименной основы) с различными древними суффиксами: *везде*); *до-+Conj* (из сочетания предлога (выступающего в адвербиальной лексеме как префикс) *до-* с союзом: *доколе*); *Pron_{deix}+N_{temp\ n}* (из сочетания дейктического

(указательного) местоимения-определения с беспредложной формой предложного (или местного) падежа имени существительного со значением времени: *тотчас*); Pron_{deix}+Part (т.е. из сочетания дейктического (указательного) местоимения-определения с частицей: *тут*); до-+Pron_{deix}+Part (от сочетания предлога (префикса) до- с дейктическим (указательным) местоимением + частица: *доселе*); Conj+Pron_{deix} p (из сочетания союза с формой родительного падежа дейктического (указательного) местоимения-определения: *итого*); Conj+Part_{deix} (наречия, образованные из сочетания союза и указательной частицы: *авось*), Adv-*то* (т.е. из сочетания наречия с частицей -*то* (выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс: *когда-то*); Adv-нибудь (от сочетания наречия с частицей –нибудь, выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс: куда-нибудь); Adv-либо (из сочетания наречия с частицей –либо, выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс: где-либо); Pron_{deix}+Adj (от сочетания дейктического (указательного) местоимения-определения с именем прилагательным: теперь) и др.

Рассмотренная в данной статье структура русских наречий открывает нам всё богатство словообразовательного потенциала русских наречий. Анализ этой структуры как на синхронном, так и на диахронном уровнях, выделение морфосинтаксических типов русских наречий способствуют решению научных задач, а также задач, связанных с практикой преподавания русского языка как иностранного. Работа со словообразовательными моделями наречий (а также других категориальных классов слов) поможет иностранным студентам справиться с лексическими трудностями, возникающими в процессе изучения русского языка, поможет развитию языковой догадки, а также создаст основу для развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности.

Литература

- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Клобуков Е.В. Морфология // Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. М., 2001.
- Панков Ф.И. Морфо-синтаксические типы русских наречий // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 15 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк: ДонНУ, 2007.

- Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М., 2008.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т.1. М., 1980..
- Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обуч. по филол. спец-м. / Под ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. СПб, 2001.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва / Под ред. Б. А. Ларина. М., 1964-1973. Т. 1-4.
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

СЛОВА С КОРНЕМ *-вед-*: ЖАНРОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Корень *-вед-* – это древнейший и очень продуктивный корень. При попытке создать семантическую классификацию слов с этим корнем мы насчитали около 300 слов, активно используемых в современных текстах.

Данный корень существует в нескольких фонетических вариантах: *ведьма, известно, вещей* (голос), *невежа, невежда*. Есть пример, когда слово с корнем *-вед-* получило оформление по фонетическому принципу (на письме закрепились редукция гласного в корне). Это слово *свидѣтель*. Ср. родственное слово *свѣдение*. Оба слова происходят от ст.-сл. глагола *свѣдѣти* – *свѣсти*.

О продуктивности этого корня в прошлом говорят такие устаревшие слова, как: *исповѣдываться, проповѣдывать, вестимо, вестовой, ведун, ведунья, вежды, вежа, вежество* и др., встречающиеся в нашей классической художественной литературе. Составляя список таких слов, мы вышли на цифру 30, которая, конечно, является приблизительной.

По нашим наблюдениям, стилистическая дифференциация текстов разных жанров проявляется (помимо всего прочего) в стилистической дифференциации слов с корнем *-вед-*.

Так, **церковнославянские тексты** – «Ветхий Завет», «Новый завет», Жития святых, а также книги, популяризирующие религиозные идеи, например, «Библейские истории» Г. Гече или «Библейские сказания» Зенона Косидовского, содержат следующие слова: *проповедать, проповедник, проповедь; заповедать, заповедь, заповеданный; благовестить, блавест, благовещение, блавеститель; предвещать, предвѣстие, предвѣстник; возвещать, возвестить, возвещающий, предвозвещать; повествовать, повествование, поведать; исповедать, исповѣдание, исповѣдь, исповѣдник, вероисповѣдание, неисповѣдимый; всеведение, всеведущий* и под.

Проиллюстрируем сказанное маленьким отрывком из «Жития Захария и Елизаветы»: *Евангелист Лука упоминает о Захарии и Елизавете в первой главе своего Евангелия, где **повествует** о рождении пророка Иоанна Крестителя. Он говорит, что «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем **заповедям** и уставам Господним беспорочно». Но достигнув престарелого возраста, они оставались бездетными... . Наконец, Господь послал Архангела Гавриила **возвестить** Захарю... о предстоящем рождении у него сына... . Недолго, впрочем, радовались праведные родители своему долгожданному сыну... . Царь Ирод, ища Иоанна (чтобы убить его – Ю.Т.), послал воинов в храм **выведасть** от Захария, где скрывается Елизавета... . Праведная же Елизавета поселилась со своим младенцем в одной из пещер (в пустыне около Мёртвого моря – Ю.Т.) ... . Хранимый Господом и питаемый Ангелами, он (Иоанн – Ю.Т.) оставался в суровой пустыне до дня своего явления израильтянам **проповедником** покаяния [Избранные жития 2011: 208–209].*

Как видим, на 8 предложений текста приходится 5 слов с корнем **-вед-**: *повествовать, заповедь, возвестить, выведать, проповедник.*

Заметим попутно, что в словах *праведны* и *праведные* мы имеем дело с другим корнем – *правед-* / *правд-* с беглым *e*. Ср. слово *правда*, образованное от краткого прилагательного *прав* с помощью суффикса *-да-*, который сегодня не вычленяется, хотя раньше он был продуктивным (*кривой* – *крив* – *кривда*). Ещё раньше, в праславянскую эпоху, в этой морфеме вычленялся суффикс *-в-*, а корень *пра-* имел значение ‘правильный’, ‘первый’ (ср.: *прадед, прабабушка, прародитель* и под.). Этот же корень мы видим также в словах *справедливый, справедлив* (-а, -о, -ы), *справедливо, справедливость* [Шанский 1971: 360].

Современные **публицистические тексты**, обращаясь к церковной тематике, невольно подражают стилю церковнославянских книг и содержат похожую лексику. Вот некоторые выражения из молодёжной газеты «ПриМУла» Московского университета, которая каждый год в канун 25 января публикует материалы на тему «Татьянин день»: *...покровительство св. Татианы для нас, студентов и преподавателей, неслучайно и имеет глубокий смысл. И далее: она **исповедала** себя христианкой; своей жизнью она*

засвидетельствовала единство слова и дела; она проповедовала истину не словом, а самым образом жизни; заведовала раздачей милостыни; была известна делами милосердия [Логофетова 2008].

В качестве примера публицистики иного рода приведём отрывок из статьи И.Ильина «О свободе печати»: *В нынешнем мире началась борьба за свободу печати и не только за эту свободу; более того, за всякую свободу – за свободу вероисповедания, мысли, творческой инициативы.... Свобода печати не означает разнузданности и злоупотребления....*

...Вся мерзость – разнузданность, бессовестность, богохульство и беспардонная ложь присущи не свободной печати, а наоборот, – тоталитарной печати. То, что это именно так, нам теперь досконально известно... . Свобода печати – это прекрасное право публично поведать о том, что знаешь лучше всего, и преподнести общественности то лучшее, чего хочешь более всего [Ильин 2006: 202-204].

Обратим внимание читателей на то, что в слове *бессовестность* мы видим омонимичный корень *-вест-*. Это слово произошло от ст.-сл. слова *вѣтъъ* ‘совет’, ‘уговор’, ‘согласие’ (ср.: *со+вѣтъ+ть* = *совѣсть*, где *tt* → *st* ещё в праславянский период), то есть *совѣсть* – это совет и согласие с самим собой, так как *со* восходит к местоимению *свой*, которое, в свою очередь, происходит от ст.-сл. слова *собь* ‘существо’, ‘лицо’, ‘особа’ (ср.: др.-русс. предложно-падежная форма *о собѣ* имела значения ‘отдельно’, ‘для себя’, ‘сам собой’, а родственными словами являются *свобода*, *особенный* и *собственный*) [Шанский и др. 1971: 315, 404, 419].

Вообще же в **публицистических текстах** обычно встречаем следующие слова и словосочетания: *пребывать в неведении, демонстрировать невежество, быть сведущим / несведущим, невежда, невежество, вежливость, известность, безвестно погибший, без вести пропавший, (не)известный, безвестный, малоизвестный, общеизвестный, неизвестный, музей-заповедник, заповедная зона* и др.

В **текстах научного стиля речи** частотны слова, которые являются названиями различных научных дисциплин (*архивоведение, библиотековедение, востоковедение, искусствоведение, книговедение, литературоведение, стиховедение, языковедение* и др.), а также наименования

специалистов в той или иной области знаний (*востоковед, искусствовед, книговед, музыковед, обществовед* и др.).

Кроме того, у нас в языке есть названия узких специалистов в области *литературоведения* типа *пушкиновед, горьковед, блоковед, ахматовед* и др.

Подобные названия не образуются от любой фамилии автора. Имеются ограничения культурологического и языкового порядка.

С культурологической точки зрения, образованию названия узкой специализации мешает отсутствие *литературоведа*, всю свою жизнь посвятившего изучению творчества только одного конкретного писателя, а также слишком распространённая фамилия самого писателя типа *Иванов*, так как специализация *ивановед* не уточняет, творчество какого *Иванова* имеется в виду.

С языковой точки зрения, фамилии на *-ский* образуют неблагозвучные названия профессий и не закрепляются в языке: **достоевсковед, *мережковсковед*.

Тяжело звучат названия профессий от длинных фамилий, поэтому они тоже не закрепляются в языке – **державиновед, *батюшковед*.

Усечение фамилии может вести к неверной интерпретации, ср.: *батюшковед* может изучать творчество *Батюшки*, а не *Батюшкова*.

Вообще же, чем короче фамилия писателя, оканчивающаяся на согласный звук, тем легче образовать название профессии – *блоковед, гриновед*.

Фамилии, оканчивающиеся на *-ов* и *-ев*, позволяют опустить конечный звук [в], сливающийся с последующим звуком [в] в корне *-вед-*: *чеховед* звучит нормально, но *шмелевед* или *шмелёвед* звучат плохо, так как первое название позволяет думать о другой фамилии – *Шмель*, а не *Шмелёв*, второе же звучит длинно и имеет сразу два ударения, что непривычно русскому уху.

Ещё в **научных текстах** много словосочетаний с прилагательными типа *литературоведческое* исследование, *стиховедческий* анализ, *искусствоведческий* подход, *лингвострановедческий* курс по русской истории, *языковедческая* проблема и под.

Особое внимание мы обращали на **литературоведческие научные работы**. Например, в поисках слов с корнем *-вед-* мы

проанализировали пособие для иностранных учащихся А.Г. Матюшенко «Анализ художественного текста. Рассказ А.П. Чехова «Студент» [Матюшенко 2009]. В этом небольшом пособии (50 с.) мы нашли 16 слов с интересующим нас корнем (не считая повторов): *невеж ест во, неведомое счаст ье, повест вование, сведения, невест а, неизвест ный, веда т ь, вест ь, веж ливые манеры, свидет ельст воват ь, свидет ельст во, свидет ель, извест но, чеховеды, проповедь, исповедь*.

Вообще же в **литературоведческих статьях**, по нашим наблюдениям, частотны следующие слова: *повесть, повествователь, повествование, сведения, поведать*, а также союз и частица *ведь*.

В современных **научных статьях** фигурируют ещё названия журналов – современных (типа «*Вестник МГУ*») и прошлых веков («*Вестник Европы*»), а также газет, например, «*Московские ведомости*».

Кроме того, в **научных текстах об античной культуре или литературе** можно встретить имя *Веста*. Это богиня огня и домашнего очага у древних римлян. А также слово *весталка* со значением ‘девственная жрица богини Весты’.

Особенно много терминов и названий с корнем *-вед-* в **научно-популярных работах** о книжных памятниках, сохранивших древнейшие знания человечества. Благодаря этим статьям нам *извест но*, что есть книги древних, мудрых **знаний**: «*Веста*», «*Авеста*», «*Веданта*», «*Веды*». В последней собраны молитвы, гимны и другие древнейшие священные тексты индуизма. Части этой книги называются так: "*Ригведа*", "*Самаведа*", "*Ядж урведа*" и "*Ат харваведа*". Их написание было закончено приблизительно в 900 г. до н.э. Гимны "*Ригведы*", например, посвящены герою Пуруши, части тела которого стали божественной основой для образования каст в Индии: из его уст вышли священники (брахманы), из его рук – чиновники и воины, из бедер – торговцы и земледельцы, а из ног – шудры (рабочие).

Другие священные тексты были собраны в книгу "*Ведант у*". Это философские трактаты о душе, о судьбе, о карме и под. Её составление датируется 600-300 гг. до н.э.

Существуют ещё такие книги, как: «Агадаведа» (о медицинской науке), «Сасьяведа» (о земледельческой науке), «Сарпаведа» (о науке о змеях).

А сегодня в России повсюду рекламируется **аяурведа** как

система знаний по оздоровлению духовного и физического состояния человека, и туристические агентства зазывают нас в **аюрведические** отели Индии.

В подобных **научно-публицистических работах** мы встречаем много словосочетаний с прилагательным **ведический**, -ая, -ое, -ие: *ведическая Русь, ведическая вера, ведическая литература, ведический текст, ведические писания, ведическая культура, ведические знания* и др.

В вышеназванных текстах мы имели дело с корнем **-вед-** в значении ‘знать’, в **текстах же делового стиля** мы встречаем производные слова со значениями ‘знать и руководить’, ‘распоряжаться’, ‘подчинять себе’, ‘управлять’. Это второе значение корня **-вед-** возникло у древнерусского глагола **ведати** на два века позже – в XIV веке. Ср. примеры: *ведать провиантом, находиться в ведении министерства, относиться к ведомству, быть подведомственным, узковедомственный интерес, заведовать, заведование, заведующий*. При этом субстантивированное причастие *заведующий* часто используется при назывании официальных должностей: *заведующий кафедрой / библиотекой / складом / отделом / клубом / лабораторией* и под.

Конечно же, в **текстах делового стиля** употребляются слова и с корнем **-вед-** в значении ‘знать’, например: *ведомость, уведомить, уведомление; осведомить, осведомитель, осведомлённость / неосведомлённость, иметь осведомлённость; иметь сведения; свидетель, свидетельствовать, лжесвидетель, свидетельство, засвидетельствовать какой-либо факт, освидетельствование; известить, извещение; оповестить, оповещение* и др.

В доказательство приведём отрывок из статьи «Отравление в розлив», напечатанной в журнале «Имеешь право», о практике применения одного из федеральных законов: *Согласно федеральному закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 11 ноября 1994 г., органы местного самоуправления обязаны своевременно **оповещать** граждан о сложившейся чрезвычайной ситуации.*

*Однако в федеральном законе «О защите...» не указаны сроки **оповещения** населения, поэтому представители поселковой администрации, **известившие** об аварии на нефтепроводе лишь через пять дней после неё (эту информацию*

подтвердили в суде многие **свидетели**) не были признаны судом нарушителями данного закона [«Имеешь право» 2005: 63-65].

В **разговорном стиле** отсутствует глагол *ведать* со значением 'знать', он устарел. В СРЯ сохранились лишь некоторые застывшие выражения с ним. Например, *И знат ь ничего не знаю, и ведат ь ничего не ведаю* или *Ост авт е их, "ибо не ведают , чт о т ворят "*, то есть используют крылатое выражение, идущее из "Нового завета" (Лк. 23:34). Или *Не слушай т ы его, болт ает / мелет он невест ь чт о!* А также выражения *Бог вест ь чт о /какой / почему* и *Не Бог вест ь чт о /какой /зачем* и под.

В диалогах очень частотна в **разговорном стиле речи** частица **ведь**, маркирующая в высказываниях появление вывода, аргументации, объяснения причины чего-либо или привлекающая внимание к очевидному высказыванию, где она синонимична риторическому вопросу *Разве не т ак?*, не требующему ответа: *Конечно, она обо мне позабот ит ся, ведь мы близкие родст венники, но всё-т аки не хочет ся её беспокоит ь; Чт о т еперь об эт ом сож алет ь? Ведь и вы, и я знали, чт о именно т ак произойдёт !*

Данная частица часто оформляет выражения эмоциональных реакций на провоцирующие обстоятельства, ср.: *Ведь я т ебе 100 раз говорила: «Не запускай болезнь, обрат ись к врач у!»; Нет , вы т олько посмот рит е! Ведь эт о пот рясающе!*

Кроме того, употребительны здесь такие нейтральные слова, как: *невест а, невест ка, вежливо / невежливо, невежа, ведьма, вещей, зловещий* и др., а также суффиксально-префиксальные производные от корня **-вед-** в словосочетаниях типа: *проведат ь родных, навест ит ь больного, наведат ься к родст венникам, от ведат ь огурчиков, разведат ь обст ановку* и под.

Наконец, в **художественных текстах** (прозаических и поэтических) используются средства разных стилей. Художественная речь подчиняет себе всё.

В прозе и в поэзии писатели часто обращаются к библейским и евангельским сюжетам, и тогда появляются слова, типичные для церковнославянских текстов (см. выше).

В диалогах героев мы видим лексику, характерную для разговорной речи. Вспомним булгаковскую Аннушку из романа "Мастер и Маргарита", которая, найдя на тёмной лестнице чужой браслет (подарок Воланда Маргарите) и мечтая продать камушки

из него на разных рынках, приговаривает: "*И знат ь ничего не знаю, и ведат ь ничего не ведаю!*"

В художественных произведениях находит себе место большое количество слов из публицистических текстов (см. выше), тогда как слова из научного или делового стилей присутствуют здесь выборочно. Например, слово *свидетель* может быть частотным в детективах, а научное слово *кит аевед* может быть названием профессии главного героя какой-нибудь повести и т.д. и т.п.

В поэтических текстах прошедшего XX в. фигурируют как устаревшие, так и современные слова. Покажем это на примере поэзии А. Блока. *Над всей Европою дракон, / Разинув пасть, / томит ся ж аждой <...> / Кто нанесёт ему удар? / Не ведаем: над нашим ст аном, / Как вст арь, повит а даль т уманом, И пахнет гарью. Там – пожар* («Народ и поэт») или *Дай мне неспешно и нелживо / Поведат ь пред Лицом Твоим / О том, что мы в себе т аим, / О том, что в здешнем мире живо* (Там же) или *Русь, опоясана реками / И дебрями окруж ена, / С болот ами и журавлями, / И с мут ным взором колдуна <...>, / Где ведуны с ворожеями / Чаруют злаки на полях, / И ведьмы т ешат ся с черт ями / В дорож ных снеговых ст олбах* («Русь») или *Да слепы люди, низки т учи... / И где нам ведат ь т орж ества? / Залёг здесь камень бел-горючий, / Раст ёт у ног плакун-т рава* («На смерть Комиссаржевской») или *Сама себе закон – лет ишь, лет ишь т ы мимо, / К созвездиям иным, не ведая орбит, / И эт от мир т ебе – лишь красный облак дыма, / Где что-т о ж жёт, поёт, т ревожит и горит* («Нет, никогда моей и ты ничьей не будешь...») или *А пока в неизвест ном живём / И не ведаем сил мы своих, / И как дети: играя с огнём, / Обжигаем себя и других* («Есть игра: осторожно войти...»).

В стихотворении А. Блока «*Гамаюн, птица вещая*» (*На глядах бесконечных вод, / Закат ом в пурпур облеченных, / Она вещает и поёт, / Не в силах крыл поднять смятенных... / Вещает иго злых т ат ар, / Вещает казней ряд кровавых, / И т рус, и голод, и пожар, / Злодеев силу, гибель правых*) мы видим два слова с корнем *-вещ-* – *вещая* и *вещат ь*, но они не являются однокорневыми, эти слова образованы от разных корней. Первое – от слова *вѣсть*, а второе от ст.- сл. слова *вѣтъ* ‘совет, уговор, согласие’. В списке родственников этого последнего корня такие слова, как: *телевещание, радиовещание, завещание, совещание,*

обещание (<**обвѣщати** – **обвѣстити**), вещание на разных языках (о радиостанциях) и др. [Шанский и др. 1971: 78, 79, 152, 297].

В конце нашей статьи обратим внимание читателей на один удачный и остроумный современный термин, родившийся в жанре пародии. Это термин **МОЗГОВЕД**. Термин **не принадлежит литературному языку**. Он совмещает в себе сразу два значения глагола **ведат ь**, от которого он образован. С одной стороны, **МОЗГОВЕД** – это пародийное название врача, который как бы занимается проблемами мозга как психиатр, как нейрохирург, как невролог, то есть **МОЗГОВЕД** – это "специалист", знающий (**ведущий**) состав, структуру и функции мозга (<**ведат ь-1** 'знать'). С другой стороны, **МОЗГОВЕД** – это пародийное название политолога, который с экрана телевизора как бы **управляет** мозгом или сознанием других людей, который как бы **подчиняет** чужие мозги своему влиянию с помощью внушения определённой интерпретации каких-либо событий (ср. жаргонный термин **промывка мозгов**). Это значение слова происходит от **ведат ь-2** 'распоряжаться, руководить, подчинять и управлять'.

Автором этого пародийного термина является Андрей Бильжо, человек разносторонних знаний. Он и журналист, и художник-карикатурист, и пародист, а в прошлом (по основной профессии) врач-психиатр [Сатушева 2011].

Таким образом, мы считаем, что группа слов с корнем **-вед-** должна быть всегда в поле зрения преподавателя, работающего с иностранными учащимися, так как слова этой группы частотны в любом стиле речи, и всегда могут быть удобным материалом для комментариев и с точки зрения истории языка, и с точки зрения словообразования, и с точки зрения стилистики, и с точки зрения культурологии.

Литература

Избранные жития святых. Январь – декабрь. // Составитель: Афанасий, архиепископ Пермский и Соликамский. СПб, 2011.

Ильин И. О свободе печати // Справедливость или Равенство.

Публицистика 1918 – 1947 гг., М., Свято-Тихоновский Православный университет, 2006.

Логофетова А. Святая Татьяна: неслучайный выбор, глубокий смысл // Молодёжная газета «ПриМУла». М., Московский университет, № 01 (011), январь 2008.

Матюшенко А.Г. Анализ художественного текста. Рассказ А.П. Чехова

«Студент». М., 2009.

Отравление в розлив // Журнал «Имеешь право», № 46 (51), 05.12 – 11.12, 2005.

Сагушева Л. Однажды Петрович...// Газета «Вечерняя Москва», 28.02.2011.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ И ИХ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

При изучении языка средств массовой информации на занятиях по русскому языку как иностранному возникает необходимость ознакомления учащихся с пространственной локализацией событий, освещаемых в публицистических текстах, то есть с номинацией географических объектов.

Топонимы как собственные имена географических объектов, к которым относятся города, посёлки, реки, моря, горы, улицы, площади и др., выполняют номинативную функцию и отличаются унифицированным характером. Нормированные формы написания и произношения топонимов закрепляются в энциклопедических словарях, в которых даются сведения о денотате топонима. Названия географических объектов не имеют синонимов, так как их предназначение заключается в точном наименовании индивидуальных объектов, которое закрепляется не только в словарях, но и на географических картах, в атласах, на дорожных указателях и на указателях, размещённых на внутригородских объектах.

Официальные названия географических объектов, встречающиеся в публицистических текстах, не представляют трудности для иностранных учащихся в языковом плане, скорее сложности возникают при поиске объекта на географической карте России, поскольку не все иностранцы знакомы с географией России.

У иностранных учащихся вызывают определённые трудности варианты форм топонимов, используемые в современных публицистических (письменных и устных) текстах. Возникновение вариантов форм топонимов основано на нарушении нормативного употребления названия географического объекта, что обусловлено асимметричностью языкового знака, предопределяющей существование у одного и того же объекта нескольких наименований. Это способствует появлению синонимичных форм наименований географических

объектов, которые не являются официальными и не закреплены в словарях.

Анализ вариантных форм топонимов, используемых в современных публицистических текстах, позволяет выделить несколько семантико-синтаксических способов словообразования синонимичных форм топонимов.

1. Свёртывание наименований.

Вариантные формы топонимов имён существительных образуются с помощью продуктивного суффикса –к(а) на базе словосочетания 'прилагательное + существительное', причём суффикс производящей основы усекается. Следует отметить, что роль производящей основы выполняет основа имени прилагательного, а лексическое значение вариантной формы топонима эквивалентно всему словосочетанию, образующему стандартизированную форму топонима. Топоформант –к(а) становится средством субстантивации. Например: «Заканчивается строительство ещё одной эстакады <...>, которая позволит автомобилистам, по какой-то причине не попавшим сразу с *Ленинградки* на *Волоколамку*, выехать на неё чуть позже» [«Аргументы и факты». 2011. №37], где с *Ленинградки* = с Ленинградского шоссе, на *Волоколамку* = на Волоколамское шоссе. (Здесь и далее выделено нами. – Т. Р.).

2. Усечение наименования, образованного неаффиксальным способом словообразования – сложением.

В русском языке последний компонент, который входит в слово, образованное путём сложения, является носителем морфологических показателей (например: диван-кровать, светло-зелёный). При образовании вариантных форм топонимов, официальная форма которых является результатом сложения, происходит усечение топоморфа или топоморфов, следующих за первым. В результате этого первый топоморф становится носителем денотативного значения и морфологических показателей. Например: «Туда же, в *Петропавловск*, бог знает откуда приезжает гениальный мальчик Тимофей» [«Аргументы и факты». 2011. №27], где *Петропавловск* = Петропавловск-Камчатский; «Война за *Рио*» [«Русский репортёр». 2010. №47], где *Рио* = Рио-де-Жанейро.

3. Усечение двусловных топонимов, состоящих из словосочетания 'прилагательное + существительное', причём при компрессии словосочетания усекается существительное,

обозначающее обычно внутригородской объект или природный объект. Например: на *Пятницкой* (= на Пятницкой улице), в *Хлебном* (= в Хлебном переулке), близ *Патриарших* (= близ Патриарших прудов) [«Аргументы и факты». 2011. №17], на *Кузнецком* (= на Кузнецком мосту) [«Аргументы и факты». 2011. №32], «Пройтись по *Тихому*» (= по Тихому океану) [«Пятый канал». 08.10.2011].

4. Усечение трёхсловных топонимов происходит при разложении аббревиатуры названия государства на производные слова и усечение прилагательного и существительного при сохранении производного слова, образованного существительным в форме множественного числа. Например: «В *Штатах* на одного человека производится 4 кг мусора в день» [«Аргументы и факты». 2011. №27], где в *Штатах* – это вариантная форма топонима, образованная следующим образом: США → Соединённые *Штаты* Америки → *Штаты*; «Пойманный с поличным экс-вратарь затем при заполнении декларации сильно занизил стоимость приобретённого в *Эмиратах* добра» [«Русский репортёр». 2011. №16], где в *Эмиратах* – это вариантная форма топонима, образованная следующим образом: ОАЭ → Объединённые Арабские *Эмираты* → *Эмираты*.

5. Чистое сложение используется для образования вариантных форм топонимов. В данном случае происходит соединение самостоятельной топоосновы с продуктивной топоосновой *-град*, причём образуемая вариантная форма топонима носит ярко выраженный экспрессивный характер, а коннотативное значение употребления данной формы топонима выявляется в результате анализа контекста. Например: *Лондонград* [НТВ. 24.09.2011] образован путём сложения самостоятельной топоосновы *Лондон* и продуктивной топоосновы *-град*.

6. Сложение как способ словообразования используется для образования *топонима-неологизма*. Например: «Городок напичкают экоинновациями типа энергоконцентрирующей крыши. А построит «*Нано-Селигер*» британская компания, возводившая стадион в Пекине и здание оперы в Сиднее» [«Аргументы и факты». 2011. №32].

Особым случаем образования топонимов является номинация географического объекта, границы которого

изменяются. Имеется в виду проект расширения границ Москвы. В периодической печати при объявлении планов по расширению Москвы использовались следующие топонимы-неологизмы: «*Большая Москва*» и «*Новая Москва*» [«Аргументы и факты». 2011. №29], *Большая Москва* и *новая Москва* [«Аргументы и факты». 2011. №32], а город Москва именовался как «*“старая” столица*» [«Аргументы и факты». 2011. №29]. Но расширение границ города происходило во Франции и США, в результате чего образовался Большой Париж и Большой Нью-Йорк. Поэтому по аналогии с данными топонимами, обозначающими города с пригородами, был образован топоним-неологизм *Большая Москва*. Данное словосочетание легло в основу словообразовательной модели топонимов-неологизмов ‘Большой (-ая) + существительное’, которые обозначают географические объекты, подвергшиеся расширению. Например, «Кстати, весь проект «*Большая Ленинградка*» – в стадии завершения, он позволяет машинам преодолевать путь от площади Белорусского вокзала до МКАД, не останавливаясь перед светофорами» [«Аргументы и факты». 2011. №37].

Для обозначения географических объектов используются перифразы, которые отражают авторское или коллективное отношение к описываемому географическому объекту, предъявляют новую информацию об объекте и являются видом вариантных наименований географических объектов. Отмечены перифразы, в структуру которых входят:

1) ‘существительное + им. п. числительного’, например: «Россия – “*Дом – 2*”» [«Аргументы и факты». 2011. №27];

2) ‘существительное + существительное в им. п.’, например: «Его (Хвалынский – *Т.Р.*) неофициально называют “*город-консерва*”» [«Русский репортёр». 2011. №16];

3) ‘существительное + существительное в косвенном падеже’, например: «Что касается позитивных последствий распада СССР – *Азербайджан* теперь знают в мире не как «*запчасть*» *Союза*» [«Аргументы и факты». 2011. №29]; «Город *Нарву* и окрестности таллинцы саркастически называют «*резервацией индейцев*» – тут сосредоточено большинство из 25% русских, оставшихся в Эстонии после 1991 г.» [«Аргументы и факты». 2011. №37]; «В 1841 г. Александр Сухово-Кобылин решил развезаться в *Париже*. Именно в «*городе любви*» он познакомился с французенкой Луизой Симон-Деманш, которая

на несколько лет стала его спутницей и проклятием» [«Аргументы и факты». 2011. №47];

4) 'прилагательное + существительное', например: «Ведь пока неизвестно даже, какая стратегия развития лучше – присоединить к Москве *юго-западный «галстук»* или развивать города-спутники по всей окружности столицы...» [«Аргументы и факты». 2011. №32], где *юго-западный «галстук»* – это территория Подмосковья, которую присоединяют к Москве; «Россия – *Химкинский лес»* [«Аргументы и факты». 2011. №18]; «Таиланд – *Всероссийская здравница»* [НТВ. 24.09.2011]; «Америка – *правовой Черкизон»* [Телеканал «Россия 1». 21.10.2011];

5) 'притяжательное местоимение + существительное', например: «<...> в Египте – *нашей здравнице»* [НТВ. 26.09.2011];

6) 'возвратное притяжательное местоимение + порядковое числительное + существительное', например: «Париж он (М. Шагал. – *Т.Р.*) называл *своим вторым Витебском»* [«Русский репортёр». 2011. №1-2].

В иноязычной аудитории перифрастические наименования географических объектов нуждаются в комментировании, так как в них отражается связь с историческими событиями, с фактами общественной и культурной жизни страны. Индивидуализирующий компонент значения перифразы раскрывается за счёт наличия фоновых знаний о лексемах, входящих в состав перифрастических словосочетаний, что позволяет учащимся понять образную характеристику топонима и выявить авторскую оценку излагаемых в публицистическом тексте фактов.

Отмечены случаи употребления топонимов в качестве антропонимов. Официальное наименование географического объекта используется в качестве *топонима-антропонима*, выполняющего вторичную номинативную функцию и дающего объекту новое метафорическое название. Например, современную Эстонию автор называет *Европа Европовна*, а топоним *Эстония* выступает в качестве автора прямой речи: «*Ушла в Европу. Навсегда!*» [«Аргументы и факты». 2011. №37]; топоним-антропоним в заглавии статьи «*Сахарова – по вкусу?*» [«Аргументы и факты». 2011. №52], где *Сахарова* – это усечённое наименование *проспекта Сахарова* и форма род. п. фамилии

русского физика, лауреата Нобелевской премии мира А.Д. Сахарова.

Особым случаем использования топонимов и их вариантных форм в современных публицистических текстах является способ включения топонима или его вариантной формы в заглавие текста, содержащего частичное или полное название прецедентного текста. Например: заглавие статьи «*Чудеса Замкадьа, или 7 необычных мест недалеко от Москвы*» [«Аргументы и факты». 2011. №32], в котором используется топоним *Замкадье* (= Подмосковьё), является аллюзивным цитированием названия произведений Л. Керролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»; заглавие статьи «*Крутой маршрут России*» [«Аргументы и факты». 2011. №17] включает в себя название романа Е. Гинзбург «*Крутой маршрут*»; заглавие статьи «*Союз на распутье*» [«Аргументы и факты». 2011. №52] вызывает у носителей языка ассоциации с названием картины В. Васнецова «*Витязь на распутье*». Семантизация данных топонимов и вариантной формы топонима в заглавиях статей возможна только с помощью лингвокультурологического комментария преподавателя, так как ёмкость метафорического заглавия, в которое включён топоним или его вариантная форма, складывается за счёт ассоциативного ряда (образного или зрительного), который возникает при прочтении названия или части названия произведения, включённого в заглавие публицистического текста. В отдельных случаях публицист может сам прокомментировать употребление топонима в заглавии и предложить читателям прецедентный текст, на основе которого озаглавлен публицистический текст. Например, заглавие статьи В. Костикова «У кого чешется «*гондура*»? О проблемах реальных и придуманных» [«Аргументы и факты». 2011. №52]. Публицист в предисловии к статье семантизирует значение топонима, выполняющего в тексте нарицательную функцию, и приводит каламбур В.С. Черномырдина и анекдот, аллюзивное цитирование которых прослеживается в названии статьи:

«Виктор Степанович Черномырдин остался в памяти россиян не только как политик-тяжеловес, но и как мастер незабываемых каламбуров. Многие из них навсегда вошли в фольклор.

«Хотели как лучше, а получилось как всегда». Или: «У кого чешется – чешите в другом месте». Последняя шутка породила известный анекдот из серии «про Чапаева». Молва тоже приписывает его Черномырдину.

– *Тревожит меня, Петька, Гондурас*, – вздыхает Чапай.

– *А ты его, Василь Ваньч, не чеши...*

В народном юморе далёкий и малоизвестный *Гондурас* стал с подачи Виктора Степановича понятием собирательным. «*Гондурас*» – это некая заграница, которая тревожит и одновременно смешит наши души» [«Аргументы и факты». 2011. №52].

Для иностранных учащихся наиболее трудной группой являются топонимы, в значении которых прослеживается связь с историческими событиями, происходившими на территории какого-либо географического объекта. При включении в публицистический текст топонима, в значении которого отражается указание на исторические события, требуется определить точку зрения автора публикации на описываемые события. Факты, приводимые в публикациях, достоверны, но последствия некоторых исторических событий могут быть оценены неоднозначно.

Рассмотрим пример. В интервью, данном М.С. Горбачёвым корреспонденту газеты «Аргументы и факты», первый Президент СССР говорит о Б.Н. Ельцине: «Но я же говорю о Ельцине-политике. О его поведении. Как он визировал проект нового Союзного договора, а за спиной всё это время готовил *Беловежье*... Что это было, как не предательство?» [«Аргументы и факты». 2011. №9]. Для пояснения многозначности топонима *Беловежье*, следует объяснить иностранному учащемуся, что в 1991 г. велась работа над новым Союзным договором, и главы большинства республик СССР хотели присоединиться к договору о Союзе Суверенных государств. Но в декабре 1991 г. глава правительства РСФСР Б. Ельцин, глава правительства БССР С. Шушкевич и глава правительства УССР Л. Кравчук подписали соглашение, в котором говорилось, что СССР как субъект международного права прекращает своё существование, а договаривающиеся стороны создают Содружество Независимых государств (СНГ). Данное соглашение было подписано в местечке Вискули в Беловежской Пуще (Белоруссия). Вариантная форма топонима

Беловежская Пуца *Беловежье*, образованная путём свёртывания наименования, стала символом распада СССР, и, естественно, данный факт не может иметь однозначной оценки. Споры о том, что подписание Беловежского соглашения имело положительные или отрицательные последствия, ведутся до сих пор. В статье «От путча до *Пуци*. 20 лет назад было подписано *Беловежское соглашение*» [«Аргументы и факты». 2011. №49] приводятся различные точки зрения на данное историческое событие. Коннотативные значения топонима *Беловежская Пуца* и его вариантной формы *Пуца*, образованной путём свёртывания наименования, определяются на основе анализа контекста, содержащего данный топоним. Г. Бурбулис считает, что «... благодаря *беловежскому консенсусу* нам удалось предотвратить кровавую войну за передел советского наследства по югославскому образцу» [«Аргументы и факты». 2011. №49]. А. Проханов заявил, что «почти 4 года «подпиливали» все опоры государства – идеологию, культуру, экономику. Вынули государствообразующую силу – КПСС, затоптав её в грязь. И венец всему – *беловежский сговор*», «неслучайно он (Б. Ельцин. – *T.P.*) летал в США, неслучайно из *Пуци заговорщицы* позвонили сперва не российскому, а американскому президенту» [«Аргументы и факты». 2011. №49]. Социальная значимость данного исторического события и влияние его не только на последующее развитие исторического процесса, но и на судьбы миллионов людей, позволяют говорить о преобразовании данного топонима *Беловежская Пуца* и его вариантных форм *Беловежье*, *Пуца* в символ распада СССР, что вызывает у читателей различные оценки, обусловленные социальными факторами. К данной группе топонимов, в значении которых прослеживается связь с историческими событиями, можно отнести топонимы *Бородино*, *Сталинград* как символы героической защиты Отечества от захватчиков. Топонимы и их вариантные формы, в значении которых прослеживается связь с историческими событиями, происходившими на территории какого-либо географического объекта, можно обозначить как *топонимы-символы*.

Анализ функционирования топонимов и их вариантных форм позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, использование вариантных форм топонимов, в образовании которых задействованы семантико-синтаксические способы

словообразования, приводит к экономии языковых средств, характерной для разговорной речи. С другой стороны, перифразы, топонимы-антропонимы, топонимы, используемые при аллюзивном цитировании названия прецедентного текста, топонимы-символы являются как выразительным средством передачи авторской оценки содержания высказывания или содержания текста, так и средством образной характеристики географического объекта. Раскрытие образности вариантной формы топонима необходимо сопровождать лингвокультурологическим комментарием, который поможет иностранным учащимся точнее понять экспрессивно-эмоциональные оттенки вариантных форм наименований географических объектов и стилистические особенности текстов, в которых функционируют топонимы и их варианты формы.

ИРОНИЯ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Благодаря своей публичности язык СМИ имеет широкое распространение. С одной стороны, опосредованно он создает языковую норму, с другой стороны, он отражает языковую картину современного ему общества. На разных этапах развития страны язык СМИ подвергался преобразованиям. М.Н Володина указывает на амбивалентность этого процесса: «Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание». [Володина 2003: 5].

Изменения в экономике и политике страны оказали большое влияние на язык средств массовой информации в России. Свобода слова и демократизация общества способствовали широкому проникновению иронии в российскую публицистику. Очевидно, что стиль языка СМИ, который использовали в советское время, коренным образом отличается от стиля постсоветского времени. Соответственно внутри каждого из этих двух больших периодов есть свои подпериоды. На основании исследований Я. Н. Засурского [Засурский 2004, 2007], Б. Макнейра [McNair 1994], И. И. Засурского [Засурский 2001], А.Г. Рихтера и др. можно выделить такие этапы развития российской журналистики в постсоветском пространстве:

1. С 1985 по 1990 гг. — период гласности, т.е. системы партийного управления средствами массовой информации, но в соответствии с новым курсом первого и единственного президента СССР М.С. Горбачева на демократизацию советского общества.

2.С 1990 по 1995 гг. – пресса играла роль самостоятельного института. Б. Макнейр называет этот период «золотым временем» российской журналистики.

3.С 1995 г. – по настоящее время период "коммерческой прессы и концентрации". [Вартанова 2009].

Большое влияние на современное состояние языка российских средств массовой информации оказал стиль газеты «Коммерсантъ», которая начала издаваться в первый период, период «гласности». [Paasilinna 1995].

Появившись в 1998 году, газета быстро стала популярной. Тогда основной темой статей других печатных изданий было обсуждение распада СССР и переосмысление социалистического опыта развития страны; "Коммерсантъ" же сфокусировался на освещении современной ситуации, а также на прогнозах. Согласно опросу, проведенному информационным агентством «Росбалт» в 2003 году среди 50 крупнейших компаний России и деловых ассоциаций, газета «Коммерсантъ» вошла в число лидеров по взвешенности и объективности подхода к материалу [Панкин 2003] . «Коммерсантъ» ввел новый формат газеты – в нем появились постоянные рубрики («Промышленность и энергоресурсы», «Инвестиции и финансы», «Потребительский рынок и телекоммуникации» и т.д.), мнения отделялись от информационных сообщений. Однако «Коммерсантъ» выделялся не только своей тематикой. Он создал новую языковую моду, которой последовало много других изданий. В настоящее время на таком языке говорят почти все средства массовой информации. Использование разнообразных лингвистических средств становится одним из способов создания имиджа СМИ.

В связи с тем, что рынок российских СМИ очень разнообразен, издания стараются выделиться, запомниться своим стилем, создать постоянное сообщество верных читателей. «Ведущими чертами современного языка публицистики, на наш взгляд, стали интертекстуальность, ирония, языковая игра, что свидетельствует в целом о возросшей экспрессивности данного подстиля, в котором реализуется установка современного автора-публициста на творчество, а не стереотип» [Солганик 1996: 28].

Голландский социолингвист Тен Адрианус ван Дейк доказал, что именно в дискурсивных практиках происходит идеологическая социализация людей, формируется их идентичность. В идеале в ходе взаимодействия и

взаимопроникновения частных дискурсов и основанных на них идентичностей кристаллизуется общегражданский язык, который и конституирует нацию с особой общегражданской национальной идентичностью.

Стиль нового времени, который создал «Коммерсантъ», произвел эффект языковой реформы, потому что журналистские тексты в СССР строились по совсем другим принципам — от заголовков до принципов подачи информации. В советской журналистике была мода на номинативные односложные заголовки, было много штампов. Вот несколько примеров заголовков о полете Юрия Гагарина: *«Человек в космосе!»*, *«Капитан первого звездолета – наш, советский!»*, *«Прыжок во Вселенную»*, *«День, который войдет в века»*, *«В гостях у космонавта»*, *«Родина ликует»*, *«Глядя в лицо земли»*, *«Приземление»*, *«Шаг в неизведанное»* и т.п. По ним в целом можно определить тему заметки. В советских заголовках очень редко использовались глаголы. Если в заголовке сказуемое было, то обычно в форме глагола несовершенного вида настоящего времени. Новости тоже переводились в безглагольную форму. Например: *«Встреча глав иностранных делегаций с советскими руководителями»*.

«Коммерсантъ» был первой деловой газетой, то есть ориентированной на новости и жесткую, быструю, телеграфную подачу материала. В «Коммерсанте» заголовок приобрел вид связного и законченного предложения с подлежащим и сказуемым, потому что он работал по стандартам западной журналистики, например — *«Передали в суд дело хакеров, воровавших средства из терминалов»*, *«Возбуждено уголовное дело о покушении на Андрея Лугового»*, *«Обвиняемые в убийстве Дмитрия Мариничева сказали последнее слово»*, *«Врач Майкла Джексона приговорен к максимально возможному сроку»*, *«Прокуратура Нью-Йорка считает, что Виктора Бута осудили честно»*. По такому принципу создаются сейчас заголовки всех современных российских средств массовой информации.

Ирония и сатира в советских СМИ

В советское время средства массовой информации служили одним из инструментов формирования политических взглядов граждан страны. В соответствии с господствующей идеологией язык средств массовой информации отличался

прямолинейностью, лозунговостью не только заголовков, но и самих текстов.

Доступным средством художественного выражения в то время была, пожалуй, только публицистичность. В те времена даже репортажи о небольшом происшествии часто начинались с **лирических отступлений, исторических экскурсов**. Например, так начинается статья В. Гольцева и Н. Драчинского в газете «Известия» — №90 от 14 апреля 1961 года о полете Юрия Гагарина: *«Утром 12 апреля 1961 года с обычной пунктуальностью вошло солнце. Его лучи едва пробивались через тонкие занавески тихой комнаты. Здесь на кровати спокойно спал человек, имя которого через несколько часов стало известно всему миру. Врач заглянул в комнату. – Спит...»*

Главным направлением во всех видах искусства в то время был социалистический реализм, главными отличительными чертами которого являлись воспевание действующей идеологии и романтизация советского образа жизни. Так, успехи советских спортсменов были достоянием каждого гражданина страны, а двойка, полученная школьником, преподносилась как позор для всего советского общества.

В книге «Русский язык на газетной полосе» В.Г. Костомаров выделил основную черту языка газеты — стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности [Костомаров 1971: 7]. При этом доля юмора в советских СМИ была сведена к минимуму.

С 1922 года в СССР начал издаваться журнал «Крокодил». Журнал с юмором отражал советскую действительность, и некоторые номера его издавались тиражом в 6,5 миллиона экземпляров.

Согласно справочнику «Сатира советской эпохи 1917—1963» [Стыкилин, Кременская 1963: 137], внимание сатириков «Крокодила» устремлялось прежде всего на недостатки хозяйственной жизни страны, которые определяли в конечном итоге исход борьбы советского народа с разрухой за новую, социалистическую Россию. Авторы «Крокодила» изобличали тех, кто сохранил капиталистические привычки, беспощадно клеймили недочеты хозяйственной жизни страны. Руководствуясь советами В. И. Ленина, требовавшего от советской печати деловой и беспощадной борьбы с конкретными носителями зла, систематической критики отстающих фабрик и

заводов, они разоблачали конкретных виновников этого отставания. Комичное в «Крокодиле» в подавляющем большинстве случаев строилось на **основе игры слов и коммуникативных ошибках**. Самым популярным разделом журнала была рубрика «Нарочно не придумаешь», в которой публиковали различные смешные фразы из объяснительных записок, объявлений и проч., встречающиеся в повседневной жизни. Например, там была опубликована фотография лозунга, помещенного в одном из отделений связи. Этот лозунг гласил: *"За связь без брака!"*. Или другая фотография, на которой был изображен афишный стенд кинотеатра, где под афишей художественного фильма под названием "Не крадите моего ребенка", висела афиша второго фильма, с названием "Кому он нужен, этот Васька!". В рубрике «Слова, слова» публиковались **истинные и несуществующие цитаты на актуальные темы** (например, *«Входить в доверие надо не с пустыми руками. Фольклор ацтекских чиновников»*, *«В столкновении разных мнений верх чаще всего берут одинаковые. Шутка византийских канцеляристов»*), которые подбирались с намерением намекнуть читателю на парадоксальность современной ему жизни.

«Крокодил» оказал большое влияние на процесс формирования советской сатирической периодики 20-х годов. По его типу строились сатирические приложения многочисленных центральных и местных газет.

Ирония и сатира на страницах газет в СССР были эмоционально-оценочной критики автором советской реальности. С помощью иронии усиливалось ощущение парадоксальности общественной ситуации, утрировались проблемы. Более того, ирония выступала в качестве аллегии, служила для иносказательного выражения оппозиционных идей, помогала завуалировать политическую критику от предварительной идеологической цензуры.

Трансформация иронии в российских СМИ

В наше время происходит формирование индивидуальных стилей в языке средств массовой информации. Если раньше язык СМИ был достаточно стандартизирован и издания отличались в основном только полиграфическим дизайном, то именно в наше время использование различных средств речевого воздействия становится важной характеристикой конкретного СМИ или

автора, а также ярким фактором его узнаваемости на публицистическом рынке.

Исследователь языка СМИ М.Н. Володина выделяет следующие новые явления в развитии современного языка массовой коммуникации [Володина 2003: 13]:

— количественное и качественное усложнение конкретных сфер речевой коммуникации (устная публичная речь, газетно-публицистический стиль, специфика языка радио, телевидения, Интернета);

— социокультурное разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности масс-медиа;

— демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

— «американизацию» языка СМИ;

— следование речевой моде;

— сознательный отход от литературно-языковой нормы.

В «Коммерсанте» используются все эти средства языковой экспрессии. Однако необходимо выделить важный стилиобразующий элемент издания — это **ирония**. При использовании иронических замечаний истинный смысл текста скрыт или противоречит (противопоставляется) смыслу явному. Ирония создает ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется. С точки зрения лингвистики, ирония рассматривается в русле риторико-стилистического, структурального и прагматического подходов, анализируется ирония в теории текста, устанавливается связь иронии с функциональной семантикой оценки, ирония рассматривается как средство раскрытия образа автора, а также в плане взаимоотношения иронии и контекста.

В современных российских СМИ встречается ирония разных типов. Ироническая интонация газетных материалов в «Коммерсанте» создается с помощью использования всего комплекса лексических и синтаксических средств.

Лексико-семантические средства создания иронии

Для создания иронического эффекта в «Коммерсанте» используются различные **лексико-семантические средства создания иронии**.

Например, как в советское время, так и сейчас, популярным средством создания иронии является **перифраз или игра слов**. Примером этому служит название статьи об убийстве террориста Осамы бен Ладена «*Осамоубийство*» — это игра слов, основанная на созвучии со словом «самоубийство».

На обыгрывании лексической многозначности или омонимии построен основной и самый распространенный вид языковой игры – **каламбур**: — *Мы с вами приняли решение,— продолжил премьер,— сформировать региональные дорожные фонды (странно, что нет внедорожных, а ведь внедорожников становится все больше)*. В этом предложении восстанавливается связь слов «дорожный», «дорога» и «внедорожник» (автомобиль большой проходимости). *В мире творятся странные вещи: люди бегут, я бы даже сказала, сбегают на кухню. Катрин Баше, директор по развитию парижской кулинарной школы Cordon Bleu, с которой я познакомилась в Москве на гастрономическом фестивале "Пир", рассказывает, что никогда еще у них не было такого наплыва студентов со всего мира*. Этот текст пропитан иронией на нескольких разных уровнях. Нас в данном случае интересует омонимия слов «бежать» и слова «кухня», каждое из которых имеет несколько значений, образующих одно словосочетание. В заголовках популярны **перифразы комических словосочетаний**: «*Скорее мертв, чем жив*» — это перифраз крылатого выражения «Пациент скорее жив, чем мертв» из сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936) русского советского писателя Алексея Николаевича Толстого.

Более того, много в «Коммерсанте» **стилизаций под советскую риторику**, например, «*Верной обходной дорогой пошли товарищи*» (по аналогии с текстом плаката, выпущенного осенью 1961 г. к XXII съезду КПСС (художник Н. Терещенко) «Верной дорогой идете, товарищи!»). На плакате изображен В.И. Ленин, указывающий вытянутой вперед рукой направление — «верную дорогу»). Статья о предложении бывшему министру финансов Алексею Кудрину участвовать в предвыборной кампании названа «*Путин зовет!*» по аналогии с известным в культуре языка советского времени выражением, которое означало призыв защищать Родину от врагов — «Труба зовет!» (встречается, в частности, в тексте марша «Прощание славянки», автор А. Мингалев) .

Другим популярным методом создания иронии с помощью лексики является **использование профессиональной лексики и профессиональных жаргонизмов** для введения читателя в атмосферу повествования; так, военная лексика употребляется в статьях об армии, а учебная лексика – об образовании. В названии статьи, посвященной пересмотру рейтинга школ *«Рейтинг школ отправляют на переэкзаменовку»*, обыгрывается словосочетание «отправить на переэкзаменовку», идущее от реалий школьной и студенческой жизни. Или, например, статья про экономические реформы в армии названа *«Внеуставные экономические отношения»* (от юридического термина «внеуставные отношения», который значит «отношения, нарушающие Устав»). В наше время общим местом стало использование **профессионализмов** из сферы политики и экономики (слова и словосочетания полуофициального характера, обозначающие какое-то специальное понятие, для которого еще нет обозначения, часто заимствованные из английского языка). Термины могут быть и узкоспециальными, и общепонятными, понимаемыми и употребляемыми не только специалистами в данной области знаний.

Особый интерес представляет способ формирования иронического образа лидера в газете «Коммерсантъ». Частично об этом можно судить на основе анализа лексики, используемой журналистами для обозначения президента и премьер-министра Российской Федерации. Владимира Владимировича Путина называют *«премьер»* (должность всех предыдущих всегда называли полностью – «премьер-министр»), *«господин Путин»*, и, кроме того, *«пока дважды президент РФ»*. Фигура Дмитрия Анатольевича Медведева не успела обрасти таким количеством эпитетов: *24 сентября было объявлено о том, что премьер Владимир Путин, возглавлявший в 2007 году предвыборный список "Единой России", а с 2008 года и саму партию, не примет непосредственного участия в думских выборах 2011 года. Его место в списке занял президент Дмитрий Медведев, зато господин Путин будет выдвинут в президенты*. Начиная с 2008 года, Д.А. Медведева и В.В. Путина «Коммерсантъ» объединяет метафорой *«правлящий тандем»*. Метафора — это слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака. В названии статьи

«Как тандем был вчера разорван женщинами» есть несколько приемов иносказания. Во-первых, это олицетворение существительного «тандем». Это слово заимствовано из английского языка и, согласно «Толковому словарю иноязычных слов», означает: 1. Велосипед с двумя сиденьями, расположенными одно за другим. 2. Расположение однородных машин или их частей в агрегате друг за другом, на одной оси. 3. Паровая машина с подобным расположением рабочих цилиндров. В данном случае «тандем» служит для обозначения двух человек — Д.А.Медведева и В.В.Путина, а также их совместной деятельности. Во-вторых, прием иносказания создается и с помощью использования многообразия значений глагола «разорвать». В приведенном примере — в значениях «разрушить», «разделить», «засыпать вопросами». Это ироническое объединение двух лиц понятием «тандем» дает журналистам возможность обыгрывать морфологические характеристики этого заимствованного существительного — мужской род, единственное число. *Тандем встрепнулся: — Говорите-говорите!* Сложно представить двух человек, которые одновременно вздрогнули и хором произнесли одну фразу. *Девушка между тем уже спрашивала, какая музыка нравится тандему.* Поскольку очевидно, что у двух взрослых человек могут быть совершенно различные музыкальные пристрастия, в данном предложении подчеркивается то, что у них общие интересы и одинаковое мнение во всем, включая индивидуальные пристрастия.— *Роман Аркадьевич!.. На Чукотке на него молятся как на бога! — рассказала Айнана Тагрица. А вот насчет бога было уже лишним, это было видно по выражению лиц тандема.* Однако автор старается не довести ситуацию до полного абсурда, он использует множественное число существительного «лицо», признавая, что участников в «тандеме» несколько. Показательно здесь выражение соотношения между ними при помощи синтаксиса: «*Владимир Путин с Дмитрием Медведевым*» (а не президент с премьер-министром), «*правильная политика Владимира Путина и Медведева*» (а не наоборот — Д.А.Медведева и В.В.Путина — что было бы логично согласно иерархии власти). Указывая этими и другими способами на первенство В.В.Путина в «тандеме», авторы «Коммерсанта» показывают, что, по их мнению,

В.В.Путин обладает большим количеством власти, чем Д.А.Медведев.

Ирония также создается с помощью **разрушения фразеологизмов** или с помощью **иронических фразеологизмов**:— *Не надо ждать!* — *запротестовал премьер.*— *Мы не можем синтезировать эти деньги из воздуха! Мы не можем жить, как Греция и некоторые другие страны! Гул осуждения пронесся по залу. Никто не хотел жить, как Греция. Прошло то время, когда в Греции все было. Теперь там нет ничего, кроме госдолгов.* «В Греции все есть» — устойчивое сочетание, впервые оно встречается в произведении А.П.Чехова «Свадьба» и с тех пор используется в качестве самостоятельной фразы. В советское время она обозначала наличие, доступность чего-то дефицитного, нужного.

В связи с появлением и расширением информационных возможностей интернет-ресурсов происходит образование нового интернет-языка. Эта лексика перекочевывает и в бумажные средства массовой информации. Новым явлением здесь следует признать **мемы и гэгги**, обозначающие современные крылатые выражения, которые распространяются с помощью интернета. Мем — это единица информации, способная к самопроизвольному воспроизведению, в случае общения через интернет — к добровольному распространению от пользователя к пользователю по интернету. Сама концепция мема стала частью массовой культуры. Гэг — комедийный прием, в основе которого лежит очевидная нелепость. Например, когда во время пожара человек носит воду решетом— это нелепость, но она может рассмешить. Меми и гэгги попадают и на страницы «Коммерсанта».

На интернет-конференции 6 июня 2006 года тогда еще президент Российской Федерации В.В.Путин получил множество вопросов от интернет-аудитории, однако не все из них были доведены до премьер-министра редакторами РИА «Новости», которое проводило трансляцию интернет-конференции. В результате интернет-голосования за лучший вопрос Путину победителем стал «Как вы относитесь к пробуждению Ктулху?». Ктулху — божество, якобы спящее на дне Тихого океана, но тем не менее способное воздействовать на разум человека, впервые упомянут в рассказе Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» (1928). Несмотря на то, что вопрос попал на вершину рейтинга — он

задан не был. Впрочем, В.В.Путин ответил на этот вопрос корреспонденту «Коммерсанта»: *Господин Путин смотрел подозрительно. Не было заметно, что это название ему о многом говорит. Тогда я попытался пояснить, что Ктулху — это таинственная магическая сила, такой колдун, пробуждение которого беспокоит слишком многих людей, чтобы оно оставалось незамеченным на уровне президента России. Надо же что-то делать! Господин Путин даже обрадовался, когда услышал, что Ктулху — это всего-навсего колдун. Он-то, кажется, думал, что тут что-то более серьезное. И он с облегчением сказал, что с подозрением относится к таким таинственным силам, а тем, кто их принимает всерьез, он советует почитать Библию, Талмуд или Коран (он, к сожалению, не пояснил, на какой из этих книжек желательнее сосредоточиться в первую очередь).*

Материалы «Коммерсанта» пестрят всевозможными примерами **иронического словообразования** (аффиксация, прецедентное словообразование, парадоксальное словосложение и др.).

Логико-синтаксические средства создания иронии

Ирония в «Коммерсанте» выражается также с помощью **логико-синтаксических средств**.

Большое значение в современных газетных текстах отводится **ироническим метафорам, клише и сравнениям**. Например: *Новость о ликвидации террориста номер один Осамы бен Ладена в США была воспринята точно так же, как в СССР встретили известие о полете Юрия Гагарина. И даже обычные в таких случаях сомнения и подозрения уступили место восторгу по поводу блестяще проведенной операции*. Сравнение по своей природе метафорично, этой характеристикой пользуются журналисты для комичного сопоставления изображаемого предмета или явления, с другим предметом по общему для них признаку, третьему элементу сравнения.

Совершенно противоположное впечатление о ситуации создается наращиванием **вводных конструкций**. *На первый взгляд, по сравнению с 24 сентября ничего не изменилось. Да и на второй взгляд тоже*. Обыгрывается вводная конструкция «на первый взгляд», которая значит «сначала» и у которой в русском языке нет соответствующего продолжения «на второй взгляд».

Синтаксическая омонимия приводит к иронической двусмысленности из-за неясности синтаксических связей между словами в предложении: *После съезда я спросил у одного из выступавших, Бориса Титова, уверен ли он в своем выборе. — Конечно! — сказал господин Титов. — Лучше уж этот человек!.. — Чем тот? — уточнил я. — Нет! Чем катавасия!*

Комический эффект производит образование **парадоксальных сочетаний**: *Премьер появился в фойе неожиданно, несмотря на то что участники клуба ждали его около двух часов (они, впрочем, привыкли — видятся с Владимиром Путиным не в первый раз, в Сочи ждали и дольше). Автор описывает ситуацию с разрушенной логикой, налицо противоречие — ждали или были готовы к появлению премьер-министра?*

Созданию иронического звучания способствуют **гипербола и литота**: *Перемена осени на зиму неуволима только на первый взгляд. Кажется иногда, что ты заснешь, а проснешься — там уже зима. Просыпаешься — а там лето. И много других подобных случаев. Но на самом деле есть один несомненный признак наступления зимы. Это день и ночь, когда город меняет летнюю резину на зимнюю. Это происходит сразу и со всеми. Случайные люди, которые готовят сани летом, не в счет. Они здесь точно ни при чем. Они не символизируют собой прыжок из осени в зиму. Литота — это образное выражение, стилистическая фигура, оборот, в котором содержится художественное преуменьшение величины, силы значения изображаемого предмета или явления. Здесь она выражается в первом абзаце в значении «зима начинается за одну ночь». Литота в этом смысле противоположна гиперболе, поэтому по-другому её называют обратной гиперболой. В литоте на основании какого-либо общего признака сопоставляются два разнородных явления, но этот признак представлен в явлении-средстве сопоставления в значительно меньшей степени, нежели в явлении-объекте сопоставления. Во втором абзаце представлена гипербола — главным признаком наступления зимы называют смену автомобильных покрышек.*

Ирония может создаваться с помощью **повторов**: — *У нас единое мнение, — произнес Борис Грызлов. — Мы предлагаем, чтобы нашим единым кандидатом стал Владимир Путин (слово "единый" в этой фразе и в самом деле вставить было вроде*

больше некуда.— А.К.). В этом примере специальный корреспондент "Коммерсанта" Андрей Колесников (А.К.) в своем авторском комментарии подтрунивает над автором сообщения, указывая на количество повторов одного слова и делая из официальной фразы анекдот.

Популярным авторским средством выражения иронической оценки становится **антитеза**: *Вчера премьер РФ Владимир Путин встретился с руководством Совета федерации и изложил свое новое предложение — на этот раз ценой в 130 млрд. руб. Специальный корреспондент "Ъ" Андрей Колесников отмечает, что это предложение покрывает чуть ли не всех избирателей Российской Федерации и что в ответ спикер Совета федерации Валентина Матвиенко сделала огромное количество предложений, которые пока не стоили ничего, кроме нервов.*

Комический эффект также создается методом **противопоставления реального изображаемому**:

Относительно стюардесс все понятно. Дело не только в ловко сидящих мундирчиках, корпоративных косынках и коленках как раз на уровне глаз сидящих пассажиров. Дело еще в божественно беспредельном небе, близость которого порождает возбуждение, будто летишь не в подлежащем списанию "Боинге", а просто, как пишут популярные авторы, на крыльях мечты. При этом, реальность не вуалируется, как в советское время, я дается «прямым текстом»: Возможно, поэтому на федеральные выборы "Яблоко" вышло с прежним надежным "брендом" — Григорием Явлинским. И "бренд" себя оправдал, судя по предвыборным теледебатам. "Яблоко" выступило как вполне радикальная оппозиция. А также предложило типично "яблочную" программу "Земля—дома—дороги", которая на первый взгляд всего лишь решает социальную проблему с жильем, но на самом деле предполагает смену политического режима.

Еще одним модным в современной журналистике приемом являются **перечисления и градация**: *Актер назвал премьера "смелым, сильным, умным, ("ловким" забыл назвать. — А. К.), способным не только защитить права, но и исполнить обязанности".* Здесь градация основана и на разрушении советского фразеологизма, или точнее, попытке его восстановить. В современном языке заметно снизилось количество **риторических вопросов**, однако периодически они все же

присутствуют, в том числе для создания комического эффекта: *Итак, в российские посольства будут назначены атташе по модернизации. Как не порадоваться таким планам?*

Средства создания иронии на уровне текста

И, наконец, ирония в журналистских текстах в «Коммерсанте» создается на уровне **стилистических средств**.

В современной публицистике авторы пользуются свободой не оставаться в границах одного жанра. **Пародия** имеет целью создать комический эффект у читателя за счет намеренного повторения уникальных черт другого, обычно широко известного, произведения в специально измененной форме. С помощью **гротеска** автор обобщает и заостряет жизненные отношения посредством причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического. *В массе своей участники встречи выступали так, будто их страны уже придавило или вот-вот придавит второй волной мирового кризиса, и только премьеры Китая и России Вэнь Цзябао и Владимир Путин демонстрировали стойкость и оптимизм.* В этом отрывке в одном абзаце несколько средств выражения иронии: ироническое сравнение, гротеск, просторечная лексика, благодаря которым создается **смешение стилей** – разговорного и публицистического.

Для текстов «Коммерсанта» типично **смешение регистров и стилей речи**. Внутри одного газетного материала встречаются газетные штампы, экономические и политические термины и жаргонизмы, американизмы, лексика разговорного стиля. Оформляется новый стиль, с помощью которого создаются более доверительные отношения между автором и читателем, передача информации приобретает характер дружеской беседы. *Закончился третий год президентства Дмитрия Медведева. По традиции «Власть» подводит его итоги: что глава государства делал, куда ездил, с кем встречался, кому звонил, что говорил и как ко всему этому относятся граждане.*

Вкрапляя сниженную лексику в текст, автор намеренно **занижает стилевой фон**. *Крупнейшие российские компании, управляющие инвестициями, возмущены условиями обмена акций «Северстали». Они утверждают, что при всем желании не смогут принять участие в сделке из-за действующих ограничений, накладываемых на них российским законодательством.*

Интересно стремление как бы принизить роль официальных лиц, перевести их на общечеловеческий уровень, показав, что «ничто человеческое им не чуждо». «Коммерсантъ» ведет политику «десакрализации власти». В статьях на политические темы важным элементом становится дополнительная информация о бытовых сторонах действительности. Журналисты описывают ситуацию как с точки зрения стороннего наблюдателя, так и «инсайдера», человека, хорошо понимающего реальные настроения чиновников-людей, а не чиновников-политиков: *Минут за двадцать до начала заседания президиума из рабочего кабинета Владимира Путина вышел лидер партии "Справедливая Россия" Сергей Миронов. Слегка, как обычно, ссутулившись, он быстрым, даже ускоренно быстрым шагом пошел к выходу из фойе. Видимо, работать дальше. Министры между тем, и тоже как обычно, скучали в ожидании начала президиума — до тех пор, пока к ним не подошел первый вице-премьер Виктор Зубков.*

Часто в канву основного повествования включаются сценки, происходящие одновременно с описываемым событием. Эти эпизоды всегда передаются с иронической интонацией и таким образом, усиливают абсурдность всей ситуации: *Даже гимн сыграли как-то слишком быстро: тележурналистика на трибуне для прессы не успела записать себя на фоне партера и гимна, потому что два раза подряд сбилась, а на третий раз и гимн уже иссяк, и она, расстроенная, вернулась на место.*

Противоположным приемом является **намеренное завышение стилевого фона.**

На уровне текста в современном политическом материале **смешивается не только лексика, речевые стили, но и разные жанры.** В частности, в тексте о визите премьер-министра В.В.Путина в Белгородскую область автор статьи смешивает деловую информацию с **анекдотами**: *Перед входом в стоматологический кабинет один из врачей сказал премьеру, что им в больницу очень нужен маммограф. — Что вам нужно? — переспросил премьер. — Маммограф,— уже не так уверенно повторил врач. Господин Путин позвал губернатора: — Раздевайся! Ложись. Губернатор снял куртку и без лишних раздумий лег в стоматологическое кресло. Владимир Путин взял в руки бормашину. Губернатор машинально открыл рот. В глазах его было все то же, что бывает в глазах человека, который*

приходит на прием к зубному врачу. То есть в них было все то же, что бывает в глазах губернаторов во время встречи с премьером. — Ну что, купишь маммограф?! — спросил премьер, нацеливаясь сверлильным прибором в рот губернатору. Евгений Савченко энергично кивнул глазами. — Маммограф, — на всякий случай пояснил он потом премьеру, — это для женщины... — Знаю, — перебил его господин Путин. Было бы очень странно, если бы премьер чего-то не знал.

Большую роль в создании комического характера материалам придает **цитационная ирония** как подтип ассоциативной иронии. Приводя дословную выдержку из беседы собеседников, авторы «Коммерсанта» добиваются комического эффекта при помощи аллюзий и комментариев, деформируя цитации. — *Да, мы нашли источники!.. — и на этих словах источники света в помещении, конечно, погасли. Работал теперь только накамерный свет видеоаппаратуры. — Караул устал! — констатировал господин Путин, поглядев на лампочки. Теперь эта встреча единомышленников, погрузившихся во тьму, напоминала настоящую сходку борцов с режимом, который должен сойти со сцены. Выглядело это крайне эффектно. Волевой подбородок Владимира Путина, подсвеченный отраженным от стола полусветом... Искрящиеся усы Бориса Грызлова... Так и оказалось, что в Ново-Огарево случился конец света. Да, многие, конечно, ожидали этого, надеялись, что не случится, что, может, обойдется... Не обошлось. Конец света наступил во время встречи Владимира Путина с членами своей партии. А когда бы еще, с другой стороны, это могло произойти?*

Подведем некоторые итоги. Ироническая интонация газетных материалов в средствах массовой информации и в наше, и в советское время создавалась в основе своей с помощью одного набора лексических и синтаксических средств. Безусловно, некоторые из них устарели, а в моду вошли другие. Появились новые тропы (такие, как мемы и гэгги). Однако принципиальным различием является способ подачи информации и функции иронии в советских и постсоветских СМИ. В советской прессе юмору было отведено отдельное место. Сюжетом шуточных материалов становились события советской действительности. Юмор присутствовал в виде словесной игры. В советское время политическая сатира служила для выражения

оппозиционных настроений с функцией критики объекта насмешек. С помощью иронии автор текста в иносказательной форме передает свое отношение к описываемым событиям. Ирония в наше время – это способ мировосприятия, состояние духа, способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция времени за счет многообразия средств ее выражения. Ученые и политики начинают любую публичную речь с шулки для того, чтобы «разогреть» аудиторию; юмор стал неотъемлемой элементом научной и деловой сфер жизни.

Неудивительно, что одновременно юмор проникает и в СМИ. Современные российские политики готовят тексты выступлений заранее, говорят грамотно, но все же периодически выступают с экспромтами, и характер этих выступлений довольно близок к разговорной речи, выражения временно становятся «крылатыми», тиражируются СМИ и подхватываются народом: *Например, отвечая на реплику одного из военных, который высказался по поводу повышения зарплат, в том духе, что спасибо, что вот эта политика проводится и так далее, Владимир Путин сказал: "Вот этот вопрос еще начал решаться в 2007 году, когда Дмитрий Анатольевич работал в администрации". Дмитрий Медведев его поправил, сказал: "Я в это время уже работал в строительстве". А Владимир Путин задумался, сказал: "Да, ну вот видите, как он растет". Аудитории это очень понравилось.*

В настоящее время развитие условий и средств коммуникации требует пересмотра законов языка. Письменная речь в целом приобретает более массовый характер, и становится более экспрессивной. Таким образом, в результате сращивания устной и письменной речи в современном языке СМИ появляются черты, не присущие этому стилю ранее – ирония, призванная создать легкоузнаваемый образ конкретного автора или печатного СМИ. Однако, современная публицистическая ирония очень мягкая, она не является средством выражения авторской позиции и, скорее, используется для заигрывания с читателем в целях привлечения внимания к содержанию статьи.

Литература

Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества. М, 2003.

Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. СПб, 1994.

- Варганова Е.Л. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М, 2009.
- Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание. М, 2003.
- Засурский И.И. Ре-конструкция России. Масс-медиа и политика в России девяностых. М, 2001.
- Засурский Я.Н. Информационное общество и СМИ. // Национальные модели информационного общества. М, 2004.
- Засурский Я.Н. Сборник статей. «Искушение свободой. Российская журналистика 1990 – 2007». М, 2007.
- Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М, 1990.
- Костомаров Е.Г. Русский язык на газетной полосе. М, 1971.
- Овсепян Р. История советской журналистики. Первое десятилетие Советской власти. М, 1991.
- Согрин В. Политическая история современной России 1985— 1994: от Горбачева до Ельцина. М, 1994.
- Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990— 1994) / Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. М, 1996.
- Стыкилин С., Кременская И.К. Сатира советской эпохи 1917—1963. М, 1963.
- McLuhan M. "Understanding media: the extensions of man". Signet book, published by the New American Library. New York, 1964.
- McNair B. Media in post-Soviet Russia: an overview // European Journal of Communications. vol. 9. 1994.
- Paasilinna R. Glasnost and soviet television, a study of the Soviet mass media and its role in society from 1985— 1991. YLE/TKMA Painotuotepalvelu, Ekholmin Kirjapaino (Finnish Broadcasting Company). Research report 5/1995.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В.И. Гаврилова

ДЕКАУЗАТИВНЫЕ (КВАЗИПАССИВНЫЕ) КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ ЭТОГО ТИПА

1. Введение

В данном исследовании в качестве данных ввели лингвистического опыта, которые получают выражение языковыми средствами, по крайней мере, в английском и русском языках, рассматриваются онтологические (бытийные) ситуации, отображающих процессы изменения неодушевленных предметов и субстанций одушевленным участником, как правило, человеком. При этом предлагается различать два типа онтологических ситуаций, а именно: онтологическая ситуация типа I (ОнТС I) онтологическая ситуация типа II (ОнТС II), которые манифестируют две разные степени участия одушевленного агенса ситуации в преобразовании неодушевленного пациенса ситуации.

В работе продемонстрировано, что:

- специфика субъектно-объектных отношений в ОнТС I обуславливает оппозицию активных и пассивных английских конструкций;
- специфика субъектно-объектных отношений в онтологических ОнТС II обуславливает оппозицию конструкций с переходной и непереходной ипостасями лабильных английских глаголов.

2. Английские лабильные глаголы как совпадающие по форме переходный и непереходный глаголы.

В последнее время применение гипотезы о неаккузативности (the Unaccusative Hypothesis) к материалу различных языков является предметом многочисленных исследований в отечественном и зарубежном языкознании, в частности, фундаментальное исследование системы английского глагола с точки зрения этой гипотезы содержится в [Levin 1993].

В рамках этой гипотезы провозглашается существование двух типов непереходных глаголов, а именно, существование

неаккузативных и **неэргативных** глаголов, для которых характерно употребление в синтаксических конструкциях разного типа. Неэргативные глаголы определяются как имеющие внешний аргумент и не имеющие внутреннего прямого аргумента; а **неаккузативные** глаголы — как имеющие внутренний прямой аргумент и не имеющие внешнего аргумента [Levin&Rapoport 1995: 3]. Так, **непереходная** конструкция (2а) может служить примером конструкции с **неэргативным** глаголом в качестве сказуемого, а **непереходная** конструкция (3а) — примером конструкции с **неаккузативным** глаголом в качестве сказуемого.

- (1а) *John moved the stone* ↔ (1р) Джон **передвинул** камень
 (2а) *John moved* ↔ (2р) Джон **передвинулся**
 (3а) *The stone moved* ↔ (3р) Камень **передвинулся**
 (4а) *The stone was moved* ↔ (4р) Камень **был передвинут**

Неаккузативные глаголы по синтаксическим свойствам подобны формам пассивного залога, так как и **неаккузативные** глаголы, и формы пассивного залога имеют внутренний прямой аргумент и не имеют внешнего аргумента. Поэтому **неаккузативные** и **пассивные** конструкции, например, (3а) и (4а), описываются с помощью одних тех же синтаксических конфигураций **глубинных структур** [Levin&Rapoport 1995: 3].

Если использовать **ролевую терминологию**, то **неэргативными глаголами** следует называть глаголы подобные глаголу-сказуемому в (2а), единственному **обязательному аргументу** которых присуща роль **агенса**; а **неаккузативными глаголами** следует называть глаголы подобные глаголу-сказуемому в (3а), единственному **обязательному аргументу** которых присуща роль **пациенса**. В то время как в **переходных конструкциях**, например в **переходной конструкции** (1а), подлежащему присуща роль агенса, а **прямому дополнению** — роль **пациенса**.

Глагол *move* в примере (1а), с одной стороны, и в примерах (2а) и (3а), с другой стороны допускает **непереходное и переходное** употребление без каких-либо изменений в своем морфологическом оформлении. Совпадающие по морфологической форме **переходный и непереходный глаголы** в типологических исследованиях принято называть **лабильными глаголами** [Дешириева 1985: 74; Кибрик 2003: 354].

О. Есперсен приводит следующие примеры пар конструкций, соответственно, с переходным глаголом и с омонимичным неаккузативным непереходным глаголом:

Persia began the war “Персия начала войну”

The war began “Война началась”

He opened the door “Он открыл дверь”

The door opened “Дверь открылась”

He moved heaven and earth “Он сдвинул (потряс) небеса и землю”

The earth moves round the sun “Земля движется вокруг солнца”

roll a stone “катить камень”

The stone rolls “Камень катится” [Есперсен 1958: 188-189].

Интерпретируя эти примеры, О.Есперсен отмечает, что в составе этих примеров омонимичные формы глаголов употребляются в качестве **понятийного актива** и в качестве **понятийного пассива**.

В английском языке полное морфологическое совпадение предикативных форм переходного и неаккузативного непереходного глаголов, т.е. существование лабильных глаголов, выступает в качестве регулярного явления. Так в “Грамматике английского языка” о феномене существования пар лабильных глаголов, включающих английские переходный и непереходный неаккузативный глаголы, говорится как об наличии феномена эргативности¹, которая понимается как изменение фокуса путем замены подлежащего: “Некоторые глаголы позволяют нам описывать действие с точки зрения чего-то затронутого действием. Это означает, что один и тот же глагол может быть как переходным (с дополнением), так и непереходным (без упоминания исполнителя действия). В современном английском языке существует несколько сот эргативных глаголов” [Грамматика английского языка 2006, 246-248]. При этом приводятся примеры (5)-(7), где в (5) в качестве сказуемого выступает, переходная ипостась лабильного глагола *to freeze* в форме простого прошедшего времени активного залога, а в (6) —

---

¹ Симптоматично, что как термин “неаккузативный глагол”, так и термин “эргативность” сигнализируют о том, что этот фрагмент английской глагольной системы не полностью подчиняется правилам формирования конструкции в языках номинативного типа.

форма простого прошедшего времени пассивного залога этого же глагола:

(5) *Jane **froze** a lot of peas from the garden.*

(6) *A lot of peas **were frozen**.*

(7) *The peas from the garden **froze** really well.*

Используя терминологию О.Есперсена можно утверждать, что в примере (5) активная с точки зрения морфологического строения форма выступает в функции понятийного пассива, а в примере (7) активная с точки зрения морфологического строения форма выступает в функции понятийного пассива.

Относительно соотношения конструкций с переходным и непереходным неаккузативным вариантом лабильного глагола, т.е. между конструкциями (1а) и (3а) Дж. Лайонз говорит следующее: “переходная конструкция, подобная (1а), может рассматриваться как синтаксически выводимая из непереходной конструкции, подобной (3а), с помощью эргативной, или *каузативной*, трансформации. (Термин “эргативный” был образован от греческого глагола, означающего “каузировать”, “приводить к”, “создавать”.) [Лайонз 1978: 373]. Т.е. Дж. Лайонз считает, что переходная конструкция (5) должна рассматриваться как синтаксически выводимая из непереходной конструкции, подобной (7), с помощью эргативной, или *каузативной*, трансформации.¹

В тех случаях, когда лабильный английский глагол выступает в качестве сказуемого переходной конструкции, как, например, в (5) и (1а), значение этой переходной ипостаси лабильного глагола часто называют каузативным значением [Долинина 1989; Долинина 1991; Падучева 2001; Haspelmath 1993]. В тех случаях, когда лабильный английский глагол выступает в качестве сказуемого непереходной неаккузативной конструкции как, например, в (7) и (3а), значение этой

---

¹ Дж.Лайонз употребляет термин “каузативная трансформация”, поскольку он непереходную декаузативную конструкцию считает исходной, а переходную каузативную конструкцию — производной, результирующей. Но если исходной считать переходную конструкцию, а производной результирующей — декаузативную, то такая трансформация может претендовать на титул декаузативной трансформации, если же находиться на платформе описательной, а не порождающей лингвистики то можно именовать ее каузативно-декаузативной трансформацией.

непереходной ипостаси лабильного глагола в тех же исследованиях характеризуется как декаузативное значение, кроме того, и саму эту неаккузативную ипостась лабильного глагола принято называть декаузативным глаголом.

В английских словарях достаточно регулярным образом представлены такие вокабулы, в составе которых встречаются морфологически одинаковым образом оформленные переходный и непереходный неаккузативный глаголы, т.е. лабильные глаголы. При этом очень часто переходный вариант английского лабильного глагола (понятийный актив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского переходного глагола, а непереходный вариант того же английского лабильного глагола (понятийный пассив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского парного возвратного глагола. Автор перевода книги Дж. Лайонза на русский язык в качестве русского эквивалента лабильных английских глаголов также приводит не один русский глагол, а два глагола: переходный глагол и парный возвратный глагол:

“change ‘менять, меняться’,
develop ‘развивать, развиваться’,
open ‘открывать, открываться’,
close ‘закрывать, закрываться’,
start ‘начинать, начинаться’,
stop ‘останавливать, останавливаться’,
begin ‘начинать, начинаться’,
break ‘разбивать, разбиваться’,
crack ‘раскалывать, раскалываться’,
split ‘расщеплять, расщепляться’,
tear ‘разрывать, разрываться’ и т.д.” [Лайонз 1978: 381].

Проиллюстрируем с помощью английских и русских конструкций фрагмент исчисления двухактантных диатез [Холодович, Мельчук 1970], включающий диатезы “актив”, “пассив” и “объектный квазипассив”.

Диатеза “актив”

<i>Субъект</i>	<i>Объект</i>
<i>Подлежащее</i>	<i>Дополнение</i>

Диатеза “пассив”

<i>Субъект</i>	<i>Объект</i>
<i>Дополнение</i>	<i>Подлежащее</i>

Диатеза “объектный квазипассив” (Прочерк обозначает запрет на выражение субъекта на поверхностно-синтаксическом уровне.)

<i>Субъект</i>	<i>Объект</i>
-----	<i>Подлежащее</i>

Мы предлагаем считать, что английская переходная конструкция (8а) описывается с помощью диатезы “актив”, английская пассивная конструкция (10а) — с помощью диатезы “пассив”, а английская декаузативная конструкция (9а) описывается с помощью диатезы “объектный квазипассив”. Ниже приводим сопоставление оформления диатез *актив*, *пассив* и *объектный каузатив* в английском и русском языке:

<i>Актив</i>	(8а) <i>Jane freezes a lot of peas</i>	(8р) Джейн замораживает много гороха
<i>Объектный квазипассив</i>	(9а) <i>The peas freeze really well</i>	(9р) Горох замораживается действительно хорошо
<i>Пассив</i>	(10а) <i>A lot of peas are frozen</i>	(10р) Замораживается много гороха

Диатезы “пассив” и “объектный квазипассив” имеют в английском языке разное морфологическое оформление, а именно, с одной стороны, с помощью вспомогательного глагола *to be* и третьей формы смыслового глагола и, с другой стороны, с помощью форм переходного. В то время как в русском языке и диатеза “пассив”, и диатеза “объектный квазипассив” оформляется одинаково, а именно, с помощью возвратного глагола.¹

Таким образом, для оформления диатезы “объектный квазипассив”:

- в английском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы “актив”, т.е. формы активного залога;
- в русском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы “пассив”, т.е. формы пассивного залога.

¹ С той лишь разницей, что формы возвратных глаголов совершенного вида имеют спорадический характер в случае диатезы “пассив” и регулярный характер в случае диатезы “объектный квазипассив”.

3. Два типа онтологических ситуаций как основание для выделения переходности производящего и инициирующего типов.

Конструкция (5) должна быть охарактеризована как соотносящая с онтологической ситуацией, в которой неодушевленная субстанция, обозначенная прямым дополнением переходной конструкции, попадает в условия (низкая температура), в которых она изменяется и переходит в замороженное состояние с непреложностью, независимой от человеческого произвола (целлеполагания).

В окружающем нас физическом мире имеют место онтологические (бытийные) ситуации, содержанием которых является такое воздействие одушевленного лица на неодушевленную субстанцию, которое влечет за собою изменение свойств этой неодушевленной субстанции. Для языкового оформления таких ситуаций используются переходные конструкции, в которых имя существительное, оформляющее одушевленного участника ситуации, принято интерпретировать как агенс ситуации, а имя существительное, оформляющее неодушевленного участника ситуации, — как пациенс ситуации.

Переходные конструкции, описывающие вышеописанные онтологические ситуации, т.е. ситуации в которых одушевленный агенс производит изменения в неодушевленном пациенсе, мы предлагаем называть прототипическими переходными конструкциями. Отношения между агенсом и пациенсом на пространстве прототипических переходных ситуаций, в настоящее время принято трактовать как единый монолит. Предлагаемое нами нововведение [Гаврилова 2005; 2008] состоит в том, что на пространстве названных онтологических ситуаций предлагается вычленять два типа онтологических ситуаций, ОнтС I и ОнтС II:

- Онтологическая ситуация типа I (ОнтС I), в процессе которой изменения некоторой неодушевленной субстанции осуществляются путем непосредственного **антропогенного воздействия**. Такого рода процессы на всех этапах своего осуществления обусловлены волей человека и нуждаются в его непосредственном участии. Во время осуществления этих процессов между одушевленным лицом и неодушевленной видоизменяемой субстанцией, существует **пространственная смежность, контакт**. Ситуации такого рода складываются,

например, во время осуществления процессов механической обработки пищевых продуктов, в частности, во время чистки корнеплодов. Так процесс чистки корнеплодов может происходить только при непосредственном воздействии человека на корнеплод, поэтому во время осуществления этого процесса корнеплод и чистящий его человек находятся в контакте. Если изменение производится с помощью некоторого инструмента, то этот контакт осуществляется через посредство этого инструмента. В этой связи напомним, что А. Вежбицка считает, что универсальную модель “инструментальности” (“орудийности”) демонстрируют “предложения, обозначающие сознательное действие, которое осуществляется с помощью “механического приспособления”, входящего в контакт и с агенсом, и с пациенсом [Вежбицка 1985: 317].

- Онтологическая ситуация типа II (ОнтС II), в процессе которой изменения некоторой неодушевленной субстанции осуществляются без непосредственного участия в них человека, и на его долю остается лишь инициирование и поддержание условий, необходимых и достаточных для осуществления закономерных природных процессов. Иными словами, сущность подобных изменений такова, что человек лишь вызывает их к жизни, а не производит, так как для осуществления изменений, соответствующих данной ситуации, существуют необходимые и достаточные условия, состоящие из природных факторов. Произвольная деятельность человека может быть внешним фактором, помогающим сформировать эти необходимые и достаточные условия, но само изменение, как скоро эти условия созданы, происходит самопроизвольно без участия человека. При этом непосредственного воздействия человека на неодушевленную субстанцию на всем протяжении осуществляемого процесса не предполагается, т.е. одушевленным лицом и изменяемой неодушевленной субстанцией, не возникает стойкой пространственной смежности, контакта. Ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов горячей обработки пищевых продуктов. Так, например, картофель варится или жарится, в результате того, что его помещают в определенную среду (водную или масляную), имеющую достаточно высокую температуру. В

эти условия картофель помещает человек, но в самом процессе варки или жарки, человек участвует не как исполнитель, а всего лишь как наблюдатель-оператор, способный лишь варьировать условия, в которых находитсяготавливаемый продукт. Участие человека в процессах, происходящих во время реализации ОнтС II, является опосредованным и сводится к предварительному продумыванию и последующему осуществлению технологических процессов, которые призваны создать необходимые и достаточные условия для спонтанного самоосуществления спланированных человеком изменений. Человек инициирует эти технологические процессы, а в ряде случаев предварительно создает необходимую техническую базу для их осуществления, а именно, поддерживает их опосредованное энергетическое обеспечение (обеспечивая поступление тепловой, электрической или других видов энергии), а также варьирует параметры осуществляемого технологического процесса.

Количество процессов второго инициирующего типа по мере исторического возраста человечества неуклонно возрастает в связи с развитием хозяйственной производственной деятельности. В настоящее время процессы второго типа достаточно разнообразны. Процессы горячего приготовления пищи в качестве примера ценны именно тем, что эти процессы имели место уже у колыбели человечества и представляют собой классический и, по-видимому, наиболее древний пример процессов второго типа.

Необходимо отметить, что ОнтС I, с одной стороны, и ОнтС II, с другой стороны, характеризуются разным распределением агентивности между участниками ситуации:

- В **ОнтС I** неодушевленная субстанция является лишь местом приложения сил одушевленного участника. В ситуациях такой специфики неодушевленному участнику чужда даже малейшая доля агентивности, в то время как одушевленный участник наделен агентивностью в полной мере.
- В **ОнтС II** неодушевленная субстанция является не местом приложения сил одушевленного участника, а ареной, на которой при некоторых условиях способны проявиться свойства, имманентно присущие этой неодушевленной субстанции, например, его физические или химические свойства. Этой

неодушевленной субстанции, претерпевающей воздействие со стороны одушевленного участника ОНТС II, присуща спонтанная агентивность, т. е. агентивность, которая не может не проявиться, как скоро эта субстанция попадает в соответствующие необходимые и достаточные условия. Не все, что происходит с неодушевленным участником в ОНТС II, определяется действиями одушевленного участника, агентивность которого можно назвать ущербной, а именно, следует говорить, что агентивность одушевленного участника сводится к созданию условий, необходимых и достаточных для проявления спонтанной агентивности неодушевленного участника.

Внеязыковые события, подлежащие номинации языковыми средствами в ОНТС I и ОНТС II, являются универсальными онтологическими сущностями. Нами была предпринята попытка установить соответствие между этими универсальными онтологическими сущностями и выражением этих сущностей средствами русского и английского языков.

В русском языке примерами языкового оформления ОНТС I могут служить конструкции (11)-(16), а примерами языкового оформления ОНТС II — конструкции (17)-(22):

- (11) *Крестьянин строит дом* ↔ (11конв) *Дом строится*
- (12) *Крестьянин построил дом* ↔ (12конв) **Дом построился*
- (13) *Хозяйка моет посуду* ↔ (13конв) *Посуда моется*
- (14) *Хозяйка вымыла посуду* ↔ (14конв) **Посуда вымылась*
- (15) *Мама пишет письмо* ↔ (15конв) *Письмо пишется*
- (16) *Мама написала письмо* ↔ (16конв) **Письмо написалось*
- (17) *Рабочий плавит олово* ↔ (17конв) *Олово плавится*
- (18) *Рабочий расплавил олово* ↔ (18конв) *Олово расплавилось*
- (19) *Хозяйка варит картошку* ↔ (19конв) *Картошка варится*
- (20) *Хозяйка сварила картошку* ↔ (20конв) *Картошка сварилась*
- (21) *Мама отбеливает белье* ↔ (21конв) *Белье отбеливается*
- (22) *Мама отбелила белье* ↔ (22конв) *Белье отбелилось*

Смысловая общность, объединяющая в одну семантическую группу, с одной стороны, конструкции (11)-(16), и с другой стороны, конструкции (17)-(22), определяется онтологическим типом, описываемых этими конструкциями ситуаций действительности.

Переходные конструкции (11)-(16), описывающие ОнтС I, и переходные конструкции (17)-(22), описывающие ОнтС II, совпадают по своей поверхностной синтаксической структуре, но каждая из этих групп имеет свою смысловую общность, определяемую онтологическим типом, описываемых этими конструкциями ситуаций действительности. Вследствие этого группы конструкций (11)-(16) и (17)-(22) имеют разный трансформационно-синтаксический потенциал. Об этом свидетельствует трансформационное поведение конструкций при осуществлении объектной конверсивной трансформации (23):

$$(23) N^1_{\text{им}} V N^2_{\text{вин}} \rightarrow N^2_{\text{им}} V_{\text{-ся}}$$

Результирующие **непереходные конструкции**, которые соответствуют структурной формуле $N^2_{\text{им}} V_{\text{-ся}}$, например, конструкции (11конв)-(22конв), мы будем называть **объектными конверсивными конструкциями**.

В случае переходных конструкций с глаголами-сказуемыми несовершенного вида применение трансформации (23) как к конструкциям (11)-(16), так и конструкциям (11)-(16) регулярным образом порождает грамматически безупречные объектные конверсивные конструкции. Относительно же применимости трансформации (23) к переходным конструкциям с глаголами-сказуемыми совершенного вида дело обстоит несколько сложнее, а именно, как явствует из рассмотрения примеров (11конв)-(22конв), применимость этой трансформации к переходным конструкциям с глаголами-сказуемыми совершенного вида зависит от типа описываемых этими конструкциями онтологических ситуаций.

Объектные конверсивные конструкции с возвратным глаголом совершенного вида абсолютно безупречны, если соответствующие переходные конструкции являются языковым воплощением ОнтС II; а в тех случаях, когда переходные конструкции являются языковым воплощением ОнтС I, объектные конверсивные конструкции с возвратным глаголом совершенного вида вызывают сомнения и должны быть охарактеризованы как не вполне безупречные с узальной точки зрения.

Переходные конструкции, описывающие ОнтС I, в наших работах [3]-[7] именуются **производящими переходными конструкциями** (переходными конструкциями производящего типа), а переходные конструкции, описывающие ОнтС II, именуются **иницирующими переходными конструкциями** (переходными конструкциями инициирующего типа). В этих же работах мы предложили характеризовать подлежащее в производящих переходных конструкциях как **агенса-исполнитель**, а подлежащее в инициирующих переходных конструкциях как **агенса-инициатор**.

Существует корреляция между производящей переходностью и **пассивным характером значения** парного возвратного глагола, с одной стороны, и между инициирующей переходностью и **квазипассивным характером значения парного возвратного глагола**, с другой стороны, поскольку тип переходности глагола-сказуемого находит отражение в различии результатов применения к переходным конструкциям объектной конверсивной трансформации (23).

Смысловые различия между ОнтС I и ОнтС II, проявляющиеся при оформлении содержания этих ситуаций языковыми средствами, лежит, по нашему мнению, в области **пересечения категорий переходности и залога**. Описание связи категорий переходности и залога в грамматиках современного русского языка сводится по существу лишь к констатации того факта, что страдательное значение имеют только переходные глаголы, которые теряют свою переходность, принимая значение страдательного залога. Наши представления о связи категорий переходности и залога обогатились за счет введения в рассмотрение производящего и инициирующего типов переходности, а именно, мы вправе утверждать, что категории залога и переходности русского глагола обуславливают друг друга следующим образом:

1. Существует бинарный дифференциальный признак, по которому русские действительные переходные конструкции могут быть разделены на такие два типа: “**производящая (непосредственная) переходность**” и “**иницирующая (опосредованная) переходность**”. Этот дифференциальный признак имеет онтологический характер и может быть охарактеризован как “степень участия агенса ситуации в процессе воздействия на пациенс ситуации”.

2. **Иницирующий** характер переходного глагола предопределяет **квазипассивный** характер значения соотносимой формы страдательного залога, а **производящий** характер переходного глагола — **пассивный характер** значения соотносимой формы страдательного залога.

4. **Грамматическое оформление предиката декаузативной (квазипассивной) конструкции в русском и английском языках**

Понятие квазипассивной конструкции было введено в работе [Гаврилова 1979] и уточнено в работах [Гаврилова 1986: 2004]. В этих работах понятие квазипассивной конструкции распространяется как на конструкции с возвратными глаголами в качестве сказуемых, так и на конструкции с причастиями на *-н/-т* в качестве сказуемых. В данном исследовании мы будем рассматривать понятие “квазипассивная конструкция” только в применении к конструкциям с возвратными глаголами в качестве сказуемых.

Квазипассивная конструкция (КВПК) — это конструкция с возвратным глаголом в качестве сказуемого, для которой существует активная конструкция, со сказуемым переходным глаголом, образованным от той же глагольной основы. В качестве подлежащего в квазипассивной конструкции выступает форма именительного падежа того существительного, которое было прямым дополнением действительной переходной конструкции. Исходная переходная конструкция и квазипассивная конструкция связаны по смыслу следующим образом: изменение неодушевленного предмета в действительной переходной конструкции предстает в качестве изменения, обусловленного внешним воздействием, а в КВПК то же изменение предмета предстает в качестве самопроизвольно развивающегося в предмете процесса. Такое смысловое соотношение мы наблюдаем между переходными конструкциями (17)–(22) и непереходными конструкциями (17конв)–(22конв). Конструкции же (17конв)–(22конв), как нетрудно видеть, соответствуют определению квазипассивной конструкции.

Оба термина — «декаузативная конструкция» и «квазипассивная конструкция» — употребляются для описания конструкций, иллюстрирующих диатезу «объектный квазипассив». Термины “декаузатив” и “квазипассив” описывают одно и то же грамматическое явление и являются

конкурирующими [Падучева 2001: 53-54]. В данном исследовании нам представляется целесообразным использовать обозначения “декаузатив (квазипассив)”, “декаузативность (квазипассивность)”, “декаузативный (квазипассивный)”, включающие оба эти термина-синонима, используемые для обозначения одних и тех же явлений в разных лингвистических традициях.

Рассмотрим следующие две различные модели взаимоотношения морфологических форм сказуемых в переходных и декаузативных (квазипассивных) конструкций, являющихся языковой номинацией ОнтС II:

Модель 1

(24)	<i>Хозяйка замораживает бобы</i>	↔	(24конв)	<i>Бобы замораживаются</i>
------	----------------------------------	---	----------	----------------------------

Модель 2

(25)	<i>Хозяйка оттаивает бобы</i>	↔	(25конв)	<i>Бобы оттаивают</i>
------	-------------------------------	---	----------	-----------------------

Модель 1, в которой сказуемые каузативной переходной и декаузативной (квазипассивной) конструкций, оформляются, соответственно с помощью переходного и парного глагола на *-ся*, и является продуктивной моделью для образования русских декаузативных (квазипассивных) конструкций.

Модель 2 не свойственна русскому языку. В русском языке совпадение по морфологической форме переходного глагола с соответствующим ему декаузативным (квазипассивным) глаголом, т.е. существование лабильных глаголов, как, например в (25) и (25конв) имеет **сугубо маргинальным характер**. С большим трудом можно отыскать примеры выражения переходного и декаузативного (квазипассивного) значений с помощью морфологически идентичных русских глаголов.

Для английского языка модель 2 является продуктивной, поскольку в английском языке морфологическое тождество переходного глагола и парного декаузативного глагола, т.е. наличие лабильных глаголов, очень распространенное явление. Декаузативам, построенным по модели 2, Е.В. Падучева дает следующее определение: “Декаузативы — это распространенный

тип производного непереходного употребления переходных каузативных глаголов” [Падучева 2001: 52].

Как было продемонстрировано выше в русском языке различия между переходными конструкциями, описывающими ОнтС I и ОнтС II, представляет собой скрытую грамматическую категорию, проявляющуюся только при обнаружении того, что конверсивные конструкции, парадигматически связанные с переходными конструкциями преобразующего и иницирующего типов, различаются между собой свободой употребления возвратных глаголов сказуемых совершенного вида.

В английском языке грань между конверсивными конструкциями, описывающими ОнтС I и ОнтС II, очерчена четко, а именно, сказуемые английских конверсивных конструкций, описывающих ОнтС I и ОнтС II, получают разное морфологическое оформление. Так, ОнтС I описываются в английском языке с помощью переходных конструкций преобразующихся при конверсии в пассивные конструкции, а ОнтС II — с помощью переходных конструкций преобразующихся при объектной конверсии в декаузативные (квазипассивные) конструкции.

Таким образом, в русском морфологически неразличимыми в несовершенном виде оказываются глаголы-сказуемые с пассивным и квазипассивным (декаузативным) значением, а именно в русском языке мы сталкиваемся с ситуацией, когда одна и та же форма глагола возвратного глагола несовершенного вида способна (в зависимости от контекста) передавать то пассивное, то квазипассивное значение.

Таким образом, аналогом эргативной, или каузативной, трансформации по Дж. Лайонзу на русском материале можно считать объектную конверсивную трансформацию (23) в той ее части, для которой областью отправления служат иницирующие переходные конструкции. В то время английскую пассивную трансформацию можно интерпретировать как аналог русской объектной конверсивной трансформации (23) в той ее части, для которой областью отправления служат производящие переходные конструкции.

Суммарный объем английской глагольной лексики, входящей как в сферу действия пассивной, так и эргативной (каузативной) трансформаций по Дж. Лайонзу, сопоставим по

своему семантическому охвату с объемом русской глагольной лексики, входящей в сферу действия трансформации (23).

Анализ английского материала показывает, что характерное для русского языка оформление квазипассивности (декаузативности) и пассивности одними и теми же грамматическими средствами в рамках категории залога является лишь одним из возможных вариантов языкового оформления этого явления. Так в английском языке феномены пассивности и квазипассивности (декаузативности) имеют разную грамматическую оболочку: глагол с пассивным значением имеет специальное морфологическое оформление, а глагол с квазипассивным (декаузативным) значением по своей грамматической форме полностью совпадает с переходным глаголом с иницирующим значением.

В английском языке понятийная категория, соответствующая расщеплению переходности на переходность производящего типа и переходность иницирующего типа, выражается тем, что переходным конструкциям производящего типа противостоит морфологический пассив; в то время как иницирующим переходным конструкциям, являющимся, согласно трактовке О. Есперсена, понятийным активом, противостоят непереходные конструкции, которые О. Есперсен предлагает именовать понятийным пассивом и в которых непереходный глагол по морфологической форме полностью совпадает с переходным глаголом.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что как в русском и так и в английском языках различия отношений между одушевленным участником и преобразуемой неодушевленной субстанцией, имеющие место между ОнтС I и ОнтС II, служат классифицирующим признаком, релевантным для морфологических и/или синтаксических характеристик глагола-предиката, участвующего в языковой номинации соответствующей онтологической ситуации. Однако этот классифицирующий признак не маркируется, но является скрытой грамматической категорией, которая находит свое выражение за счет преломления в системе других семантических оппозиций, которые в русском и в английском языках, получили эксплицитное грамматическое выражение.

В практических грамматиках английского языка и в учебно-методической литературе а встречаются, например, такие рекомендации: “Глаголы *to read, to sell, to wash, to clean, to peel, to crease, to break, to deform, to wear, to burn* употребляются в форме активного залога, хотя и имеют пассивное значение. *This dress washes and wears well/ and doesn't crease. Love stories sell well. Dry leaves burn well*” [Ионина&Саакян: 120]. При этом подобные рекомендации не получают грамматического комментария.

В настоящем исследовании мы установили, что корреляция морфологических форм английского активного залога и русских форм возвратного глагола со страдательным значением имеет место в том случае, когда названные морфологические формы как в английском так и в русском языке функционируют в качестве сказуемых декаузативных (квазипассивных) конструкций, например: декузативных (квазипассивных) конструкциях

<i>(26a) This dress washes and wears well/ and doesn't crease</i>	—	<i>(26p) Это платье хорошо стирается и носится и не мнется</i>
<i>(27a) Love stories sell well</i>	—	<i>(27p) Любовные истории легко читаются</i>

В английских декузативных (квазипассивных) конструкциях (26а) и (27а) мы наблюдаем оформление квазипассивного значения с помощью морфологических средств активного залога. В то время как в параллельных русских декаузативных (квазипассивных) конструкциях (26р) и (27р) сказуемые оформлены с помощью частицы *–ся*, являющейся морфологическим средством оформления пассивного залога.

Таким образом, полученные в данном исследовании результаты дают возможность снабдить приведенные выше практические рекомендации грамматическим комментарием, объясняющим грамматическую природу употребления форм активного залога в английском языке в тех случаях, когда в параллельных русских конструкциях используются формы пассивного залога.

Эти грамматические объяснения могут быть использованы как в практике изучения английского языка русскими учащимися, так и в практике преподавания русского языка как иностранного.

Нам представляется, что поставленная нами проблема заслуживает пристального внимания. Сопоставительное изучение употребления русских возвратных глаголов и непереходных вариантов английских лабильных неаккузативных глаголов в составе декаузативных (квазипассивных) конструкций в дальнейших исследованиях должно быть углублено за счет изучения представления исследуемых русских и английских глаголов в толковых русских и английских словарях, а также в двуязычных словарях.

Литература

- Вежицка А. Дело о поверхностном падеже. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Гаврилова В.И. К семантике некоторой разновидности конвертированной конструкции. // “Научно-техническая информация”, сер. 2, 1979, № 3, 30-37.
- Гаврилова В.И. Квазипассивные конструкции в русском языке. АКД. М., 1986.
- Гаврилова В.И. Онтологические основы выделения переходности преобразующего и иницирующего типов. (Ontological Basis of Executive and Initiative Transitivity) // Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды IX международной конференции. 28 июля – 3 августа, 2007 г. Т.2, София, 2007.
- Гаврилова В.И. Термины “декаузатив” и “квазипассив” как конкурирующие термины // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
- Гаврилова В.И. Взаимодействие категорий переходности и залога в русском языке (Производящие и иницирующие переходные глаголы и их возвратные корреляты). // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл↔ Текст». М., 2005.
- Грамматика английского языка. Перевод с англ. М.Я.Блох (научн. ред.), М., 2006.
- Дешериева Т.И. Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках. М., 1985.
- Долинина И.Б. Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями). // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб, 1991.
- Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

- Ионина А.А. , Саакян А.С. Английская грамматика. Теория и практика. М., 2004.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб, 2003.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // "Русский язык в научном освещении" 2001 № 1, 52-79.
- Холодович А.А., Мельчук И.А. (1970) К теории грамматического залога. // "Народы Азии и Африки". 1970, № 4, 111-124.
- Haspelmath M. More on typology of inchoative/causative verb alternations/ // Comri B., Polinski M. (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia, 1993.
- Levin B. English Verb Classes and Alterations. A Preliminary Investigation. Chicago, 1993.
- Levin B., Rappaport Hovan M. Unaccusativity. At Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge, 1995.

ИМЕНОВАНИЯ СОБЕСЕДНИКОВ В КИТАЙСКОМ ДИАЛОГЕ И ИХ КОММУНИКАТИВНЫЕ АНАЛОГИ В РУССКОМ

Обращаясь к такой, казалось бы, прекрасно разработанной проблематике, как вежливость, которая является традиционным объектом в теории преподавания русского языка как иностранного, мы видим, что, хотя средства вежливости многократно описывались русистами и в научном, и в методическом аспектах, взгляд со стороны иных языковых систем по-прежнему может немало дать нам в этой области. Для органичного восприятия учащимися материала не всегда достаточно просто описать русскую систему. Исследования показывают, что взгляд на нашу систему через призму родного языка иностранца высвечивает неординарные соответствия между группами языковых средств¹.

Известно, что коммуникативные показатели вежливости в языках Юго-Восточной Азии при переводе на русский нередко нивелируются или преобразуются до неузнаваемости в отсутствие самой той концепции, в рамках которой сложилась эта подсистема в исходных языках. Так, можно указать на область самоименования и именования участника ситуации в китайском языке (*я*-позиция, *ты*-позиция, позиция притяжательных местоимений, обращения, именования третьего лица), которая, хотя и стала частично неактуальна для современного диалога, общепонятна и используется в полном объеме в историческом кино как необходимая примета эпохи. Данная группа средств, относящаяся в китайском языке к коммуникативной системе, в русском отсутствует как таковая, при этом ближайшие формальные аналоги этих единиц принадлежат номинативному уровню, а их приблизительные коммуникативные аналоги имеют совершенно другую природу.

Представить проблему в сжатом виде помогает материал китайского исторического кино. Нами была выбрана сюжетная линия маркиза Чансиня из фильма-эпопеи «Император и убийца» (荆轲刺秦王, Китай, 1999, реж. Чэн Кайгэ), где названная группа средств не просто присутствует в феноменальной концентрации, но и получает мощную эстетическую нагрузку. При сопоставлении оригинальной речевой

---

¹ Исследование выполнено методом семантического коммуникативного анализа, основы которого изложены в трудах М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2005]. При анализе интонационных средств используется метод интонационной транскрипции, разработанный Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982].

дорожки и профессионального русского дублирования оказывается, что в китайском присутствует целый “дополнительный уровень”, несущий колоссальное количество эстетически значимой информации (я- и ты-именования), который почти бесследно “растворяется” при попытке подыскать этим средствам прямые аналоги в рамках русской коммуникативной системы.

Образ Лао Ая, маркиза Чансиня (в исполнении Ван Чживэня) представлен в фильме в оригинальной режиссерской трактовке. Образованный китайский зритель может оценить самостоятельность режиссерской интерпретации по сравнению с классическими источниками: если сопоставлять киноповествование и изложение того же исторического эпизода в 6 и 85 главах *Ши цзи* (“Исторических записок” Сыма Цяня), очевидно, что при всей формальной близости показанных событий существенно отличается трактовка характера маркиза, его целей и его человеческих качеств. Тем более не соответствует она позиции позднейших конфуцианских историков, всегда изображавших личность Лао Ая и его карьеру в самом неприглядном свете.

Событийная линия фильма, представленная с опорой на исторические источники (то есть, по сути, известная просвещенному китайскому зрителю заранее), следующая: тайный фаворит вдовствующей императрицы по имени Лао Ай, маркиз Чансинь, поднимает мятеж против императора Цинь, рассчитывая возвести на трон одного из своих сыновей от императрицы (их связь и существование этих сыновей, приходящихся сводными братьями правящему императору, разумеется, держится в тайне). Мятеж оказывается подавлен, все имеющие к нему отношение казнены. Разнятся нюансы в описании положения Лао Ая при правящем доме Цинь, расстановка акцентов в повествовании, человеческие характеристики персонажей. Так, согласно историку Сыма Цяню, Лао Ай долгое время был всевластным правителем при дворе, дерзко пользуясь своим положением: “дворцы и дома, повозки и лошади, платья и одежды, сады и парки, выезды и охота – все [при дворе] устраивалось по прихоти Лао Ая. Не было ни одного большого или малого дела, которое решалось бы без Лао Ая” [Сыма Цянь 2003: 55]. В трактовке Чэн Кайгэ эта ситуация преобразуется: положение маркиза при дворе – это каждодневная “игра на выживание”, малейшая ошибка (в речи, в жесте, в мимике) может повлечь за собой смерть как для него, так и для членов его незаконной семьи.

Даже при беглом взгляде на материал диалогов видно, что содержание почти любой придворной беседы от начала и до конца посвящено перемещениям (реальным или потенциальным) собеседников или людей, входящих в их личную сферу, по шкале

социальных статусов, что может оцениваться собеседниками положительно или отрицательно, например:

Оригинал:

吕不韦: 臣吕不韦叩见母后。

母后: 要是没有记错, 我和相国不见已经有七年了吧。

吕不韦:

后的记性真好。七年前嫪毐进宫以后, 老臣就再也没有见到过母后。

母后: 如今他做了长信侯了。这不怪他。他原是你的门客。不是你送他进宫来服侍我,

他哪有今天呐? 虽说是封了侯…可人还是你的人。

Перевод:

Люй Бувэй: Ваш покорный слуга Люй Бувэй просит аудиенции вдовствующей императрицы.

Императрица: Если мне не изменяет память, я не видела вас, первый министр, уже семь лет.

Люй Бувэй: У вашего величества прекрасная память. С тех пор как семь лет назад Лао Ай поступил на службу во дворец, ваш верный слуга более не видел ваше величество.

Императрица: Ныне он сделался маркизом Чансином. Не нужно винить его. Изначально он был вашим клеветником. Не пришли вы его во дворец, ко мне в услужение, где бы он сейчас был? Пусть он и возведен в ранг маркиза, но он по-прежнему предан вам.

Обратимся к анализу работы интересующей нас группы средств в экспозиции фильма. При обращении к Люй Бувэю маркиз Чансинь, говоря о себе, использует либо 我 wǒ ‘я’, что нейтрально, либо униженное, то есть более вежливое, Лао Ай (имя, под которым он был известен до получения каких бы то ни было титулов). Последнее появляется у него во вкрадчиво-любезном высказывании: “Не беспокойтесь, первый министр, в дела императорского двора я ни в коем случае не вмешиваюсь [букв.: Лао Ай ни в коем случае не вмешивается]. Однако… не знаю, можно ли мне [букв.: Лао Аю] сказать?..”. Затем следует замаскированное под шутку предостережение. При этом ты-позицию у него неизменно занимает 相国 xiàngguó ‘первый министр’, то есть он именуется собеседника по его официальной должности при дворе (букв. “пусть первый министр будет спокоен” и т.п.). В этом отношении у него нет особого выбора, если он стремится к ровной вежливости (можно было бы также использовать 您 nín ‘вы’ или 相国您 xiàngguó nín ‘вы, первый министр’). Таким образом, его шутку-предостережение “Если все шесть царств будут уничтожены… к чему тогда будет государю первый министр?” можно перевести и как

“...к чему тогда и вы государю?”. Если можно так выразиться, он униженно предостерегает и даже униженно угрожает.

В отличие от маркиза Чансиня, нигде не выходящего за границы официальной ситуации, Люй Бувэй именуется самого себя по отношению к нему 老夫 *lǎofū* (я – пожилой человек о себе либо старший о себе по отношению к младшему). В этом нет невежливости, но это переключает ситуацию с официальной на бытовую (он не разграничивает “домашний” прием и ситуацию дворцовой аудиенции). Это может указывать на то, что он не опасается влияния маркиза при дворе и не воспринимает его как серьезного политического соперника, для него он по-прежнему тот же безродный человек, которого он когда-то подобрал и облагодетельствовал. В самом начале сцены Люй Бувэй называет фаворита императрицы Лао Ай, хотя он не может не знать, что тому пожалован титул маркиза. Таким образом, безусловно, выражается пренебрежение, и императрица сразу же подчеркивает, что более уместно называть его 长信侯 *chángxìn hóu* ‘маркиз Чансинь, Чансинь-хоу’. То, что Люй Бувэй и после этого не меняет способа именования маркиза, может быть интерпретировано как презрение к нему.

Постараемся по возможности сжато представить всю динамику, которая наблюдается в китайском оригинале в пределах отмеченной группы средств. Сразу же в начале фильма мы видим и обычное поведение маркиза Чансиня при непосредственном общении с императором, и контрастное поведение его в отсутствие императора, и указание на наличие при дворе двух враждующих лагерей.

Оригинальный текст показывает, что при обращении к императору у маркиза Чансиня в я-позиции возникает 小臣 *xiǎochén* *уничижит*. ‘я, Ваш верноподданный; я, Ваш раб’. Несмотря на, казалось бы, предельную уничижительность этой формы, право на ее использование (по отношению к императору) имеет только сановник высокого ранга. Это не единственная возможность при адресации маркиза к императору в рамках этикета, у него есть в данном случае выбор из синонимического ряда: 臣 *chén* ‘ваш раб’, 小臣 *xiǎochén* ‘ваш низжайший раб’, 微臣 *wēichén*, где 微 *wēi* – ‘ничтожный, низкий, худородный, незнатный’. Все эти варианты приблизительно одинаково допустимы и вежливы. В то же время придворный евнух в обращении к государю обязан говорить о себе 奴婢 *núbǐ* ‘я, ваш раб’ (первоначальное значение – ‘рабыня, служанка’), и то, что маркиз Чансинь не использует этой формы, значимо. Вежливое этикетное “я” маркиза (小臣 *xiǎochén*), с которым он адресуется к императору, несет в себе следующую информацию: 1) ранг маркиза при дворе достаточно высок и 2) он состоит на службе у вдовствующей императрицы и подчиняется императору лишь опосредованно.

При обращении, например, к первому министру Люй Буэю маркиз Чансинь, говоря о себе, использует либо 我 wǒ ‘я’, что нейтрально, либо униженное, то есть более вежливое, Лао Ай (имя, под которым он был известен до получения каких бы то ни было титулов): “Не беспокойтесь, первый министр, в дела императорского двора я ни в коем случае не вмешиваюсь [букв.: Лао Ай ни в коем случае не вмешивается]”. Однако при этикетном обращении к императору название себя по имени (Лао Ай) было бы немыслимо: то, что стоит в этой ситуации в позиции самоименования, должно так или иначе включать в себя понятие ‘подданный, слуга, раб’. Совершенно исключено также использование 我 wǒ ‘я’, что резко противопоставляет ситуацию в китайском языке ситуации в русском, где само по себе появление в реплике придворного, обращенной к императору, местоимения я (при том, что соблюдены все другие языковые формальности) не будет рассматриваться как резкий, скандальный выход за границы этикета.

Приблизительные русские аналоги 小臣 xiǎochén (*ваш нижайший раб, ваш покорный слуга* и т.п.) могут сочетаться с я в одном регистре, не дифференцированы по социальному статусу и возрасту говорящего, в отличие от китайских, то есть функционируют совершенно иначе. Сходным, однако, будет то, что используя как единицы соответствующего китайского синонимического ряда, так и русские единицы, говорящий дает понять, что он, во всяком случае, включен в принятую социальную иерархию, не ставит себя *вне государственной системы*.

При обращении к императору в *ты*-позиции маркиз Чансинь использует единицы 大王 dàwáng ‘великий государь’ либо 陛下 bìxià ‘ваше величество’. Как сам император, так и командующий гвардией генерал Фань У-ци (“правая рука” императора) называют маркиза Чансиня Лао Аем (при обращении и в *ты*-позиции). Это, несомненно, неприкрытое выражение презрения и одновременно – вновь интересное расхождение с возможностями русского языка. В русском языке, если назвать человека его действительным именем, в самой его нейтральной модификации (допустим, по имени-отчеству), само по себе это не способно сформировать презрение. В китайском у императора есть возможность проявить вежливость в отношении подданного, например, используя в *ты*-позиции 卿 qīng *вежл. ‘сударь, вы (обращение государя к подданному)’. Эта и подобные потенциальные возможности не используются. С отношением к маркизу императора и его людей контрастирует поведение слуги, присланного от вдовствующей императрицы. Он обращается к маркизу Чансиню 侯爷 hóuyé ‘маркиз, хой’. Таким образом, сам взгляд на распределение единиц из группы*

именований собеседника / обращений обеспечивает зрителя информацией о существовании при дворе двух враждующих лагерей (приближенных императора и приближенных его матери, вдовствующей императрицы, и ее фаворита).

Нетрудно заметить, что речевые “методы физического выживания” маркиза Чансиня при дворе сводятся к наличию у него второй, фальшивой натуры (льстивого придворного), и он пользуется этой “игровой” натурой и свойственным ей специфическим речевым поведением, переключаясь на нее по своему усмотрению.

В отсутствие императора маркиз говорит о себе 我 wǒ ‘я’. К такому нейтральному, казалось бы, факту (герой, говоря о себе, использует местоимение 1 л. ед. ч.) мы вынуждены отнестись в контексте фильма как к некоторому сигналу: тот маркиз, который говорит о себе 我 wǒ ‘я’, – это человек, который скрыто, из тени противодействует императору, имеет свои собственные сношения с другими государствами, проявляет свою маленькую локальную власть, сдерживающую императора, пусть в мелочах. Его не устраивает существование императора Цинь, поскольку оно не позволяет легализовать положение его собственных сыновей. Именно этот, говорящий о себе “я” маркиз сухо и властно отказывает императору в посещении женской половины дворца (要见 yào jiàn — 不见 bù jiàn ‘хочет видеть — нельзя видеть’, без каких-либо извинений, смягчающих оборотов и т.п.).

Совершенно обычное, казалось бы, в кругу семьи именование 爹爹 diēdiē ‘nana’ (от ребенка – к отцу), в фильме становится предвестником катастрофы и вынуждает маркиза срочно поднять мятеж:

Неожиданное появление ребенка из внутренних покоев дворца во время обеда императора и обращение его к маркизу: “Папа!” – становится переломным моментом сцены. Маркиз вынужден солгать относительно уз, связывающих ребенка с ним и со вдовствующей императрицей. Внешне эта ложь достигает цели, но одновременно маркиз понимает, что далее откладывать попытку переворота уже нельзя.

Когда фаворит императрицы предлагает Люй Бувэю присоединиться к мятежу, манера поведения маркиза меняется прямо по ходу сцены. Сначала в ты-позиции стоит уже известное нам 相国 xiàngguó ‘первый министр’, но после переломного момента разговора маркиз сразу говорит Люй Бувэю 你 nǐ ‘ты’ (ранее немислимо), именует его “опальным первым министром” (一个被废了的相国 yīge bèifèilede xiàngguó) и **называет самого себя маркизом Чансинем** (крайне невежливо и оскорбительно): “У опального первого министра хватит духу убить маркиза Чансиня? Не думаю”. Таким образом, когда маркиз перестает притворяться лояльным подданным Цинь, этот резкий

слово нормы в китайском диалоге оказывается отмечен не только на номинативном уровне, но и на коммуникативном.

К моменту открытого начала мятежа маркиз Чансинь необратимо изменил ситуацию, выступив с оружием в руках против императора, и освободился от всех ранее сковывавших его условностей: он перестал быть придворным, не может далее рассматриваться как подданный императора, и вместе с тем разрушается и заменяется новой вся система именовании и обращений. Отныне в его речь входят немыслимые ранее единицы: *я* о себе в присутствии императора, *Лао Ай* о себе – в присутствии императора. Он становится просто человеком, самим собой, вне социальных статусов, придворных титулов и рангов.

Резчайшим словом нормы оказывается *你* пǐ ‘*ты*’ и **обращение к императору по имени** сразу после подавления мятежа (嬴政, 你这个凶手! 你是个凶手!, *Ин Чжэн, ты убийца! Убийца!*). Это означает, что маркиз ставит себя с ним на равных. Как человек обреченный он не заботится о последствиях такой фантастической дерзости.

Уже находясь под арестом, Лао Ай, поскольку покровы со всех придворных тайн сняты, продолжает говорить о себе *я* и *Лао Ай* при обращении к императору, то есть ставит себя вне государственной социальной лестницы, вне условностей социума. Он выступает здесь просто как человек, пытавшийся защитить свою семью. (Отметим “закрытый” для русской аудитории смысл: сам тот факт, что человек смеет говорить о себе *я*, является в этой ситуации отчаянным вызовом). Наряду с *你* пǐ ‘*ты*’ у него появляется ироническое именование 可怜大王 kělián dàwáng ‘*бедный государь*’, где 可怜 kělián – ‘бедный, жалкий, достойный жалости’, 大王 dàwáng – ‘(великий) государь, ваше величество, **вы**’. Названное словосочетание также находится в *ты*-позиции. Кроме того, он продолжает называть императора по имени – *Ин Чжэн*. И если русское обращение вроде “(государь) Петр Алексеевич” в историческом фильме никто не сочтет оскорбительным для императора, в Древнем Китае для верноподданного произнесение имени государя – абсолютное табу. Все это нарушается, все идет прахом. Поскольку маркиз Чансинь падает до показателей “разговора с равным” с очень высокого уровня вежливости, этот контраст поразителен.

В последней беседе с императрицей маркиз Чансинь говорит ей *你* пǐ ‘*ты*’. Ранее в фильме мы видели, что он и в беседе наедине использовал официальный вариант 母后 mǔhòu ‘*вдовствующая императрица*’ (вероятно, по привычке к конспирации). Теперь же происходит обратное: хотя они и не одни (при прощании присутствует император, охранники и т.д.), он искусственно создает ненадолго

пространство, где они как бы остаются наедине, он просто не обращает внимания на тюремщиков и стражу. Публичное использование 你 nǐ ‘ты’ было бы совершенно невозможно ранее, когда их отношения не афишировались; теперь оно являет собой последнюю степень откровенности перед казнью, когда так или иначе все кончено.

Если мы зададимся вопросом, какими средствами в принципе располагает русский язык в области я- и ты-именований, мы обнаружим среди них и возможность использования в ты-позиции титула в вежливо-официальной речи (*Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня* – Андрей Болконский графине Ростовой, “Война и мир”), и значимое отсутствие я, нарочитое избегание конструкций, включающих в себя это местоимение (к примеру, в униженной речи чиновников в текстах XIX века), и мы (Pluralis majestatis) в я-позиции в речи императора, и многое другое. Тем более возможен целый спектр ярких коммуникативных эффектов, основанных на использовании различных форм имени собственного адресата.

Однако ситуация перевода с дальнородственного языка при очень малом знакомстве русского зрителя с историей и культурой изображаемой страны накладывает свои ограничения на возможности перевода. Прежде всего, основным персонажам были розданы устойчивые “имена-обозначения”. Лао Ай, маркиз Чансинь, таким образом, оказался господином Чэншэном (отчего сразу исчезла даже гипотетическая возможность противопоставления его изначального имени другому, данному ему вместе с титулом, – он нигде не упоминается как Лао Ай). Для императора Цинь (по имени Ин Чжэн) в качестве такого условного обозначения было выбрано имя Цинь Шихуанди. Для того исторического момента, который показан в фильме, использование имени Шихуанди в действительности неактуально, поскольку правитель Цинь в то время еще не покорил шесть царств (он объявил себя Шихуанди, то есть *первым императором*, лишь покорив все другие царства и объединив Поднебесную). Таким образом, его “универсальное имя” в фильме – чистая условность, привнесенная русским переводчиком, в оригинальных диалогах оно вообще не встречается и встречаться не может¹. Понятно, что этот переводческий ход призван дать возможность русскому зрителю увереннее следить за нитью повествования; понятно также, что в русском языке мы бы встретились с запретом, к примеру, на образование уменьшительно-ласкательной

---

¹ При этом вариант *Шихуанди*, использованный в обращении к императору, в рамках китайской культуры оказался бы нейтрально-вежливым (приблизительно как “ваше величество”), а вариант *Цинь Шихуанди*, если бы кто-нибудь адресовал его императору, – крайне оскорбительным. (В русском переводе встречаются оба эти варианта; разумеется, особых различий между ними не делается).

формы от китайского имени Чжэн; однако выразительные возможности языка в интересующей нас области, возможности “лавирования” такая переводческая установка все же сужает.

Если *ты* и *вы* (резкая их мена или несимметричное употребление) в русском переводе в ряде случаев все же “выстреливают”, хотя, быть может, и не так эффектно, как их аналоги в китайском (*Ши ху анди!* // ↓ *Ты убийца!* и др.), то все происходящее в оригинале в *я*-позиции оказывается утрачено полностью. Так, маркиз-придворный, говоря с императором, разумеется, использует *я*: ↑ *Я боюсь высоты* и др. Точно так же исчезает эффектное самоименование “маркиз Чансинь” в последнем разговоре с Люй Бувэем, имеющее целью оскорбить собеседника (в русском переводе: *Хватит ли / у опального первого министра / смелости убить меня?*). В области титулования собеседника также многое дополнительно сглаживается переводом: например, слово *господин* одновременно оказывается и обращением слуги к маркизу Чансиню, и обращением самого маркиза к императору.

Таким образом, очевидно, что чрезвычайно активно работающая в китайском языке группа коммуникативных средств по ряду причин практически совершенно “не срабатывает” в русском. Русский язык активизирует для выполнения эстетической задачи (формирования понятных русской зрительской аудитории характеров, отображения сути конфликта в режиссерской трактовке) совершенно иную группу средств, **объединенную с китайскими целеустановочным уровнем.**

Чтобы понять, какие русские единицы срабатывают и берут на себя основную эстетическую нагрузку, целесообразно понаблюдать за тем, какими именно средствами создается контраст речевого поведения маркиза до мятежа (придворная маска) и с момента начала мятежа (истинная натура). Это оказываются в самую первую очередь средства звучания.

У маркиза-придворного практически постоянной приметой речи выступает **повышение фонетического регистра** (в целях привлечения внимания к вводимой информации, столь бенефактивной для слушающих, – шутки, лесть), **замедление темпа речи** (возможно, связанное с подбором слов в непростой ситуации), **продвижение гласных вперед** при улыбке и хихиканье, частотно – **ослабленная ИК-**

3, передающая ориентированность на позицию собеседника (↑ ← *Ваше величество!*), и **ИК-6 (классическая, ослабленная и с удлинением)**, используемая в основном для привлечения внимания к неизвестной пока слушающему информации, которую он намерен

вести и которая очень **бенефактивна** для собеседника (⁶↑ *Принцесса* ¹*называет меня дядей, / а я ее – / ← племянницей* и др.). Эффект вкрадчивой речи помогают сформировать также **предцентровые либо постцентровые колебания тона, выступающие при центрах ИК-1, 3, 6** и вносящие значение ‘предлагаю учесть следствия из вводимой мною информации’:

²³ - Поверьте.../политика ^{^^} ³ ^{^^} ⁶ меня не интересуе^т // Но я все же хочу
⁶спросить (...)

На семантике этих модальных реализаций строится оттенок угрозы в русском: униженно-вкрадчивая угроза возникает благодаря скрытому, но назойливо повторяющемуся предложению учесть некие следствия, очевидно, небенефактивные для слушающего.

Это и есть те средства, которые маркиз Чансинь вынужденно использует, притворяясь, чтобы не погубить свою незаконную семью, и отбрасывает, когда все уже потеряно. Все эти средства исчезают на переломе событий и замещаются своими противоположностями: основным фонетическим регистром в речи маркиза становится **нейтральный**, может наблюдаться **понижение регистра**; почти исчезает замедление темпа речи как коммуникативный прием. Значительно чаще возникает **ИК-2**, не только в военных командах, но и в ряде значимых утверждений, являющихся следствием волевого решения, принятия на себя вины, ответственности и т.п. (*Не убивайте* ²*моих людей – / я сдаюсь*; *Нет, это я виноват перед тобой* // *Из-за меня* ²*погибли... мои сыновья* и др.). В последней беседе с императором Цинь появляется серия центров **модальной реализации ИК-3/** со значением *отклонения от нормы* (*Я / вступил в заговор / с другими царствами? // (...)*^{3/}*Захватить трон? // Я / хотел стать узурпатором?*^{3/}).

Человек, говорящий таким образом, лишен всякого страха; он чувствует себя на равных с собеседником либо выше, чувствует свою правоту, уверенно отождествляет свою позицию с нормой. Позднее **ИК-6** в значении апелляции к воображению слушающих (‘вообразите себе’) служит формированию иронии, издевки, когда Лао Ай открывает Ин Чжэну тайну его происхождения (*Бедный / император!* // *Восседа⁶я на* ¹*троне столько лет, / ты не знал, кто ты на самом деле!*²).

Итак, в русском языке нехарактерная и “нелюбимая” нашей системой группа средств просто “вымывается” при переводе из диалога, и тем не менее, эстетическая задача оказывается не только выполненной, но и выполненной удивительно близко к тому, чего можно было бы ожидать при “очень добросовестном” переводе.

Происходит это за счет активизации средств звучания, которые вносят в диалог такой набор параметров, что благополучно формируют там, где это необходимо, самоуничижение, презрение, эффект резкого слома нормы и т.д. В результате обеспечивается *совпадение необходимых смыслов на уровне целеустановок*.

Отметим, что проблема, которая была рассмотрена нами на материале исторического кинодиалога, в действительности значительно шире и актуальнее и затрагивает область живой разговорной речи в ряде современных языков Юго-Восточной Азии. Вариативность в области самоименования в *я*-позиции присутствует в современном японском, корейском, китайском языках. Учащиеся из этих регионов без труда отмечают, что привычное для них многообразие на данном отрезке языковой системы в русском языке исчезает (допустим, заурядный бытовой набор из пяти-шести различных стилистически маркированных *я* заменяется одним-единственным местоимением). Для того, чтобы сделать это наблюдение, достаточно простой работы со словарями; сложнее понять, что эти средства исчезают не бесследно. Задача преподавателя в том, чтобы указать им на тот участок русской языковой системы, который в действительности обслуживает эти смыслы, в первую очередь – на собственно коммуникативные средства (порядок слов, интонацию и другие средства звучания, частицы и др.). Ситуация осложняется тем, что сделать это необходимо на достаточно раннем этапе обучения, поскольку в противном случае ставится под удар формирование у учащихся владения основами русского бытового этикета. Пробелы в этой области знаний об устройстве русского диалога печально влияют и на восприятие иностранцами учащимися чужой речи.

Хотя мы сосредоточили наш анализ на средствах вежливости, нельзя не обратить внимания на то, какие проблемы захватывает в действительности этот аспект и какие каскады значений оказываются с ним связаны: *ирония, лесть, презрение, обвинение, предостережение* и целый ряд других целеустановок и семантических нюансов, которые могут обсуждаться в иностранной аудитории на продвинутом этапе обучения.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.

Брызгунова Е.А. Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1. М., 1980. Т. 2. М., 1982.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 2003.

**О ВЛИЯНИИ РАЗЛИЧИЙ В МЫШЛЕНИИ НА ФОРМУ ЯЗЫКА И ЕГО
ВЫРАЖЕНИЕ (на материале русского и китайского языков)¹**

Целью данного исследования является изучение и сравнение различий в форме и выражении в русском и китайском языках, причиной возникновения которых является разница в мышлении.

В мышлении русского и китайского народов существуют большие различия, которые проявляются в "синтетическом мышлении" и "аналитическом мышлении". Китайцы легко схватывают явления в целом, обращают внимание на целостность, смотрят на частное с точки зрения общего. Русские люди любят разделять целое на части, сосредотачивают внимание на анализе, смотрят на общее с точки зрения частного. В общественной жизни китайцы уделяют особое внимание понятию «целое», а русские – «часть».

Язык является носителем и неотъемлемой частью культуры. Язык каждого народа, как зеркало своей национальной культуры, воплощает в себе образ мышления его носителей. Американский лингвист Бенджамин Ли Уорф (Benjamin Lee Whorf) считает, что люди, говорящие на разных языках, воспринимают мир по-разному. Иначе говоря, человеческое восприятие объективного мира ограничивается языком, на котором говорит человек. Эта теория Уорфа называется «теорией лингвистической относительности» (Language Relativity). Основываясь на данной теории, Уорф делает следующие выводы: разница между языками отражается в различном мышлении у носителей разных языков. Эта теория называется гипотезой Сапира-Уорфа (Sapir-Whorf Hypothesis) [Mandelbaum 1949: 162]. Язык отражает способ мышления, и, наоборот, мышление сильно влияет на язык. Оно не только влияет на сам язык, но также и на его выражение. В русском и китайском языках существуют огромные различия в грамматике языка. Использование словосочетания "китайская

---

¹ При поддержке фонда Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом Китая (Ханьбань): Исследование и составление учебников (K14407): Практический курс китайского языка для русскоязычных учащихся.

грамота” в русском языке показывает, что говорящим на славянских языках трудно понять китайский язык. И поэтому, чтобы понять эту разницу, мы начнём с анализа мышления.

1. Влияние «синтетического мышления» и «аналитического мышления» на формы выражения языка

В духовной культуре и сознании китайского народа комплексная концепция занимает важное место. Согласно данной концепции, китайской нации свойственны системная оценка явлений и преимущественно «синтетическое мышление», а недостатком является невнимание к деталям, что часто приводит к нечёткому представлению о предмете. Русские же мыслят аналитически. Благодаря влиянию традиционной западной философии русское национальное мышление является индивидуальным и уникальным. Русские привыкли рассматривать вопросы с точки зрения детального анализа, логический анализ занимает главное место в их мышлении. Всё это, влияя на язык, выражается в «синтетическом мышлении» и «аналитическом мышлении».

Под влиянием различий в мышлении проявляется разница в языковом выражении русского и китайского языков.

1.1. Воплощение различий в мышлении в наименованиях вещей

В китайском языке существует единая концепция на наименование вещей. Китайцы часто дают принадлежащим к одному виду вещам подобные наименования. То есть общее название, значение слова является обобщением. Русский язык сосредоточивает анализ на конкретном наименовании вещей, то есть наименование каждого слова является только его собственным, конкретным. Например:

酒 – 葡萄酒 вино, 烧酒 ханшин, 白酒 водка, 烈酒 грог, 啤酒 пиво, 香槟酒 шампанское, 鸡尾酒 коктейль – относятся к категории **酒**;

牛 – 公牛 бык, 母牛 корова, 小牛 теленок, 水牛 буйвол – относятся к категории **牛**;

鸡 – 公鸡 петух, 母鸡 курица, 小鸡 цыпленок – относятся к категории **鸡**;

车 – 汽车 автомобиль, 火车 поезд, 自行车 велосипед, 摩托车 мотоцикл – относятся к категории **车**;

颜色 – 红色 красный, 蓝色 синий, 白色 белый, 黑色 чёрный – относятся к категории цвета.

В современном русском языке не существует слов, которые являлись бы эквивалентами существующих в китайском языке “牛” или “鸡”, есть лишь слова, которые являются эквивалентными конкретным понятиям данной категории. В русском языке есть слово «повозка», близкое по значению “车” в китайском языке, но в разговоре люди пользуются словами, у которых существует более узкими значениями. Эти особенности в китайском языке выражаются вспомогательными лексемами в слове или словосочетании [Zhang Huisen 2004: 79].

1.2. Разница в порядке слов в русском и китайском языках, вызванная различиями в мышлении

В китайском языке порядок слов является способом выражения значения слов. Порядок слов опирается на их лексическое значение и логическое соединение фразы. Порядок слов во фразе регламентируется правилом очерёдности во времени и правилом “от большего к малому”. В китайском языке расположение слов во фразе зависит от принципа комплексного мышления, в тоже время это мышление обрабатывает различия между словами и их связь во фразе. В китайском языке порядок слов согласно правилам является постоянным. Грамматика проявляется в порядке слов. Например: значение “狗咬人 – Собака кусает человека” и “人咬狗 – Человек кусает собаку” совсем разное, “我爱你 – Я тебя люблю” и “你爱我 – Ты меня любишь” тоже совершенно различное.

Так как при оценивании мира русскими принято отделять объект наблюдения от системы, то каждое слово или каждый член предложения во фразе можно отделить, и значение фразы останется полным. Во многих случаях в русском языке местоположение слов во фразе не так важно. По сравнению со строгими правилами порядка слов в китайских фразах спецификой русского языка является морфология. Порядок слов в русском языке относительно свободный. Фразы “Собака кусает человека” и “Человека кусает собака” имеют одно значение. Конечно, в русском языке есть исключения. Например: значения предложений “Мать любит дочь” и “Дочь любит мать” совершенно различны.

1.2.1. Во временном отношении в китайском языке действует правило “раньше – позже”. В начале указывается то, что произошло раньше, затем то, что произошло позже, а в русском языке правило “раньше – позже” не так важно.

Примеры словосочетаний.

“始终 – всегда”. Это словосочетание состоит из двух лексем «shi» и «zhong», обозначающих, соответственно, значения “начало” и “наконец”. “开关 – “переключатель”. Оно состоит из двух лексем «kai» и «guan», имеющих значения “открытие” и “закрытие”. “裁缝 – портной”. Это словосочетание состоит из двух лексем «cai» и «feng», обозначающих “вырезать” и “шить”. “解脱 – избавляться, спастись, облегчение”. Это словосочетание состоит из двух лексем «jie» и «tuo», имеющих значения “растянуть, развязать” и “раздеваться”.

Примеры выражений.

В китайском языке говорят “趁热打铁” (Куй железо пока горячо), “雨后春笋” (Как грибы после дождя), “聪明误 (Ошибка от ума)”. Порядок слов в китайском и русском языках противоположен.

В китайском языке говорят “春夏秋冬” (весна, лето, осень, зима), “一呼百应” (Один человек выступает с инициативой, а сто людей отвечают за это). А в русском языке только “Времена года” и “Общий отклик”.

1.2.2. С точки зрения пространственных представлений в китайском языке действует правило “от большего к малому”, то есть вещи, которые занимают больше пространства следуют перед теми вещами, которые являются меньшими по размеру (правило «от большего к малому» в порядке слов).

Например:

“大小 – размер”. Это слово состоит из двух лексем: «большой» и «маленький». “粗细 – толщина”. Это слово состоит из двух лексем: «толстый» и «тонкий». “深浅 – глубина”. Это слово состоит из двух лексем: «глубокий» и «неглубокий». Кроме того, у иероглифа “房屋” есть значения «дом», «комната», причём значение «дом» (房) шире, чем значение «комната» (屋). У иероглифа “床铺” существуют значения «кровать», «постель», значение «кровать» (床) шире, чем значение «постель» (铺). Словообразование осуществляется от большего к меньшему.

Значение некоторых атрибутивных определений тоже следует правилу “от большего к малому”. Например, “花园东南角 – юго-восточный угол сада”, “桌腿 – ножка стола”, “船头 – нос лодки”. Правило структуры атрибутивных определений показывает то, что у китайского народа понимание мира происходит по схеме «от комплексного к конкретному». В

русском языке порядок слов иной и отражает понимание русским народом явлений «от конкретного к комплексному».

Кроме того, в порядке описания времени и локации в китайском языке принято начинать от большего к малому. В описании времени по очереди идут год, месяц и дата. В русском языке наоборот. В адресах по очереди называются провинция, город, уезд, дом. В порядке написания имён и фамилий в китайском языке существуют такие правила: вначале пишут фамилию, затем имя, что отображает мышление «от семьи к индивидуальности». А в русском языке следующая очерёдность: имя, фамилия, что отображает мышление «от индивидуальности к семье».

2. Различия в выражении понятий “центр – коллектив” и “центр – индивид”

«Синтетическое мышление» и «аналитическое мышление» отражаются в общественной жизни соответственно с понятиями “центр – коллектив” и “центр – индивид”.

Конфуцианство сильно влияет на китайскую культуру. В конфуцианстве, а особенно в учении Конфуция, большое внимание уделялось доктрине “центр – коллектив”. Её смысл в том, что коллектив ставится во главе угла. Индивид рассматривается с точки зрения коллектива. Интересы коллектива важнее, чем интересы индивида. Вариантом коллективизма является альтруизм. В китайской культуре правильным считается восхваление другого человека и принижение себя, поэтому скромность является основным принципом поведения. Достижения одного рассматриваются через призму всего коллектива. В китайской культуре принято уважать другого, уметь свои заслуги. Нельзя хвалиться, это считается саморекламой.

У русского народа существуют твёрдые религиозные концепции. Это народ, верующий в Бога и следующий Богу [Cheng Jiajun 1999: 90]. Православие сильно влияет на мышление и формирует ценности русского народа. Христиане верят, что Бог создал мир, но они не верят в судьбу, а верят в личные усилия и борьбу. Религиозная доктрина "Все равны перед Богом" определяет мышление русского народа, которое воспринимает индивид и ценность индивидуального. Возможность искупить свою вину делает индивид независимым и самостоятельным, поощряет людей к стремлению выделить себя из толпы. И

поэтому русские отвечают за свои собственные ошибки перед Богом, через борьбу искупают свою вину. Таким образом, в русской культуре "индивидуальность" занимает ведущее место, также важны независимость суждений, честь, вера в свои силы, репутация и гордость.

Исходя из различий в этих двух моделях мышления, следует отметить, что коммуникативные особенности китайского и русского языков также разнятся.

2.1. Влияние различий в мышлении на средства выражения вежливости.

В общественной жизни под влиянием коллективизма и альтруизма в общении китайцев с другими людьми проявляется скромность. Под влиянием индивидуализма русские особое внимание уделяют вежливости. Именно поэтому существуют большие различия в моделях выражения вежливости в китайском и русском языках.

Например, когда русская сторона принимает китайскую делегацию, хозяин, как правило, спрашивает: "Что вы хотите, чай или кофе?". Китайцы часто отвечают: «Всё равно», «Как Вы скажете». Русские не совсем точно понимают такой ответ, не знают, как поступить в данной ситуации. Если же глава китайской делегации хочет чай, другие члены этой делегации тоже скажут, что будут пить чай. В таком случае русские могут посчитать это странным: «Почему, если один сказал, что пьёт чай, все поступают так же, как он». Если же русская делегация в гостях, не принято отвечать «Всё равно», так же, как и всем выбирать один напиток; каждый скажет конкретно, что хочет, потому что китайцы считают, что вести себя согласно обычаям хозяина – это проявлять вежливость и уважение. А выражение своего желания, не совпадающего с желанием коллектива – это проявление индивидуализма. Русские считают не так, в чём и проявляются различия.

Другой пример. Во время приёма гостей китайцы накрывают богатый стол. Но хозяин обязательно скажет, что блюда не так вкусно приготовлены и еда простая. Если гости русские, то они будут сильно удивлены. Видно, что стол богатый. Почему же хозяин говорит, что это не так? На приёме русские говорят: «Это самое хорошее вино» или «Это самый хороший ресторан» и т.д. Китайцы, хотя и хорошо приготовили блюда, но всё же часто скромно говорят об этом. Русские гости, как

правило, высоко оценивают блюда и хвалят хозяйку за хорошее угощение, потому что хозяйка всё это приготовила. При похвалах хозяйка часто охотно отвечает: «Спасибо, я рада, что вам понравилось».

Русские не будут, как китайцы, показывать скромность, умаляя достоинства своих блюд. Китайский вариант “Нет, я не в курсе, как готовить это блюдо” русские будут считать невежливым ответом. С точки зрения русских, это не только отрицание своего участия, но и отказ от похвал гостей.

Кроме этого, в общественной жизни китайцы, получая какие-нибудь похвалы, даже если они в душе очень рады, всё равно будут говорить подобные фразы: «Нет, что Вы», «Вы перехваливаете меня», «Это вовсе не так», что соответствует такому явлению в китайской культуре как «умаление своих достоинств и уважение к другим». Когда русские слышат похвалу, они, как правило, от всего сердца благодарят, потому что русские считают, что не нужно выражать скромность, если ты отдал какому-то делу все усилия. Большинству русских хотелось бы произвести впечатление самосовершенствующегося, уверенного в себе, старательного человека, всем хочется услышать признание и похвалу других людей. Исходя из своего национального мышления и своей системы ценностей, русские рассматривают поведение китайцев во время признания заслуг или похвалы как самоунижение и даже в некотором смысле притворство. Китайцы же могут посчитать способ принятия похвалы русскими высокомерным и даже неприемлемым.

2.2. Влияние различий в мышлении на средства выражения приветствия.

У русского и китайского народов есть очевидная разница во взглядах на межличностное общение, которая также выражается в способах приветствия, где возникает столкновение таких понятий, как «внимание к человеку в обществе» и «вторжение в личную жизнь».

Согласно конфуцианскому понятию "коллективное сознание" необходимо заботиться о других людях, что является проявлением высоких нравственных качеств. Именно поэтому в китайской культуре некоторые личные дела в той или иной степени являются публичными, получают внимание общества и других людей. Когда люди участвуют в жизни других, это не только не вызывает осуждения, но и считается выражением

хорошего отношения и заботы, даже является критерием оценки нравственности. И поэтому в китайском языке приветственные слова часто выражаются вопросом о текущем положении вещей. Например выражение "Вы уже пообедали?" является приветствием в обеденное время, "Идёте на работу?" – утром, "Что делаете?" или "Куда идёте?" – в любое время. Увидев людей с покупками, спрашивают: "По магазинам ходили?" и т.д. Эти приветственные слова в вопросной форме не требуют точного ответа. Отвечать можно простыми короткими словами, такими фразами, как "Да, пообедал", "Да, на работу" или же просто кивать головой и улыбаться в ответ. Если поприветствовать русского этими фразами, ситуация вызовет затруднения в коммуникации. Например, "Вы пообедали?" – "Спрашиваете, пообедал ли я? Что это значит? Вы хотите пригласить меня пообедать?"; "Куда идёте?" – "Это не Ваше, а моё личное дело"; "Закончил работать?" – "У Вас ко мне какое-то дело?". Если этими фразами приветствовать русских, то может возникнуть недопонимание. Для китайцев же эти слова являются не только приветственными, но и средством выражения взаимной заботы.

Кроме того, приветственные фразы затрагивают такие темы, как доходы, семейное положение, возраст и состояние здоровья. Например, "Вы женаты?", "Сколько у Вас детей?", "Познакомить Вас с кем-нибудь?", "Почему Вы так плохо выглядите?", "Какая красивая одежда! Сколько стоит?". Забота о собеседнике выражается такими фразами, как "Не надо так напрягаться, больше отдыхайте!", "На улице холодно, одевайтесь теплее, а то простудитесь!". Для китайцев – это форма общения друг с другом и способ эмоционального обмена между людьми. Это помогает людям чувствовать себя принадлежащими к одному коллективу, а также ощущать себя в безопасности и окруженными заботой. С точки зрения русских спрашивать о личной жизни неудобно.

Русские подчёркивают уважение к личности и личной жизни, и поэтому приветственными словами часто являются "Здравствуйте!", "Доброе утро!" или другие приветственные фразы. Кроме того, в русском языке часто используются приветственные слова пожелания и аналоги, которые мало употребляются в китайском языке. Например, когда люди обедают, русский говорит: "Приятного аппетита!". После принятия водных процедур можно сказать: "С легким паром!".

Когда человек чихает, то надо сказать: "Будьте здоровы!". Подобных выражений не существует в китайском языке.

Заключение.

Язык – одно из самых важных проявлений мышления, а мышление находится в зависимости от языка. Языковые средства выражения являются не только конкретным проявлением знаний и эмоций людей, но и конкретным проявлением мышления (менталитета) людей. Для научного сопоставления разных языков и их изучения необходимо знание стоящих за языками различий в мышлении. Имея это в виду, мы сопоставили различия в способах выражения и общения на русском и китайском языках. Наша цель – внести вклад не только в теорию китайско-русской межкультурной коммуникации и перевода, но и в практическую сферу «преподавания русского языка китайцам» и «преподавания китайского языка русским».

Литература

Sapir E. The status of linguistics as a science. Language 5. 1929. Reprinted in D.G. Mandelbaum. 1949. The Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality.

Zhang Huisen 张会森 Чжан Хуйсэнь. 俄汉语对比研究 (Сравнение русского и китайского языков) (下卷). 上海 上海外语教育出版社, 2004)

Сопоставительный анализ русского и китайского языков (второй том). Шанхай, 2004.

Cheng Jiajun. Современный русский язык и современная русская культура. Shanghai, 1999. (程家钧 Чэн Цзяцзюнь 现代汉语与现代俄罗斯文化 上海 上海外语教育出版社, 1999) Шанхай, 1999.

СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ КОГЕЗИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ АНАФОРЫ, ГИПЕРОНИМА И ГИПОНИМА)¹

Между русским и китайским языками есть как различия, так и сходства. Так как китайцы и россияне живут при разном культурном фоне, у них разный способ мышления, к тому же русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям. Но поскольку оба языка являются средством коммуникации, между ними можно обнаружить и сходство.

Когезия является важным понятием лингвистики текста. А когерентные средства представляются собой воплощение когезии и связности текста в плане формы. [Гальперин 1981: 58-60]. Как в английском и китайском языке, анализ средств когезии в русском языке проводится на основе актуального членения, проясняющего внутренние законы построения связной речи. Мы сопоставляем грамматическую и лексическую когезию обоих языков согласно теории Хэллдея и Хасан, по следующей схеме:

Мы рассмотрим для примера два типа средств когезии: анафору, гипероним и гипоним, в данных языках.

1. Анафора в двух языках

1.1 Понятие анафоры и система анафорических средств

---

¹ (“中央高校基本科研业务费专项资金资助” Supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities, 项目编号: 2010221082)

Анафора представляет собой семантическое отношение между одними членами с другими членами, которые интерпретируют их. Точнее, это отношения между анафорическим местоимением и референтом, которые реализуются на семантическом уровне. В анафорических конструкциях те или иные члены соединяемых предложений имеют одинаково выраженное лексическое значение. Анафора играет важную роль в тексте. При наличии анафоры текст обладает особым лаконизмом и структурной сжатостью.

Система анафорических средств включает: экзофору (конситуационную); эндофору (внетекстовую), включающую в свою очередь анафорический референс и катафору. Хэллидей и Хасан различают анафору местоименную (личную и указательную и др.), и сравнительную. Мы остановимся, главным образом, на сопоставим местоименной анафоре (личное местоимение и указательное).

1.2 Анафора личного местоимения

Местоимения не называют предметов, их признаков и количества, а только указывают на них. Личные местоимения указывают на лицо: *я* – указывает на говорящего; *ты* – на собеседника; лично-указательное местоимение *он* (*она, оно, они*) указывает на лицо, не участвующее в речи, которое упоминает говорящий. В китайском языке: 我, 我们, 你, 你们, 他, 她, 他们, 她们, 他们, а в русском: *я, мы, ты, вы, он* (*она, оно, они*).

Среди средств связи и когезии самостоятельных предложений наиболее широко распространены личные местоимения *он, она, оно, они* и притяжательные *его, ее, их*. В любом тексте если не второе, то третье, четвертое предложение обязательно связывается с предыдущим при помощи этих местоимений. Например:

Совсем недавно умерла моя старая учительница Анна Георгиевна Третьяшова. Она уже плохо ходила. [丁树杞 1996: 70].

А. Личные местоимения могут замещать существительные (личное и неличное). Вместо существительных чаще употребляются местоимения третьего лица (лично-указательные местоимения): *он* (*она, оно, они*) и *他*(он), *她*(она), *它*(оно), *他们*(они), *她们*(они), *它们*(они), чем местоимения первого и второго лица. В китайском языке только личные местоимения третьего лица имеют функцию анафоры. [史铁强 2001]. А в русском языке,

кроме личных местоимений третьего лица, указательное, притяжательное, относительное, возвратное и другие местоимения тоже могут выполнять функцию анафоры. Например: *Это мой отец. Он работает на заводе.* 这是我的父亲。他在工厂工作。

Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет; он не был женат; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший вице-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение. Жизнь его была очень приятна... (А. Пушкин)

恰尔斯基是彼得堡的一位本地居民。他不到三十岁，还没成亲，公务也不繁重。他过世的叔叔先核实曾当过副省长，给他留下一个相当规模的庄园。他的日子过得很惬意。

В этих примерах предложения связываются с помощью личного местоимения в разных формах (*ему, он*) и притяжательного местоимения (*его*). А в китайском языке употребляется только личное местоимение третьего лица **他(он)**, **他的(его)**.

Б. А причем в китайском языке **别人** (другие люди)”, “**人家** (другие)” **大家 人们** (все” тоже имеют анафорическую функцию. А в русском языке такого не бывает. Предложения в русском языке связываются только при помощи личного местоимения.

张洪发: (突然清醒地) 你, 你真是胡说, 祝先生是那样的人吗? ! **人家**从前在北京读过大学堂, 在上海当过大经理, 什么世面没见过! .....
[郑贇友, 2002: 289].

Чжан Хунфа: (вдруг трезво) ты, ты говоришь вздор, господин Чжу такой человек? Он учился в Пекине и работал директором в Шанхае. Какого света он не повидал?

Итак, род является принадлежностью всего имени существительного как категории русского языка, несмотря на то, обозначает ли существительное лицо или нет. Личное местоимение единственного числа тоже обладает этой особенностью. Поэтому замещая имя существительное, личное местоимение не вызывает искажения. В китайском языке личное местоимение не обладает этой особенностью. Поэтому в подобном случае частотен повтор имени существительного.

1.3 Анафора указательного местоимения

В китайском и русском языках много указательных местоимений: **这 (些)**, **那 (些)** (этот, тот)— указывается лицо

или предмет ; 这儿, 那儿, 这里, 那里 (тут, там) – указывается место; 这会儿, 那会儿 (сейчас, тогда) – указывается время; 这么, 那么, 这样, 那样 (так, такой) – указывается качество, состояние и степень. А в русском языке: этот, тот, такой, таков, столько ...

Местоимения *этом, тот* имеют значение указания на предмет или признак, выделяя их среди других таких же предметов, признаков. *Этом* указывает на предмет, находящийся вблизи кого-либо или чего-либо, а *тот* – на предмет, более отдаленный, чем другой подобный (обычно парный) предмет.

1.3.1 Употребление указательного местоимения *тот*

Частота употребления “这”, “этот”, “это” выше чем местоимения: “那”, “этот”, “то”. Например:

Он смеялся и говорил, а сам между тем пугливо и подозрительно поглядывал на Соломона. Тот стоял в прежней позе и улыбался. (А. Чехов)

他又说又笑, 却不时用怀疑地看看索罗门。索罗门还是先前那种姿势站着, 也在微笑。

Из приведенных примеров ясно, что значение ‘тот’ равно значению ‘он’. Чтобы избежать искажения в китайском языке, нужно повторять упомянутое существительное. Нельзя перевести ‘тот’ на “他(он)” или “它(оно)”, так как в контексте существует два или больше двух лиц (или животных).

В китайском языке указательное местоимение не может самостоятельно выступать в качестве анафоры. При этом нужно повторить существительное antecedента после указательного местоимения, т.е. иногда нужно добавить “那(些) 这(些)” перед существительным. Наоборот, в русском языке допускается употребление отдельного указательного местоимения. Например:

Теперь при свете лампочки можно было разглядеть его улыбку: она была очень сложной... (А. Чехов)

现在, 借着灯光, 可以看清楚他的笑容了: 那笑容是很复杂的.....

Таким образом, в качестве анафоры в русском языке выступает указательное местоимение, а имя существительное выступает в качестве antecedента. Причина в том, что в контексте присутствуют два лица одинакового рода (она /Ганечка и “贾大真Цзя Дачжэнь” и если “崔景春 Цуй Цзинчунь”), если они замещены местоимениями “он (она) или 他 (她)”, то читатели не могут точно определить их референтов. Поэтому нельзя употреблять только личные местоимения в анафорической

функции. В русском языке еще есть указательные местоимения тот (та, то, те), которые могут выступать в качестве анафоры без повтора имени существительного. А в китайском языке при отсутствии таких средств когезии употребляется повтор слова – антецедента. Нужно подчеркнуть, что указательное местоимение «тот» употребляется в качестве анафоры только при наличии двух лиц. Если в начальном предложении появляется только одно лицо, то в присоединяющем предложении не нужно употреблять указательное местоимение.

1.3.2 Употребление указательного местоимения *этот*

Употребление указательных местоимений *этот* (*эта, это, эти*) и *такой* (*такая, такое, такие*) имеет свои особенности, не сходные с употреблением местоимения *тот*. Его антецедент выступает как в форме номинатива, так и в форме косвенного падежа. Когда он переводится на китайский язык, нужно после указательного местоимения “这个 (些)” добавить имя существительное.

По горкам разбросаны без порядка деревянные дома. Эти строились давно, многие еще в прошлом столетии. (В. Панова)
沿山丘散落着木头房子。这些房子建得很早，大多数还是上个世纪建的。

Из этих примеров мы видим, что в русском языке употребляется местоимение *этот, такой*, тот и их разные формы для замены лиц или предметов, появляющихся в предыдущем контексте, а в китайском языке часто нужно добавлять “这 (个) /那 (个) 这(тот/тот) +имя существительное”, или повторять то имя существительное, которое заменяется указательным местоимением в русском тексте. Но нужно отметить, что в русском языке тоже возможно употребление словосочетания «этот +имя существительное», к тому же частота его употребления выше, чем у отдельного местоимения *этот*. А в качестве отдельной анафоры «тот» употребляется чаще. Причина заключается в том, что в китайском языке есть эквивалентный перевод слов *этот, такой* и их варианты. А для слова *тот* в контексте иногда нет эквивалентного перевода.

1.4 Типы анафоры в китайском и русском языках

По типу анафоры между двумя языками нет значительной разницы, но она есть по частоте употребления конкретных анафорических средств: в русском языке чаще употребляется личное или указательное местоимение, а в китайском языке чаще повтор имени существительного предыдущего предложения. Это

тесно связано со следующей особенностью двух языков: русский язык акцентирует совпадение формы, а китайский язык – соответствие значений. Можно так сказать, что в китайском языке анафорические средства могут употребляться в усечённом виде, а в русском языке нужно детально грамматически выражать анафорические отношения. Такая разница имеет большое значение для обратного китайско-русского перевода. С русского языка на китайский язык не нужно переводить все анафорические средства, а надо заменять имя существительное личным или указательным местоимением, а с китайского языка на русский, наоборот, надо переводить, обращая внимание на формальное соответствие. Различия выражения анафоры в двух языках обусловлены тремя главными факторами: семантикой, грамматикой и различиям в способе мышления.

1.4.1 Семантические ограничения

А. Число лиц в тексте определяет форму анафоры: при наличии единственного лица чаще употребляется личное местоимение и в русском, и в китайском языке. Если число лиц в предложениях больше двух, то часто нужно повторять имя существительное – антецедент.

Б. Пол персонажей в контексте тоже влияет на выбор анафоры. Из вышеуказанных примеров мы видим, что если в контексте два персонажа одного пола, нужно решить, вызывает ли анафора искажение.

1.4.2 Особенности грамматической конструкции

Анафора касается двух членов: антецедент (референт) и анафор (субститут). Анафора выступает в качестве подлежащего куда чаще, чем в качестве дополнения и определения.

А. Когда в начинающем предложении антецедент – это личное существительное (или словосочетание), которое обычно выступает в качестве подлежащего, то в присоединяющем предложении употребляется местоимение как анафорический элемент.

Б. Когда этот антецедент выступает в качестве дополнения, в китайском языке в присоединяющем предложении повторяют то же самое имя существительное. Когда дополнение или определение в начинающем предложении продолжает выступать в качестве объекта высказывания, то в присоединяющем предложении китайского языка повторяется имя

существительное как анафора в китайском языке, а в тексте на русском языке это правило не действует.

1.4.3 Различие в способе мышления

У русских и китайцев разный способ мышления. В китайской традиции субъект согласуется с объектом. Это отличается от русской традиции, которая подчеркивает противоположность субъекта и объекта. Китайцы считают понятие о людях и управление людьми самой высокой мудростью человека. А россияне считают понятие о природе и покорение природы самой высокой мудростью человека. Такое различие отражается в языке. [Гируцкий 2003: 113-115]. Китайский язык обращает большое внимание на лицо, на человека, а русский язык – на вещество. В китайском языке в предложении в качестве подлежащего выступает слово со значением, связанным с человеком, а в русском языке в качестве подлежащего в предложении часто выступает абстрактное существительное.

2. Гипероним и гипоним в двух языках

Слово, включающее в себя семантику другого слова, является гиперонимом. Выделяют еще один вид семантических отношений слов в языке – гипоним. Гипоним – это тип семантических отношений, при котором слова, обозначающие вид или часть, семантически подчиняются словам, соответственно обозначающим род или целое. Слово, являющееся семантически подчиненным другому слову, называется гипонимом. Между гиперонимами и гипонимами существует не только родо-видовая зависимость, но также зависимость, свойственная целому и его части. Логико-семантическая зависимость между гиперонимами и гипонимами ярко проявляется в возможности эквивалентной замены гипонима в тексте на гипероним как подведение вида под род. Однако двусторонняя замена во всех случаях не возможна. Фактически в семантических отношениях гиперонимов и гипонимов реализуются отношения между семемой и значением в структуре слова. Гипероним соотносится со значением, поэтому представляемый им класс предметов всегда уже, а семантика конкретнее. Гипонимы и гиперонимы тоже могут выступать в качестве когерентных средств текста. Они, подобно повторам, тоже могут образовать тематическое поле слов, связанных между собой парадигматическими отношениями, характерными для лексико-семантических групп.

Но нужно подчеркнуть, что в языковой системе семантическая рамка гиперонима и гипонима не одинакова. Между ними устанавливаются подчинительные отношения. Но при проведенном нами анализе текста денотат этих двух слов может быть одинаков. Например:

Шамет привез девочку в Руан и сдал с рук на руки высокой женщине с поджатыми желтыми губами – тетке Сюзанны. Старуха была вся в черном стеклярусе ... (К. Паустовский)

Здесь лексическая когезия (гипероним и гипоним: женщина - старуха) тесно связывает контекст. В этом примере гипероним «женщина» и гипоним «старуха» обозначает один денотат, одного и того же человека.

Другими словами, различают два типа когезии гипонимами и гиперонимами русского и китайского языков: гипероним – гипоним; гипоним – гипероним. В китайском языке часто встречается тип гипероним – гипоним, т.е. предложение с гиперонимом находится впереди предложения с гипонимом. А в русском языке предложение с гиперонимом обычно находится позади предложения с гипонимом.

2.1 Примеры когезии типа: гипероним – гипоним

Гипероним может выступать в качестве антецедента, а гипоним – в качестве анафорического элемента. При этом случае предложение с гиперонимом обычно является зачином сложного синтаксического целого. Это предложение характеризуется наибольшей самостоятельностью, относительно большой свободой своего строения. Например:

三百来户都欢天喜地，只有老王太太跟他两小子没挑上好牲口，牵了一批热毛子马。这号马十冬腊月天，一身毛褪得一千二净，冷得直哆嗦，出不去门。夏天倒长毛，趟地热乎乎地直流汗。（周立波《暴风骤雨》）

Больше трехсот семьей радовались, только старуха Вань с ее двумя сыновьями не выбрала хорошего скота. Они получили такую породу лошади – Жэ Мао Цзы, такая лошадь теряет всю шерсть зимой и покрыта длинным пухом и полна потом летом.

В этом китайском отрезке есть гипероним (牲口 тягловый скот) – гипоним (热毛子马 лошадь Жэ Мао Цзы одна порода лошади) – гипоним лошадь (лошадь такого рода). Автор употребляет эти три анафорических средства, избегая повтора слов и выражая конкретное содержание в связном тексте.

2.2 Примеры когезии типа: гипоним – гипероним

Гипоним выступает в качестве антецедента, а гипероним в качестве анафорического элемента. А предложение с гиперонимом обычно является концовкой сложного синтаксического целого. Оно – своеобразная синтаксическая точка, подводящая итог микротеме сложного синтаксического целого. Например:

① *Всех ребятишек, кроме меня, учитель выстроил в линейку около классной доски.* ② *А я остался один сидеть за партой и почувствовал свою отверженность.* ③ *Первым делом Федор Петрович стал проверять сумки, портфелишки и парты учеников.* ④ *Он копался в вещичках ребятшек; и мне уже в этот момент было стыдно за то, что я невольно затеял все это.* ⑤ *Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом снова, но теперь не на перемену, а идти домой – поиски ножа продолжались.* ⑥ *Мальчишки из других классов поглядывали в дверь, глазели в окна: почему мы не выходим после звонка и что у нас происходит?* ⑦ *Нашему классу было не до мальчишек.* ⑧ *Тщательно обыскав все сумки и парты, Федор Петрович принялся за учеников.* ⑨ *Проверив карманы, он заставил разуваться и, только вполне убедившись, что у этого человека ножа нет, отправил его в другой конец класса, чтобы ему не мог передать пропавшее кто-нибудь из тех, кого еще не обыскивали.*

А. гипоним – гипероним: ①④——③⑧——⑨

В предложении ⑨ «этого человека, кто-нибудь из тех», и в предложениях ④ ① «ребятишек», в предложениях ⑧③ «учеников» эти три группы слов образуют когезию, воплощенную средствами гиперонимии и гипонимии.

Б. гипоним – гипероним: ⑨ ⑧ ③——④

В предложениях ⑨ ⑧ ③ «карманы; сумки и парты; сумки, портфелишки и парты» являются гипонимами слова «вещички».

Подведем итоги на основании примеров, приведенных выше.

Во-первых, в русском и китайском текстах гипероним обычно употребляется в доминантном или центральном предложении, а гипоним в нецентральных предложениях. Центральное предложение – главное содержание отрывка, а нецентральные предложения развертывают его содержание: они могут представлять собой разъяснение или дополнение новой

информации, а также доказательства. [Дымарский 1999: 62]. В нецентральных предложениях, где употребляются гипонимы, содержание конкретнее.

Во-вторых, гипероним и гипоним в качестве анафорического средства может образовать межфразовую связь текста, не создавая ощущения однообразия.

В-третьих, в китайском языке часто встречается тип гипероним – гипоним, т.е. предложение с гиперонимом находится впереди предложений с гипонимами. А в русском языке предложений типа «гипоним – гипероним» (т.е. таких, где с гиперонимом находится позади предложений с гипонимами) больше, чем в китайском языке,.

2.3 Порядок следования гиперонима и гипонимов: попытка философского обоснования

Как показывают наблюдения, в выборе гиперонима или гипонима задействован тип мышления, преимущество целостности или преимущество частности. Мышление с преимуществом целостности соединяет все части в целое, объединяет все свойства, аспекты, связи. А мышление с преимуществом частности, разъединяет части целого или стремится различать целое по его свойству, признаку и т.д. Типичный ход мыслей китайского народа – рассматривать предмет как целое. Китайцы исходят из целостности мира или предмета, подчеркивая, с одной стороны, единую функцию предмета и, с другой стороны, взаимную связь между предметами. Они сосредоточены также на целостности сложных предметов, на процессах, в них происходящих, и их отношениях с внешним миром, не обращают внимания на внутреннюю конструкцию предмета вне конкретного анализа. Целостный синтез таких этапов анализа является синтезом с инстинктивным значением. Это приводит к типу мышления на основе целостности.

Можно сказать, что русский народ, россияне рассматривают в первую очередь элементы сложного предмета. Способ мышления россиян – начинать исследования с части, а потом соединять все части в единое целое. Это приводит к типу мышления с преимуществом частности.

Итак, способ мышления китайцев – от целостности к частности, а способ мышления россиян – наоборот, от частности к целостности. Этим можно объяснить тот факт, что в китайском

тексте центральное предложение с гиперонимом находится в начале сложного синтаксического целого, потом тема развертывается с разных точек зрения, т.е. предложения с гипонимами следуют за предложением с гиперонимом. А в русском тексте сначала идёт анализ предмета с разных точек зрения, т.е. предложения с гипонимами, потом в конце сложного синтаксического целого стоит предложение с гиперонимом, в котором подводится итог микротемы сложного синтаксического целого.

3. Вывод

В данной работе мы сопоставляем два типа средств когезии, анафору, с одной стороны, и гипероним и гипоним, с другой, поскольку они различаются в русском и китайском языках. Мы анализируем причины функционирования данных явлений в обоих языках с точки зрения различия систем языка и культуры. После сопоставления и анализа мы получаем такой вывод: для русского языка как флективного с маркированностью, входящего в индоевропейскую семью языков, характерно широкое использование флексий. В русском языке порядок слов в предложении гибкий, конструкция предложений разнообразная. В русском языке «сопоставление по форме» важно при выражении мысли. А у китайского языка, как нефлективного без маркированности, входящего в китайско-тибетскую семью языков, нет морфологической формы. Место членов предложения устойчиво по сравнению с русским языком. В выражении мысли важную роль играет «соответствие по значению».

Литература

- Гируцкий А. А. Введение в языкознание. Минск., 2003.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб, 1999.
- 丁树杞, 大学俄语《东方》第五册, 外语教学与研究出版社, 1996年, 第70页。
- 史铁强, 俄汉语篇代词回指对比, 《外语学刊》 2001年第4期, 第
- 郑贵友, 汉语篇章语言学, 外文出版社, 2002年, 第28

*Мохаммади М.Р., (к.ф.н., преподаватель, "УНИВЕРСИТЕТ
ТАРБИАТ МОДАРЕС", Иран)*

*Чераги Б., Магистрантка, "УНИВЕРСИТЕТ ТАРБИАТ
МОДАРЕС" Иран*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы.

Отрицание и утверждение – явления взаимосвязанные. По смыслу всякое отрицание есть утверждение противоположного. Так, отрицание наличия какого-л. лица, предмета, действия, признака есть утверждение его отсутствия: утверждая, что *он ходит*, мы отрицаем то, что *он не ходит* и наоборот, отрицая тот факт, что *он ходит*, мы утверждаем, что *он не ходит*.

Утверждение и отрицание в языке функционируют в тесной связи. Они служат для выражения таких противоположных значений, как «действие – недействие», «наличие – отсутствие», «существование – несуществование», «принадлежность – непринадлежность», «возможность – невозможность» и т. д.

Отрицательные предложения в русском языке

В «Русской грамматике» [1980: 402] указывается на то, что "по отношению к отрицанию все предложения членятся на три группы:

1) Отрицание может быть в предложении формально необходимым элементом: *Нет времени; Некуда пойти*; в этом случае отрицание обязательно. Это собственно отрицательные предложения.

2) Наличие или отсутствие отрицания может предопределяться не строением предложения, а характером информации: *Студент не читает; Брат не учитель*; такое отрицание в структуре предложения необязательно. Это предложения с факультативным отрицанием.

3) Отрицание предложением не принимается: это собственно утвердительные предложения, такие, как *Что за характер!*"

В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" [2002: 354] отрицание объясняется так:

"Отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует (А.М. Пешковский) или что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное (Ш. Балли). Чаще всего отрицательное высказывание делается в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящим."

Средства выражения отрицания в русском языке

В «Русской грамматике» [1980: 402] отмечается, что в русском языке к грамматическим средствам выражения отрицания в предложении относятся следующие:

"1) частицы *не* и *ни* – они употребляются для полного или частного отрицания, или его усиления. Например: *Он не читает эту книгу; Он читает не эту книгу.*

2) отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-*, *некого*, *нечего*, *негде*, *некуда*, *неоткуда*, *незачем*, *некогда*. Например: *Мне не с кем посоветоваться; Мне некуда пойти.*

3) местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-*, как *никто*, *ничто*, *никакой* в форме родительного падежа единственного и мн. ч. - в таких предложениях, как *Ничего нового; Никаких проблем.*

4) предикативы *нет*, *нельзя*, *невозможно*, *немыслимо*: *Нет времени; Ехать нельзя; С ним невозможно спорить; Ее невозможно забыть;*

5) слово *нет*".

Отрицательные предложения и их средства выражения в персидском языке

Прежде всего, дадим определение глагола в персидском языке. «В персидском языке глагол занимает важное место среди других частей речи и выделяется не только богатством и разнообразием значений, но и обилием форм. Присущие глаголу различные грамматические формы выражают характер протекания действия во времени, отношение действия к субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие

или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, утверждаемый или отрицаемый». [Рубинчик 2001: 197].

Глагол – часть речи, обозначающая действие или состояние в настоящем, будущем или прошедшем времени. В этих предложениях выражается совершение действия или состояния с помощью глагола. Это отношение имеет два варианта: утверждение и отрицание:

Каждый глагол может употребляться в отрицательной форме. Для обозначения отрицательного глагола в персидском языке используется приставка "نـ", [н-ä] или [н-э]¹, которая стоит перед основой глагола. Например:

нйрәфт - не пошёл ; нййамәди - не пришёл-а ; нэмигуйәм - не говорю.

Отрицательные предложения в персидском языке образуются при помощи отрицательных средств таких, как приставка [н-ä], которая соединяется с глаголом, и ещё добавочные отрицательные наречия и местоимения, как например *äбәдән, әслән, һич-кәс, һич-коджа:*

фәршид дәрс нэмиханәд - Фаршид не занимается

Дишәб әслән нйхәбидәм - Я вчера вечером нисколько не спал.

В глаголах, у которых имеется более одной части, первая часть находится перед отрицательной приставкой [н-ä]. Например:

йу әз оһдей-э ин кәр бәр-нййамәд - Он не справился с этой работой.

Приставка "نـ" [б-э], перед глаголами, в случае отрицания опускается.

йу митәванәд бэрәвәд - он может идти.

йу митәванәд нйрәвәд - он может не идти.

В персидском языке для глаголов, начинающихся с части "مي" [ми], отрицательная приставка [н-э] находится перед ней. Например: *нэми-гуйәм - не говорю.*

Отрицательная форма повелительного глагола в персидском языке называется نهی [нәһй] - отрицание.

В персидской литературе иногда буква "مـ" [м-ä] употребляется вместо отрицательной приставки [н-ä] или [н-э], например: *мәгуй – не скажи*, но в современном персидском

---

¹ [н-э] стоит перед ми, а[н-ä] в других случаях

языке приставка [н-ä] или [н-э] употребляется для отрицательного глагола: *нәгуи* – не скажи.

Общее и частное отрицание в русском языке и их эквиваленты в персидском языке

Традиционно во всех славянских языках, в том числе и в русском языке общеотрицательными предложениями считаются предложения с обязательным отрицанием при глаголе – предикативным отрицанием.

Мы не слышали об этом - ма дәр ин баре чизи нәшәидим.

В русском языке для передачи значения частного отрицания также используются частноотрицательные предложения с непредикативным отрицанием (положительным сказуемым). Отрицательная частица *не* при этом "сигнализирует новую мысль" и стоит перед отрицаемым членом предложения, и при переводе частичного отрицания на персидский иногда даются параллельные переводы.

Мы идем не в театр - ма нә бә таатр мирәвим или ма мирәвим, әмма на бә таатр.

В общеотрицательных предложениях нет необходимости в противопоставлении: *Я не приеду к вам завтра - мән фәрда ниш-э шома нәхәһәм-амәд.*

Здесь возможно противопоставление предложений:

Вчера не было дождя, а завтра будет - дируз баран нәбарид, әмма фәрда хәһәд барид.

В частноотрицательных непредикативных предложениях отрицаемому члену всегда может быть противопоставлен какой-то другой - утверждаемый член предложения: *Дождь был не вчера, а позавчера - на дируз, бәлке пәрируз баран барид.*

В одном предложении может употребляться общее отрицание и частное, например:

Он не пришёл на занятия не потому, что заболел, а потому, что проспал.

В персидском языке иногда для подтверждения отрицания в предложении, глагол употребляется утвердительным, и отрицательное слово *نه* [näh], представляющее собой отрицательное наречие, стоит в начале предложения перед подлежащим.

Например: *نه چنين نيست = چنين است* [чэнин нист = **nah** чэнин әст]

В этом случае в персидском языке употребление отрицательного глагола не правильно. *من نه کار او را نمی پسندم* [мйн на кар-э у-ра нэмипәсәндәм].

Отрицательные предикативные наречия

Отрицательные предикативные наречия в "Русской грамматике" [1980: 372] описываются так:

"Предикативы *нельзя*, *невозможно*, *немыслимо* выступают как отрицательные компоненты в предложениях типа *Нельзя пройти*; *Немыслимо забыть*; *Невозможно разговаривать*.

Эти предложения вступают в соотношения с предложениями либо с обязательным, либо с факультативным отрицанием, в зависимости от вида глагола.

Предложения с инфинитивом глагола *совершенного вида* и предикативом *нельзя* означают невозможность осуществления чего-л. и соотносятся с собственно отрицательными инфинитивными предложениями: *Там нельзя пройти* - *Там не пройти*; *Там нельзя отдохнуть* - *Там не отдохнуть* предложения с *нельзя* с инфинитивом глагола *несовершенного вида* в том же значении соотносительны с предложениями *нет возможности*. Такие предложения могут также означать запрещение, и тогда они соотносятся с предложениями с факультативным отрицанием с *не разрешается* (*не разрешают*, *не разрешено*) или с предложениями без отрицания с *запрещается* (*запрещают*, *запрещено*): *Здесь нельзя курить* - *Здесь не разрешается/не разрешают/не разрешено курить* или *Здесь запрещается/запрещают/запрещено курить*".

В "Русской грамматике" [1980: 372] отмечается, что: "В предложениях типа *там не пройти*; *Его не понять* с инфинитивом глагола *совершенного вида* отрицается возможность действия. Такие предложения семантически совпадают с предложениями со словами *нельзя*, *невозможно*.

Там не проехать - *Там нельзя/невозможно проехать*.

Его не понять - *Его нельзя/невозможно понять*."

Русские отрицательные местоимения и наречия как способ усиления отрицания и средства их выражения в персидском языке

Н.Г. Гольцова в своей книге, «Русский язык с элементами практической стилистики» [Гольцова 1974: 83] характеризует отрицательные местоимения таким образом:

"Местоимение не называет явления, признаки, а только указывает на них, т.е. выполняет указательную функцию. Учитывая функциональные особенности и характер связи с другими частями речи, местоимения разделяют на 9 разрядов. Один из них - отрицательные: *никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей*.

Для всех отрицательных местоимений характерно общее значение отрицания. В том случае, когда отрицательные местоимения употребляются с предлогами, предлог всегда ставится между отрицательной частицей и местоимением; пишутся отрицательные местоимения с предлогами в три слова (*ни у кого, ни с кем, ни о чем*)".

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных при помощи частиц *не* и *ни*. *Не* пишется под ударением, *ни* - без ударения.

Махутян Ш. [Махутян 1999: 92] считает, что в персидском языке предложения с помощью отрицательных элементов, стоящих в начале предложения, могут отрицаться. Отрицательные элементы бывают: *هیچ* [*нич*], *هیچی* [*ниччи*], *هیچوقت* [*ничвэгхт*], *هیشکی* [*нишки*], *هرگز* [*һәргэз*], *هیچ نخورد* [*нич нэхорд*], *هیشکی اونجا نبود* [*нишки уннджа нәбуд*].

Именная группа обычно отрицается с помощью отрицательных элементов как *هیچ* [*нич*]/*هیچی* [*ниччи*] и *بدون* [*бэдун-э*]. Если в предложении употребляется *هیچ* [*нич*]/*هیچی* [*ниччи*], то требуется отрицательный глагол. Со словом *بدون* [*бэдун-э*]-*без* можно употреблять глагол в утвердительной или отрицательной форме.

بدون آب می میره [*бэдун-э аб мимире*] - Умирает без воды;

بدون تو نمیروم [*бэдун-э то нэмирәвәм*] - Без тебя не пойду;

هیچ پولی ندارم [*нич пули нәдарәм*] - У меня нет денег.

Слово-предложение "нет" в русском языке и его эквивалент в персидском языке

В "Русской грамматике"[1980: 404] слово- предложение "*нет*" объясняется так:

Отрицательное слово «нет» как эквивалент предложения или его главного члена функционирует в диалоге или в составе противительной конструкции.

В диалогической речи "*нет*" употребляется в ответных репликах; вопрос при этом может или заключать в себе

отрицание или не заключать его. Если вопрос не содержит в себе отрицания, то слово *нет* в ответе является отрицающим:

- Имеете ли вы с кем из своих переписку? – Нет.

Ответ при этом часто повторяет как отрицание соответствующую часть вопроса:

Знал ли Филипп Петрович, что угроза гибели уже нависла над ним? Нет, он не знал и не мог знать этого (Фадаев).

Ответ может включать и то, что противопоставляется отрицаемому:

Ты вчера был в театре? – Нет, в цирке.

Если первая реплика содержит отрицание, то возможны два типа ответов с *нет*.

а) Слово *нет* служит для подтверждения отрицающего (негативного) ответа:

Вы не читали эту книгу? – Нет, не читал.

б) Слово "*нет*" служит для отрицания негативного ответа; для выражения несогласия, возражения:

Вы не читали эту книгу? – Нет, читал.

В этом случае вслед за "*нет*" в русском языке обязательно следует утверждение:

Наташа, ты не понимаешь... – Нет, я все понимаю, все! (Тендр.).

В составе противительной конструкции слово "*нет*" концентрирует в себе все содержание отрицания, противопоставляемого утверждению:

На улице шум, а здесь нет.

В построениях с разделительным союзом слово *нет* может выступать в роли эквивалента второй части конструкции:

Жива ли, нет ли, бог ее ведает.

В.И. Максимов [Максимов, Одеков 1998: 140] так объясняет конструкции с отрицательными ответами:

В отрицательных ответах чаще всего употребляются три конструкции:

а) Слово-предложение *нет*, если вопрос не содержит отрицания:

Вы будете писать контрольную работу? – Нет.

б) Слово-предложение *нет* и часть вопроса, если он содержит отрицание:

Вы не будете писать контрольную работу? Нет, не будем.

в) Или просто часть вопроса. Если он содержит отрицание:

Вы не будете писать контрольную работу? Не будем.

Параллельно с понятием слова - предложение "**нет**" русского языка, Аржанг Г. [Аржанг 1999: 65] в "Грамматике персидского языка" объясняет *قيد پاسخ* [ghəȳd-ə pasox] – наречный ответ" таким образом:

Существует три вида наречного ответа:

1) утвердительный ответ на утвердительное вопросительное предложение:

ديروز به کلاس رفتي؟ بآله، رفتم [дируз бе кэлас рэфти? бале, рэфтäm].

2) утвердительный ответ на отрицательное вопросительное предложение:

ديروز به بازار نرفتي؟ بآله/چرا، رفتم [дируз бе базар нэрэфти? бале/чэра, рэфтäm].

3) отрицательный ответ на утвердительное или отрицательное вопросительное предложение:

آيا به کتابخانه رفتي؟ نه، نرفتم [а́йа бе кэтабхане рэфти? нэ, нэрэфтäm],

آيا به کتابخانه نرفتي؟ نه، نرفتم [а́йа бе кэтабхане нэрэфти? нэ, нэрэфтäm]

В персидском языке "*наречие ответа*", как предложение "**нет**" в русском языке, тоже имеет полное значение в зависимости от того, что говорится в вопросительном предложении:

تو فردا به مدرسه ميروي؟ آري, [то фәрда бе мәдрэсе мирәви? ари],
امروز به سينما ميروي؟ چرا [эмруз бе синәма нэмирәви? чэра]

Подведем некоторые некоторые итоги изложенному.

Отрицание в целом в **русском языке** выражается или с помощью частицы "**не**" перед глаголом или другими членами предложения, словами "**нет**", "**нельзя**" и др., а в **персидском языке** прибавлением [н-ä] или [н-э] перед глаголом или слово [näh] перед другими членами предложения.

Отрицание – не просто грамматическая категория, а сложная коммуникативная операция, функция которой во многом определяется контекстом.

Как в русском языке, так и в персидском языке существуют общеотрицательное и частноотрицательное предложения, но способы их выражения различаются. Общеотрицательное предложение русского языка переводится с добавлением приставки [н-ä] или [н-э] к глаголу.

Обычно частноотрицательное предложение в русском языке, на персидский язык переводится добавлением наречия "نه" [nah] перед словом, которое отрицалось частицей "не".

Литература

- Русская грамматика под ред. Н.Ю. Шведовой, М., 1980.
Аржанг Г., Грамматика персидского языка, Тегеран, 1999.
Гольцова Н.Г. Русский язык с элементами практической стилистики, М., 1974.
Крючкова Л.С., Русский язык как иностранный, М., 2004.
Лекант П.А., Синтаксис простого предложения, М., 2004.
Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой, М., 2002.
Максимов В.И., Одеков Р.В., Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов, СПб, 1998.
Махутиан Ш., Грамматика персидского языка, Тегеран, 1999.
Ольхова Л.Н., Как сказать "нет", СПб, 2004.
Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. и др., Современный русский язык, М., 1995.
Руденко-Моргун О.И. и др., Русский язык: Учебно-справочный комплекс. Часть 2: русский синтаксис, М., 2001.
Современный русский литературный язык под ред. В.И. Максимова, М., 2004.
Современный русский язык под ред. В.А. Белошапковой, М., 2003.
Соколова Г.П., Частица *не* и *ни*, Л., 1969.
Фаршидвард Х., Полная современная грамматика, Тегеран, 2003.
Ханлари Р., Грамматика персидского языка, Тегеран, 1998.

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ
И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЖЕНЩИНУ¹**

Пословицы и поговорки, восходящие к устному народному творчеству, играют важную роль в человеческой коммуникации. Пословицы и поговорки как единицы языка выражают национальное отношение к миру, системе ценностей, сохраняют традиции, историю, культуру того или иного народа. В силу своей яркой национальной специфики сопоставительное описание пословиц и поговорок разных языков представляет большой интерес для лингвистов. Сходства и различия разных языковых систем можно выявить только путем сопоставительного исследования. В сопоставительном исследовании пословиц и поговорок отражены универсальные представления носителей разных языков, в то же время отражены и специфические представления, типичные для определенной страны и не свойственные другой стране.

Понятие языковой картины мира является чрезвычайно популярным в лингвокультурологии. Сейчас в лингвокультурологии применяется также понятие культурной картины мира (丁雨芬 2003:168). Система концептов, составляющая культурную картину мира, включает в себя ценностные концепты (ценностную концепцию). Фольклорные концепты, временно-пространственные концепты, религиозные концепты и т.д. В системе концептов ценностные концепты считаются ядерными концептами. Ценностные концепты как критерии человеческого сознания отражают ценностные отношения к окружающему миру, которые выступают ориентирами деятельности человека.

---

¹ “中央高校基本科研业务费专项资金资助” Supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities, 项目编号: 2010221082

В пословицах и поговорках отражаются взгляды человека на женщину и воплощаются разнообразные ценностные отношения. Далее мы будем сопоставлять ценностные картины мира в пословицах и поговорках русского и китайского языков, характеризующих женщину. По тематическому принципу анализ пословиц и поговорок в русском и китайском языках, объективирующих ценностные концепты по отношению к женщине, позволяет выделить следующие три аспекта: внешние характеристики, внутренние характеристики и интерперсональные характеристики. При сопоставительном исследовании выявляются универсальные и специфические представления о ценности.

1. Внешние характеристики

1.1 Внешность

В русском языке о красивой женщине существует мало пословиц и поговорок, в которых коса является одним из символов *женской красоты*. Например: *Девичья коса – на всю Москву*. Русский народ обычно не обращает внимание на внешность, а более на ум и высокие душевные качества. Например: *Красота до вечера, а ум – навек*. В пословичных фондах русского языка при описании женской внешности часто сочетаются признаки красоты и признаки способности и качества, например: сравнивая красоту с умом, ум считают важнее красоты.

В китайском языке о красивой женщине существует немало пословиц и поговорок. Например: 英雄难过美人关。(Красавица всегда влюбляет героя в себя.) В древнем Китае ценили внешнюю красоту женщин. Для китайских женщин это даже самое большое богатство. Красота помогает им изменять судьбу и жить богатой жизнью. Что касается способности, китайские люди обычно считают, что способность совсем не нужна женщине. Например: 女子无才便是德。(У женщины нет таланта – вот ее высокое нравственное качество.) Сравнивая внешнюю красоту с душевными качествами, душевные качества считают важнее, чем внешняя красота. 美女悦人眼, 贤妇悦人心。(Красивая женщина – наслаждение для глаз, добрая женщина – наслаждение для души.) Специфическим для китайского пословичного материала оказывается то, что красивая женщина всегда имеет трагичную судьбу. Например: 自古红颜多薄命。(С древности у красивой женщины роковая судьба.) В китайском языке много

пословиц и поговорок, описывающих некрасивую женщину. Например: 丑女家中宝。(Некрасивая женщина – ценность дома.)

1.2 Физическое состояние

Русские и китайские пословицы и поговорки, описывающие физическое состояние женщины, можно группировать по следующим темам: «молода – стара», «сильна» и «здорова».

Возраст является важным аспектом физического состояния женщины. Как русские пословицы и поговорки, так и китайские, описывают, что в зависимости от разницы в возрасте, браки будут складываться по-разному. С одной стороны, русские и китайские люди считают, что жена должна быть моложе мужа. Например:

Рус.: *Муж стар, а жена молода – дожидайся детей; муж молод, а жена стара – дожидайся плетей.*

Кит.: 宁叫男大十, 不叫女大一。(Лучше муж старше на десять лет, чем жена старше на год.)

С другой стороны, русские и китайские люди считают, что молодлица не должна выходить замуж за старика.

Рус.: *Молодица у старика – ни девка, ни баба, ни вдова.*

Кит.: 老人休娶少年妻。(Старику нельзя брать молодую жену.)

В русском и китайском материалах наблюдаются пословицы и поговорки, характеризующие женщину, в которых акцентируются признаки «сильна» и «здорова». С утилитарной точки зрения такие признаки имеют положительную коннотацию. Например:

Рус.: *Женская сила не бьет – бережет.*

Кит.: 妇女下田, 一年好过一年。(Женщина работает в поле, урожай с каждым годом улучшается.)

Русские пословицы и поговорки выявляют своеобразие ценностной картины мира в представлении о женской силе, которая сравнивается с мужской силой. В отличие от мужской силы, женская сила главным образом отражается в уме. Например: *Мужская сила в руках, а женская – в умах.*

2. Внутренние характеристики

В качестве черт характера и качеств для ценностного концепта «женщина» выделяются следующие признаки: добродетельность, злобность, плаксивость, болтливость, жадность, непостоянство, покорность, трудолюбие, сварливость, и т.д. Среди них первые два признака занимают важное место в пословицах и поговорках обеих стран. Далее мы будем

анализировать внутренние характеристики: «добродетельность» и «злость».

2.1 Добродетельность

В русском и китайском языках совпадают представления о том, что добрая жена помогает мужу и всей семье.

Рус.: *Доброю женою и муж честен.*

Кит.: 妻贤家道兴. (Добрая жена способствует процветанию семьи.)

В русском языке отмечено, что не следует давать жене волю, которая портит добрую жену. Слово **воля** относится к категории слов, в которых фиксируются понятия и представления, присущие национальному менталитету носителей конкретного языка. По мнению О.А. Корнилова, воля же – специфически русское слово (и понятие), и ключевыми компонентами его значения следует признать полное отсутствие какой-либо регламентации (например, закона) и наличие (или подразумевание) бескрайних, ничем не ограниченных пространств [Корнилов 2003, 164]. Например: *Дал муж жене волю – не быть добру.*

Русская жена не только выделяется своей храбростью на войне, но и выделяется своей добродетельностью в миру. Например: *На войне храбра, а в миру весьма добра, такова она – русская жена.* А в китайском языке отмечено, что добрая жена оказывает большое влияние на потомство. Например: 娘好好, 苗好米好. (При доброй матери дочь хороша, при хороших всходах рис хорош.)

2.2 Злость

Во-первых, в обоих языках совпадают представления о том, что злая женщина приносит горе и беду мужу и всей семье. Например:

Рус.: *Больше баба в семье, больше греха.*

Кит.: 恶妇破家. (Злая жена разрушает семью.)

В русской поговорке муж не может избавиться от злой жены: *От злой жены не уйдешь.* Интересно, что мужа может спасти только пострижение или смерть: *От злой жены одна смерть спасает да пострижение.* В китайских пословицах характерно такое выражение, что горе, принесенное злой женщиной, длится без конца, значит, мужу приходится терпеть горе всю жизнь. Например: 讨坏老婆一世穷. (Берешь злую жену и будешь беден всю жизнь.) При этом в китайских пословицах и

поговорках особенно характерно использование градации. Градация – это стилистическое средство, состоящее в таком расположении слов, при котором, как правило, каждое последующее содержит усиливающееся или ослабляющееся значение, и так создается нарастание производимого впечатления. 做生意是一次, 讨坏老婆六十年。(Неудачная торговля – один раз, женат на злой жене – шестьдесят лет.)

Во-вторых, в русском языке женщина сравнивается с сатаной. Например: *Отбилась от рук жена, так что твой сатана*. А в китайском языке женщина сравнивается с ямараджой. Например: 大姑大似婆, 小姑赛阎罗。(Старшая золовка – свекровь, младшая золовка – ямараджа.) Библейские тексты четко описывают образ сатаны. В Библии сатана является в образе змея и обольщает первых людей. Поэтому для русского народа сатана – это символ зла, темноты. Ямараджа – один из главных богов в буддизме. Буддизм является одной из главных религий в Китае. С распространением буддизма в Китае Ямараджа считается царем мертвых, китайский народ верит, что именно Ямараджа вершит суд над душами недавно умерших и принимает решение о следующей судьбе каждой души. Поэтому в глубине души китайский народ очень боится его. В русской пословице муж и жена сравниваются с сатаной: *Муж да жена – одна сатана*. В русских пословицах характерно такое выражение, что злая женщина даже сильнее, чем сатана и черт. *Перед злой женою сатана – младенец непорочный*. А в китайских пословицах и поговорках почти не выражается подобная мысль. Китайский народ обычно считает, что перед духами люди является бессильными.

В-третьих, когда говорят о злой женщине, как в русском, так и в китайском языке, отражено представление о том, что злая женщина хуже других зол. Например:

Рус.: *Всех злее злых злая жена*.

Кит.: 最毒妇人心。(Самое злое – сердце женщины.)

3. Интерперсональные характеристики

Рассматривая семейные отношения в русских пословицах и поговорках, мы можем установить семейное положение женщины в ролях жены, матери, дочери, а также установить ее социальное положение, потому что семейное положение определяется социальным положением. Для женщин главными социальными ролями являются роли семейные (жена, мать, дочь),

успешность женщины главным образом оценивается по наличию семьи и детей.

3.1 В роли жены

Во-первых, в русском и китайском языках немало пословиц и поговорок, обозначающих тесные отношения между мужем и женой.

Рус.: *Муж без жены, что конь без узды.*

Кит.: 恩爱不过夫妻。 (Нет никого ласковее, чем муж и жена.)

Во-вторых, в русских и китайских пословицах и поговорках отражено представление о том, что жена значит в обществе ровно столько, сколько значит ее муж, и жена во всем следует за мужем.

Рус.: *Жена мужем красна.*

Кит.: 嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗。 (Жена всегда должна за мужем, как курица за петухом, собака за псом.)

В-третьих, в русских пословицах и поговорках хорошая жена приносит мужу счастье и радость, а плохая жена – несчастье и горе. Например: *С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне.* В китайских пословицах и поговорках хорошая жена помогает мужу и делится горем и счастьем с мужем. Например: 家有贤妻, 男人不做横事。 (В семье добрая жена – муж не идет на риск.)

В-четвертых, в сознании китайского народа муж может по своему желанию оставить жену, что особенно типично для богатого мужа. Например: *妻子如衣服。* (Жена, как одежда.), а в некоторых русских пословицах отражено представление о том, что первая жена ценнее, чем последующие жены. Например: *Законною женою будь доволен и одною.*

3.2 В роли матери

А. Мать и дети:

В семье женщина как мать играет важную роль. Мать кормит и воспитывает ребенка, поэтому мать является самой дорогой и близкой для него. В русских и китайских пословицах и поговорках выражается привязанность ребенка к матери.

Рус.: *Птица радуется весне, а младенец матери.*

Кит.: 儿不嫌母丑。 (Сын не принимает безобразный вид матери к сердцу.)

В русском языке подчеркивается такое мнение, что мать больше влияет на детей, чем отец: *Без отца – полсироты, а без*

матери и вся сирота. А в китайской языке подчеркивается такое мнение, что самым желанным и счастливым событием для матери является рождение сына – наследника. Например: 有子方为妻, 无子便算婢。(Если у нее сын, то она – жена; если у нее нет сына, то она – служанка.)

Б. Мать и отец

В русских и китайских пословицах и поговорках говорится о том, что образ женщины всегда ограничен рамками семьи и женщина все время занимается домашним хозяйством, а мужчина и делает работу на дворе, и участвует в общественной деятельности.

Рус.: *Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж.*

Кит.: 男勤耕, 女勤织, 丰衣又足食。(Мужчина усердно пашет, женщина усердно прядет, обильны одеждой и продуктами.)

3.3 В роли дочери

В традиционном сознании русского и китайского народов появление сына на свет считается более предпочтительным, чем рождение дочери. Для русского и китайского народов рождение девочки означает, что ей в будущем придется выйти замуж и стать членом чужой семьи. Русский народ сравнивает свою дочь с чужой добычей, чужим сокровищем, а китайский народ – с вылитой водой.

Рус.: *Дочь- отцу, матери не корысть (не кормилица).*

Кит.: 嫁出去的女儿, 泼出去的水。(Замужняя дочь – вылитая вода.)

Особенно в традиционной русской и китайской пословичной культуре явно просматривается предпочтительность мальчика перед девочкой. Причины такого предпочтения в русской и китайской народной культуре различаются. Причина русского предпочтения мальчика объясняется экономически: в русской крестьянской семье сын растет, женится и приводит в дом жену, которая увеличивает число рабочих рук в семье. В древней Руси для замужней крестьянки труд является тяжелым, она и делает домашнюю работу, и кормит ребенка, и работает в поле, как говорит русская поговорка: *В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет, для труда живет.* А дочь растет, выходит замуж и отдает ее рабочие руки в другую семью. Конечно, в Китае данная причина тоже существует, потому что у крестьян есть стремление иметь больше детей, особенно мальчиков, так как мальчики – это будущие рабочие силы [黄苏华 199636]. Кроме

того, причина китайского предпочтения мальчика объясняется психологически: в соответствии с традиционным представлением китайцы считают, что только сын является продолжателем родовой линии.

4. Вывод

По мнению В.И. Карасика, ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частности этих признаков и их специфической комбинаторике [Карасик 2002: 142]. В данной работе созданы фрагменты русской и китайской языковых картин мира и выявлены сходства и различия ценностных концептов путем сопоставительного анализа пословиц и поговорок. Сопоставительные результаты могут быть использованы в освоении обеих культур и в практике обучения русских и китайских пословицам и поговоркам.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

黄苏华, 含义相同的汉俄谚语语义, 《外语学刊》,

1996年第2期

丁丽芬, 语言世界图景理论及其在俄语中的研究

(硕士毕业论文), 2003

**О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ И КУЛЬТУРНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Известно, что во всех языках имеются слова или выражения, которые употребляются для того, чтобы избежать упоминания неприличных и нежелательных слов и стараться не вызвать у собеседников неприязни в процессе общения. Эти слова или выражения называют эвфемизмами.

Остановимся, прежде всего, на определении эвфемизмов. Слово «эвфемизм» происходит от греческого, «eu» — «хорошо» и «phemi» — «говорю», что означает благоречие. Ещё в 80 годах XVI века английский писатель Джордж Блант в первый раз упомянул термин «эвфемизм» и определил его как «хорошая и любимая интерпретация нехорошего слова». Но термин «эвфемизм» разными учеными понимается и трактуется по-разному. Мы предпочитаем определение эвфемизма, данное С.И. Ожеговым: «Эвфемизм» – это «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное» [Ожегов, Шведова 1995: 893]. Например, слова *неумный* вместо *дурак*, *скончаться* вместо *умереть*, *говорить неправду* вместо *врать* употребляются в конкретной ситуации для улучшения коммуникации.

Методологической основой нашего исследования являются теория и концепции учёных А.А. Реформатского, Ю.Н. Караулова, Х. Фаулера, Ч. Кейни, И.Р. Гальперина, А. Спирса, Д.Н. Шмелева, Л.П. Крысина, А. Кацева, Э. Партриджа, К. Бэрриджа, Е. Тюриной и др.

Эвфемизмы как социальное явление существуют не только в России, но и в любой стране мира. Изучение эвфемизмов не обошли и китайские ученые. Чэнь Вандао был перым в Китае лингвистом, который определил эвфемизмы как «одну из фигур речи, выражение нежелательного слова или предложения с помощью перифраза или намека», (陈望道, 1976). Он расширяет границы исследования эвфемизмов, и сегодня в Китае, как и в других странах, учёные изучают эвфемизмы с разных сторон: семантики, прагматики, социолингвистики и т.д. В 1970–1980-е

годы многие китайские лингвисты начали изучение социальных функций эвфемизмов. Так, Чэнь Юань написал книгу «Социолингвистика», в которой он подробно описал эвфемизмы. Су Динфан в своей статье «Новые взгляды на эвфемизмы» выделил три принципа в образовании эвфемизмов [束定芳, 1988]. Гу Тунцин написал статью «Анализ эвфемизмов с точки зрения семиотики», с позиций которой он изучал эвфемизмы [辜同清, 1999]. Чжу Вэньцзюнь, Ван Юйпин и Го Си внесли свой вклад в исследование этой проблемы. Отметим также статьи «Эвфемизмы—языковое отражение в социуме» [彭文钊, 1999], «Эвфемизмы в русском языке» [丁昕, 1998], «Сопоставительный анализ эвфемизмов в русском и китайском языках» [尹城, 丛凤玲, 2003].

Эвфемизмы в лингвистической литературе исследуются в нескольких аспектах: социолингвистическом (табу, понятийные сферы использования), функциональном (мотивы употребления эвфемизмов), грамматическом и семантическом (структура эвфемизмов, способы образования эвфемизмов) и др. В нашей работе обращается особое внимание на прагматический аспект использования эвфемизмов в межкультурной коммуникации. При сопоставлении эвфемизмов в русском и китайском языках мы можем найти черты сходства и различия. Русские и китайцы в процессе общения могут избежать многих неудач и неприятностей, если будут учитывать эти особенности.

Эвфемизмы получают широкое распространение в речевом общении – в средствах массовой информации, в общественной и бытовой сфере. Они занимают важное место в межкультурной коммуникации. Известно, что Россия и Китай имеют разную историю, разные культурные традиции, обычаи и национальные характеры, что определяет появление ряда эвфемизмов, в которых отражается социально-культурная специфика.

Русский и китайский языки принадлежат к разным культурным мирам, и поэтому различие традиционных представлений между этими двумя странами оказало большое влияние на образование, развитие и изменение эвфемизмов.

Язык, будучи одним из социальных явлений, тесно связан с социальной структурой. В книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», **межкультурная коммуникация** определяется как адекватное взаимопонимание

двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам.

Употребление эвфемизмов в речи неразрывно связано с социокультурной сферой. Эвфемизмы являются порождением совместных действий говорящих с учётом социопсихологического и прагматического факторов. Это могут быть гендерные отношения, возраст, социальное положение, степень образованности и, конечно, тема разговора.

Так, разговор о личных делах считается темой, которая может задеть личные секреты. Поэтому мы должны найти эвфемизмы для того, чтобы избежать этих тем, например, темы смерти, возраста, безработицы, секса и т.п. А иногда нам нужно изменить тему разговора для того, чтобы или сохранить лицо собеседника, или избежать неприятности, выйти из затруднительного положения. Например:

1) А: – Может быть, завтра мы вместе пойдем в кино?
明天我们一起去看电影吧!

Б: – Завтра я не могу. Мы с мамой идём к родственникам.
明天不行啊。我和妈妈要去亲戚家。

А: – А послезавтра?
那后天呢?

Б: – Послезавтра у моего приятеля день рождения.
后天有个朋友生日。

А: – А после...
那大后天……

Б: – Извини, у меня почти нет свободного времени. Ты сам все понимаешь.

不好意思，我没有空余□□。其□你□□懂我的意思吧。

Из этого диалога ясно, что А любит Б и хочет с ней пойти в кино, а Б не любит А и не хочет обидеть А прямым отказом. Поэтому Б изменяет тему и эвфемистически выражает свою мысль.

2) Новосельцев: – Слушай, Юра, может быть, мне в связи с Швейцарией ограбить тебя на двадцать рублей, а?

Юра: – Ну, конечно, что ты говоришь? (из фильма «Служебный роман»)

Новосельцев занимает деньги у своего хорошего друга Юры. Новосельцев выражает свою просьбу в шутливой форме, заменяя прямолинейное *Дай взаймы* грубовато-фамильярным

Ограбить, смягчая тем самым ситуацию, связанную с щекотливой темой денег.

3) Астров: – Сегодня, многоуважаемый Иван Петрович, погода недурна. Утром было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совести, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себе. Вот только что: дни коротки стали... (Уходит) (Чехов)

阿斯特罗夫: “尊敬的伊万·佩特罗维奇, 今天天气不错。早晨阴, 好像要下雨, 现在太阳出来了。说实话, 今年秋天好极了……秋播作物也只是日照短了...”

Это диалог из драмы Чехова «Дядя Ваня», а Астров является главным героем пьесы. В этой сцене, когда Астров признаётся в любви к главной героине, внезапно появляется Иван Петрович. Для того, чтобы выйти из затруднительного положения, Астров меняет тему и переходит к разговору о погоде.

Общеизвестно, что национальные культуры самобытны. А людям, принадлежащим к разным культурам, нужно общаться друг с другом, и «первое место среди национально-специфических компонентов культуры занимает язык. Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей. Язык — это знак принадлежности его носителей к определенному социуму» [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989: 75]. Человек и общество являются продуктами длительного развития истории, они аккумулируют в себе коллективный опыт предшественников. Связующим звеном между поколениями, связью времен, хранилищем коллективного опыта как раз выступает язык [吴国华, 2003]5

«Дело в том, что, даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культуры» [Верещагин, Костомаров 1990]. Речь уже идет, таким образом, о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. Знать

значения слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Без обращения к явлениям культуры изучение языка обедняется. Ведь каждый носитель языка является продуктом целого комплекса социально-исторических и культурных факторов.

Главной же помехой в межкультурной коммуникации является различие фоновых знаний, которые составляют специфику национальных культур коммуникантов. Люди, говорящие на разных языках, с трудом понимают друг друга. У них разная история, обычаи, традиции, из-за которых люди мыслят по-разному. К тому же в межкультурной коммуникации люди разных национальностей оценивают друг друга в соответствии со своими культурными и социальными представлениями и параметрами, в результате чего может возникнуть прагматическая неудача.

В межкультурной коммуникации недостаточно, чтобы мы были знакомы только со своей языковой культурой, нам надо еще учитывать языковые различия и коммуникативные нормы, принятые в других культурах.

Разрешённая тема в одной культуре может стать запретной в другой культуре. Например, в китайской культуре люди часто разговаривают на темы заработка, веры, религии, брака и др., а в западной культуре эти темы сугубо личные.

Для того, чтобы избежать прагматической неудачи в межкультурной коммуникации, нам надо обращать особое внимание на культурный фон изучаемого языка. Надо изучать языки на синхронном срезе, на широком фоне социальной, культурной, политической жизни народов, говорящих на этих языках, то есть в тесной связи с миром изучаемого языка. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989: 77]. Таким образом, в межкультурной коммуникации эвфемизмам отводится не последняя роль. Овладение ресурсами этого языкового пласта способствует удачной межкультурной коммуникации.

Литература

Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

Верещагин, Костомаров В.Г. Язык и культура, М., 1990.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в роль эвфемизма М., 1998.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. // Русский язык конца XX столетия. М., 2000.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Тюрина Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка. Дисс... канд. филол. наук, Нижний Новгород, 1998.

Ожегов С.И., Шведова Н. «Толковый словарь русского языка» 2-е изд., М.,1995.

陈原 社会语言学[M]. 上海: 学林出版社, 1983.

陈望道 . 修辞学发凡[M]. 上海: 上海教育出版社, 1979.

束定芳等. 委婉语研究: 回顾与前瞻[J]. 外国语, 1993.

辜司青 1999

彭文钊 . 委婉语——社会文化域的语言映射[J]. 外国语 1999, (1).

丁昕. 俄语中的委婉词语[J]. 外语学刊 (黑龙江大学学报), 1987, (1).

尹城, 从凤玲. 俄汉委婉语对比研究[J]. 中国俄语教学, 2003, (8).

吴国华. 俄汉称呼名单位的民族文化语义对比研究[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2003.

**ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА И
СТРАТЕГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В КИТАЙСКО-РУССКОМ И
РУССКО-КИТАЙСКОМ УСТНЫХ ПЕРЕВОДАХ***

1. Концепция интерпретативной теории устного перевода

Интерпретативная теория перевода (далее в тексте ИТП), разработанная французскими переводоведами Д. Селесковичем и М. Ледерером, создана на основе изучения деятельности устных переводчиков. В ней утверждается, что речевое высказывание-текст хотя и строится на языковых единицах, но обладает смыслом, несводимым к простой сумме значений этих единиц. Именно извлечение смысла из исходного сообщения, минуя его языковое выражение, и перевыражение его в тексте перевода является основной задачей переводчика [Ледерер 2007: 246]. Другими словами, при устном переводе переводчик должен не анализировать каждое слово в высказывании источника, тем более у него нет времени для данного анализа, а должен стараться, отвлекаясь от значений конкретных слов и грамматических конструкций предложений, добраться до смысла.

По мнению авторов ИТП, всякий перевод – это интерпретация, но интерпретация лучше всего удаётся переводчику именно в условиях устного перевода, поскольку с учётом специфики устного перевода, к которой относятся кратковременность, одноразовость, эфемерность, дискретность и др., от переводчика требуется быстрота реакций и наличие хорошей памяти. В действительности из-за ограниченности времени у переводчика не хватает времени на подробный анализ каждого слова в оригинале, он может лишь извлекать его главный смысл, и ясно, просто, быстро, логично и лаконично интерпретировать смысл оригинала, а не пересказывать все слова или всё содержание оригинала на ПЯ (ПЯ – переводящий язык).

---

* Подготовлена при финансовой поддержке Китайского гуманитарного научного фонда при Министерстве просвещения КНР (08JC740031).

Для того чтобы переводчик как можно лучше интерпретировал и умел лаконично произносить переводной текст за короткое время, в работе переводчику необходимо вспомогательное средство для интерпретации. В следующей части мы проиллюстрируем главную стратегию интерпретации в устном переводе примерами из различных текстов.

2. Главная стратегия интерпретации

Стратегия интерпретации при осуществлении устного перевода заключается в том, что в затруднительной ситуации при устном переводе переводчик использует разные соответствующие способы для упрощения перевода.

(1) Интеграция и объединение информации

Согласно теории когнитивной нагрузки, созданной австралийским психологом Джоном Свеллером (John Sweller), всё, что мы знаем об этом мире, поступает через рабочую память. Но ёмкость рабочей памяти и способность переработки информации ограничены. Пропускная способность рабочей памяти такова, что однократно 5-9 блоков информации могут удерживаться в сознании на протяжении 3-4 секунд, а обрабатываться могут лишь 3-4 блока информации. При этом по истечении двадцати секунд практически вся информация, если её не освежать, уходит из рабочей памяти. Когнитивная нагрузка определяется объёмом информации, которую человек вынужден анализировать одновременно. Чем больше объём информации, тем больше когнитивная нагрузка. Большая когнитивная загруженность неизбежно мешает переводчику сосредоточиться и препятствует пониманию сообщения переводчика. И в результате снижается качество перевода.

Пример 1. Корреспондент: Андрей Васильевич, нам интересно, вы в качестве российского корреспондента опытного, в Китае уже удалось взять интервью у Дмитрия Медведева. Что вы можете сказать о новом президенте вашей страны? В Китае очень хорошо знают и любят бывшего президента Владимира Путина. А но, честно говоря, простые люди, китайцы, наверное, не так хорошо знают нового президента России. Вы не можете рассказать о нём?

Андрей Васильевич: Ну, тем не менее, Дмитрия Медведева называют старым другом Китая, вчера об этом говорил председатель Ху Цзинтао во время встречи. А... я думаю, что китайские, простые китайцы, китайские, как говорят,

«лаобайсин», сто почтенных фамилий, они узнают нашего президента лучше благодаря и этому визиту. Кстати, накануне визита, буквально пару дней назад, вышли, были представлены две такие вот хорошие книги, я советую прочитать и китайским читателям, может быть, на русский язык они будут переведены со временем. Одна из них посвящена новому российскому президенту, она так и называется «Медведев – новый хозяин Кремля», да...о я не знал, честно говоря, поэтому я бы с этого и начал бы. Мне приятно, что мои друзья такую хорошую книгу написали. А вторая книга – это сборник выступлений самого Медведева, прекрасная оформленная книжка, вот, и кроме этого, кстати, вышел, во внимание филателистов вышел и почтовый конверт, посвященный визиту, с изображением нашего президента. Ну, я сейчас, можно сказать, прямо, прямо приехал из Дома народного собрания, где продолжается, продолжались встречи сегодня с утра, было возложение венков к Монументу народным героям. И я бы сейчас хотел напомнить, может быть, о другом визите Медведева. Он, он здесь уже не первый раз, хотя у него как бы первый визит в качестве главы российского государства, но он здесь был уже в 2006 году, когда проходил Год России в Китае. И тогда он открывал книжную ярмарку, где Россия была почётным гостем. И тогда, может быть, журналисты, но, конечно, но точно не знали, но догадывались, что он может стать со временем главой нашего государства, если победит на выборах [Видео из «Международного радио Китая»: Дмитрий Медведев – в Пекинском университете Китая. <http://russian.cri.cn/81/2008/05/21/Zt1@235468.htm>].

Пример взят из интервью, которое известный корресподент информационного агентства ИТАР-ТАСС А.В. Кириллов дал «Международному радио Китая» во время визита прдизидента РФ Д.А. Медведева в Китай. После прослушивания речи А.В. Кириллова мы заметили, что его мышление очень живое и активное. Он говорит в быстром темпе, иногда дополняя речь неэффективной информацией. Это заставляет переводчика слушать его речь с начала до конца. Произношение А.В. Кириллова не очень чёткое. Его речь не очень логичная. Из-за специфики построения высказывания А.В. Кирилловым при устном переводе переводчик не может буквально запомнить все его слова и порядок слов. Ему необходимо сосредоточить

внимание на самой эффективной информации, удалив лишнюю, запомнить и прецизионные слова, и ключевое содержание услышанного текста, и, в конце концов, свободнее, логичнее, быстрее выразить на ПЯ полную информацию, которую он извлекает, запоминает и организует по-новому.

Итак, в переводе содержится 3 главных момента:

а) **尽管这是梅德韦杰夫以俄罗斯总统的身份第一次访华,但实际上他是中国的老朋友,在2006年俄罗斯中国年的时候曾到中国,当过记者也曾猜想他日后有可能成为俄罗斯的新总统。**

б) **中国老百姓可以通过两本书来了解梅德韦杰夫,《梅德韦杰夫—克里姆林宫的新主人》和《梅德韦杰夫的讲话集》。**

в) **“中俄友谊之旅”大型多媒体竞赛采访俄罗斯行是俄罗斯中国年最重要的活动之一。首先是中国媒体团对俄罗斯进行采访,下一年,俄罗斯的媒体代表团和中国国际广播电台的同行们一起完成了对俄罗斯联合报道。而且,俄通社塔斯社也是主办者之一。**

(2) Использование когнитивного контекста

Обычно устный перевод осуществляется в коммуникативных ситуациях, например, устное выступление, интервью, переговоры и т.п. Во всех этих ситуациях существует говорящий и слушатель. Говорящий видит свою цель в том, чтобы дать слушателю информацию, выразить своё мнение и эмоции. Из-за непонимания чужого языка слушатель только воспринимает непонятные звуки, которые не помогают ему понять оригинал. Например, при просмотре немого кино зрители могут понять сюжет фильма с помощью мимики, жестов, позы и других невербальных знаков героев фильма. Если при коммуникации говорящий сопровождает речь невербальными знаками, то слушатель, может быть, узнает немного информации и через невербальный язык говорящего. Но из-за различий в невербальных языках разных народов несомненно то, что иногда слушатель ошибочно понимает говорящего. В таких случаях невозможно достичь цели коммуникации без работы переводчика. Переводчику следует взять на себя задачу передать информацию, мнение и эмоции говорящего, максимально достичь цели и ожидаемого эффекта коммуникации.

Пример 2. *С.В. Хоркина: Постараемся, такие традиции у российской спортивной гимнастики, но нельзя... просто есть... (делает волнообразные движения рукой) вот такая она вот жизнь, меняются поколения.* [Видео из «Международного радио

Китай»: Спорт и дружбы – интервью Светланы Хоркиной <http://russian.cri.cn/81/2008/08/20/Zt1s251259.htm>

Перевод:

我们会努力的, 俄罗斯有自己的传统强项, 但是有更新换代这样的起伏, 这是很正常的。

Пример взят из интервью, которое известная гимнастка С.В. Хоркина дала «Международному радио Китая» во время Летней Олимпиады в Пекине. У Светланы Хоркиной чёткое произношение. Когда она говорит, переводчик без труда понимает её речь. Но характерная черта её речи – это сопровождение её жестами и мимикой. Вышеприведённый пример отражает использование жестов в речи. Когда она ответила на вопрос ведущего, она не нашла подходящего слова для выражения своей мысли, поэтому подсознательно подменила речь жестами. Это неизбежно затруднило работу переводчика. Переводчику пришлось вспоминать контекст, анализировать смысл, скрытый в невербальном языке говорящего, и подбирать подходящие слова, чтобы изложить смысл выражения. В результате переводчик выбрал словосочетание **更新换代** для замены её жестов.

Пример 3. *Спасибо, Дмитрий. Спасибо за то, что вы так высоко оценили нашу работу и передали нам привет и пожелание от группы любителей Китая. Ваше внимание и одобрение – это большая радость и **удовлетворение** для нас, и мы убеждены, что мы будем прилагать большие усилия для того, чтобы делать нашу передачу еще более интересной и содержательной.* [Видео из «Международного радио Китая»: Встреча сотрудников русской службы МРК с радиослушателями. <http://russian.cri.cn>].

Перевод:

谢谢你, 德米特里, 谢谢你对我们工作的高度评价以及转达给我们中国听众的问候和祝福。你们的热心关注和对我们工作的肯定和赞扬是我们最大的快乐, 同时也让我们有了压力。在未来的工作中我们将继续努力, 让我们的节目更精彩, 内容更丰富。

“**Удовлѣтворить**” в русском языке обозначает “исполнить чьи-н. требования, желания”. Здесь значение слова “удовлѣтворение” равнозначно значению слова “радость”. “Одобрение” в сочетании со словом “удовлѣтворение” имеет в китайском языке 2 значения: 1) “Ваше одобрение удовлетворяет нас”, 2) “Ваше одобрение оказало на нас влияние, и это заставляет нас в будущем стараться работать”, потому что по китайской традиции при одобрении человек, которого хвалят,

должен проявить скромность. Только хорошо зная китайскую культуру, переводчик имеет возможность точно перевести смысл предложения.

(3) Толкование при помощи когнитивного багажа

При переводе устного текста на политическую или экономическую тему во время выступлений правительственных чиновников или на пресс-конференциях глав государств переводчик часто встречается с сокращёнными названиями политических программ или экономических реформ, таких, как, например, в китайском языке “三农政策”, “民生十八条”. Если программа всем известна, тогда переводчику не нужно толковать её слушателю, а достаточно просто перевести её сокращённое название, скажем, “三个代表 –” «Три представительства». Но если программа мало кому известна или простой перевод её сокращённого названия непонятен слушателям другой страны, тогда переводчику лучше раскрыть смысл этих сокращённых названий и дать толкование этих концепций при переводе, а не просто переводить названия программ или реформ.

Ниже приведём пример из выступления Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова на VII Красноярском Экономическом Форуме:

Пример 4. В последнее время много споров о том, существует ли реальное стратегическое планирование в России. Мне кажется, что эта дискуссия носит не вполне профессиональный характер, поскольку, если обратиться к документам, на основе которых функционирует правительство, то становится абсолютно понятно, как эти приоритеты выстраиваются и каковы основные этапы нашей деятельности до 2012 года.

В феврале 2008 года Дмитрий Медведев на форуме говорил о «четырёх И». Затем у нас появилась программа правительства до 2012 года. Мы исходим из того, что основной программный документ о развитии страны – это концепция долгосрочного развития России до 2020 года, основной этап её реализации с 2008 до 2012 года. [Выступление Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова на VII Красноярском Экономическом Форуме. <http://правительство.рф/docs/9403/>]

Перевод:

最近一段时间, 很多人开始议论俄罗斯有没有可实施的战略性规划。我认为, 这种

争论不够专业。如果他们去看一下政府工作文件，就会明白那些优先发展项目是如何制定及落实的，以及到2012年政府主要活动的安排。

2008年2月梅德韦杰夫在论坛上曾提出“四个И”改革计划，即规范法律法规、改善基础设施、鼓励创新及吸引投资。之后我们又制定了到2012年的政府活动纲领。我们认为，国家发展的主要纲领性文件即到2020年，俄罗斯的长期发展方案 其中最主要的阶段就是2008-2012年。

Программы «четыре И» была выдвинута Д.А. Медведевым на V Красноярском экономическом форуме в 2008 г. Во второй экономической части своей предвыборной программы Д.А. Медведев вышел с идеей «сконцентрироваться на четырёх своеобразных «И» – институт, инновация, инфраструктура и инвестиция. В этом фрагменте выступления И.И. Шувалова нам легко понять логику выступающего: в первом абзаце он упомянул о дискуссии о реальном стратегическом планировании в России, во втором абзаце дал ответ. Докладчик назвал все разработанные правительством программы. Таким образом, «четыре И» – это одна из важных программ правительства, поэтому необходимо всем слушателям раскрыть её суть и значение. Сравним возможные варианты перевода подчёркнутой выше фразы:

а) 2008年2月梅德韦杰夫在论坛上曾提出“四个И”计划。

б) 2008年2月梅德韦杰夫在论坛上曾提出“四个И”改革计划，即规范法律法规、改善基础设施、鼓励创新及吸引投资。

В первом варианте перевода просто перевели предложение слово в слово и оставили сокращённое название экономической программы. Однако, мы опасаемся, что слушателям будет трудно понять суть этой программы, так как буква «И» в исходном названии программы на русском языке произносится, как китайское слово “—(одни)”, если перевести «И» как показано в первом варианте, то данное сообщение вызовет у слушателей ассоциацию с программой, в которой четыре части с началом “—” (одни), и слушатели поймут значение этой фразы по-другому. Именно поэтому этот иероглиф нельзя перевести как «один», то есть первый вариант перевода категорически не допустим. Комментирование данной программы во втором варианте перевода позволяет слушателям больше узнать о содержании оригинала и намерении говорящего. Мы считаем, что второй вариант устного перевода самый лучший.

(4) Сокращение лишней информации

Пример

5.

我们知道, 霍尔金娜和莫慧兰以前不单单是这个时期的运动员, 而且这两个人的强项呢, 也都是平衡木和这个高低杠, 特别重要的是呢, 她们两个人曾经是多次的在这个国际赛场上呢有过交手, 并且是, 可以说是互有胜负。所以说呢, 我们现在就想知道你们彼此之间对对方的印象是什么样的? 你们第一次记住对方的名字是在什么时候呢? [Видео из «Международного радио Китая»: Спорт и дружбы – интервью Светланы Хоркиной <http://russian.cri.cn/81/2008/08/20/Zt1s251259.htm>]

Перевод: Мо Хуэйлань и Светлана Хоркина были спортсменами, одновременно вместе с этим они были очень сильными и в соревнованиях на брусках, и на бревне. И еще важно, то есть они многократно соревновались и боролись на Олимпиаде, на чемпионате мира, и побеждали даже друг друга. Мы сейчас будем, очень интересно..., то есть, какие у вас впечатления друг о друге?

В оригинальном тексте употребляется большое количество китайских устных слов и словосочетаний, таких как “我们知道”、“所以说呢”、“并且是”、“呢”, представляющих собой вводные слова, частицы, союзы, междометия и др., а в переводном тексте они отсутствуют. Без них смысл оригинала почти не изменится. В оригинале всего 2 вопроса, а в переводе переводчик пропустил последний вопрос, потому что второй вопрос конкретизирует предыдущий. Здесь необязательно повторять его ещё раз.

Пример 6. *А...я думаю, что китайские, простые китайцы, китайские, как говорят: «лаобайсин», сто почтенных фамилий, они узнают нашего президента лучше благодаря и этому визиту* [Видео из «Международного радио Китая»: Дмитрий Медведев – в Пекинском университете Китая. <http://russian.cri.cn/81/2008/05/21/Zt1@235468.htm>].

Перевод: “*我认为, 中国的老百姓完全可以通过梅德韦杰夫总统的这次访华对他进行更深入的了解。*”

Выделенные слова и словосочетания характеризуются повторяемостью и несжатостью. Это неизбежно отняло бы больше пространства рабочей памяти у переводчика и создало бы большие когнитивные нагрузки. В переводе переводчик объединил их в одно словосочетание “китайский лаобайсин”. Такой перевод отвечает требованиям устного перевода,

включающим такие параметры, как скорость, точность и логичность.

(5) Использование стратегии неточности и расплывчатости

Язык характеризуется неточностью и расплывчатостью. Кратковременность устного перевода определяет то, что иногда переводчик не может выразить смысл переводимого текста из-за несвоевременной реакции. В такие моменты переводчику позволяется пользоваться стратегией неточности для упрощения перевода.

Все знают, что взаимоперевод китайских и русских числительных – это одна из самых трудных задач.

Пример 7. *Китай на глазах превращается в экономическую сверхдержаву. Он лидирует в мире по выплавке стали (**107 млн тонн**), по добыче угля (**1 млрд 390 млн тонн**), по выпуску цветных телевизоров (**26 млн штук**), занимает второе место в мире по производству электроэнергии (**1 трлн.132 млрд кВтч – рост в 4,5 раза**)* [<http://www.koefficienta.ru/enduratermaterial25moderes-1870-index.html>]

При устном переводе за короткое время переводчику трудно точно перевести числительные с русского языка на китайский. Допустим, перевести цифры 107 млн. и 132 млрд с русского языка на китайский «**1亿零7百万**» «**1千3百20万**» скоростным темпом не так просто. В результате анализа оригинала мы заметили, что настоящее намерение оратора заключается в том, он хочет с помощью чисел доказать, что Китай становится экономической державой. В устном переводе переводчик округлил числа: 100 млн с лишним тонн, 1,4 млрд тонн и т.д.

Перевод:

“中国眼看着正在成一个超大国。的产量1多吨，煤炭将近14万吨左右，彩电3千万台，力生12瓦”。

3. Заключение

Овладение и свободное применение стратегии интерпретации совершается путём большого количества тренировок и долгосрочной практики устного перевода. Для переводчика самое главное – это руководство принципом «минимум загруженности» психологии. При устном переводе переводчику следует твёрдо помнить, что требования устного перевода лежат в основе выбора какой-то конкретной стратегии

интерпретации. Нельзя злоупотреблять стратегией интерпретации, а то уменьшается качество переводного текста.

Литература

Гулевич О.А. Психология коммуникации. М., 2007.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.

Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. СПб, 2007.

Seleskovitch D., Lederer M. *Interpreter pour traduire*. Paris, 1993.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т.В. Ковалевская

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ В "ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ" И.С. ТУРГЕНЕВА? ХРИСТИАНСКИЕ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОВЕСТИ

«Постоялый двор» (1855) – одна из малоизвестных повестей Тургенева. Сюжет ее прост. Богатый крестьянин Аким содержит преуспевающий постоялый двор, купленный на имя его хозяйки, Лизаветы Прохоровны Кунце. Он женится на Авдотье, одной из горничных госпожи Кунце. Авдотья вначале не хочет быть женой простого крестьянина, но постепенно привыкает к своей новой жизни - пока на сцене не появляется красавец-разносчик Наум. Авдотья влюбляется в него и отдает ему деньги мужа, на которые Наум покупает у госпожи Кунце постоялый двор Акима. Ему помогает горничная госпожи Кунце Кирилловна, которую Наум щедро подкупает. Аким в ужасе, он пытается сжечь постоялый двор, его ловят с поличным и бросают в подвал, где он проводит целую ночь. Затем Аким прощает Наума и свою жену и отправляется странствовать. Наум остается хозяином постоялого двора в течение пятнадцати лет, а потом продает его после совершенно незначительного события - два дня подряд у него под окнами воеет пес. На следующую ночь после переезда нового хозяина постоялый двор сгорает дотла. Наум находит себе новое дело, а «Аким все еще странствует - и Бог один знает, сколько ему придется странствовать!»

В таком изложении «Постоялый двор» представляется простой историей человека, который через страдания и утраты приходит к смирению и богоугодным странствованиям. При таком прочтении перед нами оказывается исполненное глубокой духовности повествование о приоритетности вечного и божественного над мирским и материальным, а также неприкрашенное описание русской общественной действительности времен крепостного права. В своей статье ««Постоялый двор»: философская новелла» именно так прочитывает эту повесть Р.Л. Джексон [Jackson, 411-420]. Мы

будем анализировать повесть Тургенева отчасти с этой же точки зрения, рассматривая тему Бога в повести, но прежде всего мы обратим внимание на темы судьбы/удачи/доли в славянской и родственных мифологиях, что позволит нам по-иному прочесть текст. Тогда «Постоялый двор» окажется глубинным философским проникновением в природу русской религиозности, которая представляет собой взрывную смесь языческих верований и христианской духовности.

В тексте самого «Постоялого двора» указывается библейский прототип этой истории - это Книга Иова: «Господь дал, Господь взял и опять даст; все в его воле», - говорит Кирилловна все потерявшей Авдотье. Слова Кирилловны - не только популярное высказывание (Бог дал, Бог взял), но и почти точная цитата из Библии: «Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. *Господь дал, Господь и взял*; да будет имя Господне благословенно! Во всем этом не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге». (Иов, 1:21-22; курсив мой - Т.К.)

Однако эта библейская отсылка столь же обманчива, сколь и прозрачна. «Постоялый двор» очень непросто анализировать не из-за особенно сложной формы или аллюзивной структуры, но потому, что именованная категория, которыми оперирует рассказчик, нам знакомы (судьба, удача, Бог/бог), но их смысловая наполненность радикально отличается от привычной нам. Нам привычно представление о судьбе, характерное для греческих трагедий, и в этом русле мы склонны трактовать любое упоминание слова «судьба» в любом тексте. Но такое прочтение «Постоялого двора» упростит его, сведет к банальным утверждениям об ужасах русской общественной жизни, какими бы живописными ни были подробности этой самой ужасной жизни, и даже превратит его в богохульное описание русской религиозности. Представляется, что при анализе «Постоялого двора» необходимо сделать еще один шаг в разработке традиционной литературоведческой категории рассказчика и предположить, что вместе с не равным автору рассказчиком со своей определенной точкой зрения в повесть входит не только особый голос, но и особое мировоззрение, чуждое как автору-Тургеневу, так и его читателям, но, при всей своей чуждости, оперирующее аналогичными формальными

категориями, имеющими иную, как мы говорили, смысловую наполненность. И тогда прочтение тургеневской повести становится принципиально иным.

Мы привыкли понимать судьбу как слепую и безликую силу, правящую как людьми, так и богами; ее решения нельзя ни отменить, ни обойти, и даже самая попытка перехитрить судьбу приводит к тому, что предсказанное сбывается. Человек никак не может повлиять на свою судьбу, он просто игрушка этой таинственной силы. Кроме того, в античной традиции судьба чаще всего связана со смертью человека. Предсказание судьбы - это обычно предсказание смерти, которой не избежать. Но если прилагать подобные представления к «Постоялому двору», окажется, что в этой повести они не работают. Прежде всего слово «судьба» уступает место слову «удача», и это уже говорит о том, что в повести Тургенева происходит нечто, нам непривычное. Во-вторых, предположительно загадочная «судьба» Акима представлена в повести образами Лизаветы Прохоровны и ее горничной Кирилловны, на которых вполне можно повлиять. Наум по сути дела *покупает* благосклонность Кирилловны, что несовместимо с традиционным пониманием судьбы. Конечно, здесь можно добавить еще один элемент - Бога или бога. Такое добавление поможет нам устранить противоречия «античного» прочтения повести. Но тогда неизбежно возникает другой вопрос: с каким Богом или богом мы имеем дело в этой повести?

В вышеупомянутой статье Р.Л. Джексон пронизательно замечает, что в повести постоянно идет игра слов Господь и господин, и указывает, что именно Кирилловна, которая играет роль сатаны (она смуглая и носит «козловые башмаки»¹), просит вознаградить Акима. Ее отчество происходит от греческого слова *κύριος* - господин, Господь. Т.е. в имени уже происходит нечто подозрительное, поскольку похоже, что господином здесь оказывается черт, но поскольку Кирилловна - не имя, а отчество, но ситуация оказывается еще более странной: Кирилловна есть дочь некоего господина; она пользуется полным доверием своей госпожи, практически управляет именем, и именно к ней люди приходят, чтобы добиться чего-то от ее хозяйки госпожи Кунце,

---

¹ См. более подробный анализ образа Кирилловны в вышеупомянутой статье Джексона.

и одновременно Кирилловна - черт. И что получится, если мы приравняем Лизавету Прохоровну Кунце к Богу/богу? Тогда перед нами история, в которой господин имения приравнивается к Господу (не только по социально-политическим, но и по психологическим и социомифологическим [Михайлова 173] причинам), а потому люди живут, по сути дела, в безбожном мире, где черт Кирилловна руководит даже самым богом, управляя имением госпожи Кунце. Однако ответ может быть иным.

«Постоялый двор» - это библейская история, разворачивающаяся в контексте языческой по сути своей русской народной веры. Понятия удачи, судьбы и бога здесь радикально отличаются от знакомых нам моделей. Поэтому прежде всего необходимо разделить языческие и христианские элементы повести, чтобы понять их уникальность, а потом снова их соединить, увидеть, как они сосуществуют в повести в трагической неразделимой смеси в сознании тех людей, которые пытаются вести свою повседневную жизнь в рамках этих смешанных и противоречивых религиозных категорий.

Особое внимание в повести привлекает высокая частотность употребления слов «счастье» и «удача», которые являются в этом тексте несомненными синонимами. Все вращается вокруг удачи, выраженной в богатстве, деньгах, собственности. Проведя ночь в подвале у Наума, Аким просит отпустить его и говорит: «...А только я тебе вот что скажу: коли ты меня отпустишь теперь - ну! так и быть! владей всем! я согласен и желаю тебе всякой удачи. А я как перед Богом говорю: отпустишь - пеняť не будешь. Бог с тобой!» [Тургенев 5: 334]. Внешне это выглядит как архетипическая сцена христианского прощания. И здесь особую роль играет фраза «Бог с тобой», в которой может заключаться как прощание, так и резиньяция, оставляющая отмщенье Господу. Пожелание удачи звучит совершенно обычно, но на ином уровне эти слова Акима практически противоречат сами себе, поскольку там, где Бог (христианский Бог с большой буквы «Б»), там нет удачи, нет случая, нет случайностей, есть только Провидение Господне. Однако нам представляется, что здесь Тургенев разглядел глубинную природу русского народного христианства - природу трагическую. Тургенев, сознательно или бессознательно, изображает ту смесь языческих и христианских элементов,

присущую народной вере, которая становится источником трагедии русской крестьянской жизни.

Начнем с того, что русское слово «бог» этимологически связано со словом «богатство» и родственно санскритскому «bhagas» - тот, кто дает, господин. Таким было и его первоначальное значение [Фасмер 1:181]. Таким образом, идея божества изначально тесно связана с представлениями о собственности, дарах, богатстве. В этом отношении весьма интересно, что «богатство» тесно связано с удачей и с языческим богом Волосом (или Велесом). Поэтому тесную связь между Богом и богатством - или Богом и удачей - можно рассматривать в ином свете. Весьма вероятно, что язычество древних славян был близким монотеизму, сходным в этом отношении с ведической мифологией с ее «постоянными (иногда весьма длинными) рядами отождествлений: “Ты Агни - Индра, ... ты - Вишну, ... ты - брахман, ... ты, Агни, - царь Варуна, ... ты бываешь Митрой, ты - Арьяман”...» [Мифы народов мира, 1:223], когда боги могли сливаться друг с другом при одних обстоятельствах и разделяться при других¹. Возможно, поэтому не совсем верно говорить о «двоеверии» - христианство впитало в себя язычество, слилось с ним, заменило его на уровне имен, но не смогло вытеснить языческое мировоззрение русского народа. Представление об удаче, даруемой человеку языческим богом, легко слилось с идеей божественного Провидения, и отсюда слова Акима: «...А только я тебе вот что скажу: коли ты меня отпустишь теперь - ну! так и быть! владей всем! я согласен и желаю тебе всякой удачи. А я как перед Богом говорю: отпустишь - пеняť не будешь. Бог с тобой!»

---

¹ В своей книге «Язычество Древней Руси» Б.А. Рыбаков «лоббирует» бога Рода, утверждая, что он был своего рода славянским Всевышним, создателем Вселенной. У каждого исследователя есть свой любимый языческий бог. Иванов и Топоров отдают предпочтение Перуну, Рыбаков - Роду, а Б.А. Успенский - Волосу/Велесу, которого отождествляли, в частности, со св. Николаем. Из этого следует, что для славянской мифологии был, скорее всего, характерен синкретический монотеизм, а учитывая почитание Св. Николая, Волос/Велес - наиболее вероятная кандидатура самого почитаемого крестьянами бога. Успенский также пишет о том, что связь комплекса слов, связанных с Волосом, с кругом и родом, подтверждает мысль о том, что Род в славянском языческом культе - одно из имен противника громовника, т.е. одно из имен Велеса [Успенский, 181]

Чуть позже Аким говорит: «Владей всем, навеки нерушимо... прощай» [Тургенев 5:335]. Этот момент напоминает некий ритуал передачи удачи путем передачи богатства. С самого начала читателям говорят, что Аким был очень удачливым человеком: «А Аким все богател да богател. Всё ему удавалось - счастье ему везло» [Тургенев 5:303]. Наум же не совсем уверен в своей удаче. «Недорого купил, - думал Наум, взлезая на тележку, - спасибо, случай вышел» [Тургенев 5:310]. Сейчас, когда Наум только уходит от Лизаветы Прохоровны, купив постоянный двор, это еще случай, не удача. Удача придет позже, когда Аким передаст Науму свое везение: «Владей всем, навеки нерушимо... прощай». С тех пор Наум становится необычайно удачлив: «Счастливей его человека не было; хлеб у него родился лучше, чем у соседа; пчелы роились больше; куры даже чаще неслись, скот никогда не болел, лошади не хромали» [Тургенев 5:342]. «А полюбился [постоянный двор] более потому, как толковали в околотке, что сам хозяин был очень счастлив и во всех своих предприятиях удачлив, хоть и мало заслуживал свое счастье, да, видно, кому повезет - так уж повезет» [Тургенев 5:294]. Здесь также ощущается желание заполучить частичку чужой удачи - людям постоянный двор нравится именно потому, что Наум такой счастливчик. Прагматические соображения (еда лучше и т.д.) играют второстепенную роль.

Удивительно, какой акцент ставится на удаче - удача сильнее даже судьбы. Например, в русских народных сказках практически нет предсказаний ранней смерти или, например, отцеубийства (хотя есть пророческие сны, откуда мальчик узнает, что в будущем родители поклонятся ему; но сон отличается от прямого предсказания судьбы Богом, ангелом, мойрами или норнами). В русских народных сказках предсказание - это всегда предсказание богатства. Когда ангел спрашивает Бога: «Как ему велишь нареци имя и каким наделить его счастьем?» – «Имя нарицаю ему – Василий, прозвание – Бесчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого» [Афанасьев 2:239]. В конце концов Василий, естественно, женится на дочери Марко и получает все его состояние. Еще в одной сказке связь между богатством и удачей еще очевиднее: «Имя ему – Андрей, – сгуторил ангел небесный, – а счастье ему – Маркино!» [Афанасьев 2:444]. Конечно, остальная часть сказки представляет собой попытки Марко избежать того, чтобы его состояние

перешло какому-то нищему, но эти попытки, разумеется, бесполезны. Можно сказать, что так в славянском сознании появляется тема судьбы, но судьба все еще неотделима от удачи, воплощенной в материальном богатстве. Тургенев также искусно вплетает слегка видоизмененную тему судьбы в свою повесть. Можно сказать, что у постоянного двора есть своя судьба - ему суждено сгореть. В самый первый день, когда Наум перебирается на постоянный двор, Аким едва не сжигает свою бывшую собственность дотла. Но удача Наума (или все еще случай) помогают ему поймать поджигателя, и тогда Аким передает Науму свою удачу, и долгое время счастливый постоянный двор недоступен для неудачи. Но Наум всегда настороже и чутко прислушивается к своей удаче. Он замечает все, особенно дурные приметы; после того, как его собака выла два дня подряд, он продает постоянный двор. «Через неделю он уехал куда-то далеко - из губернии вон; новый хозяин переселился на его место, и что же? В тот же самый вечер двор сгорел дотла, ни одна клеть не уцелела <...> Видно, он свою “задачу” с собой унес» [Тургенев 5:343]. Как мы видим, если удача ушла, ничто не мешает сбыться судьбе постоянного двора – пожару.¹ Итак, в повести

---

¹ Почему постоянный двор внезапно утратил свою удачу – вопрос, на который можно дать только приблизительный ответ, не вытекающий из логики развития событий и поступков персонажей, поскольку удача от них не зависит. В некоторых сказках есть примеры того, что удача изначально может быть назначена на какой-то определенный срок [Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко 61-67]. Вой собаки указывает на то, что удача вот-вот покинет постоянный двор. Собачий вой, карканье ворон часто воспринимаются либо как признаки надвигающейся беды (ср. «Первую песнь о Хельги, убийце Хундинга» в «Старшей Эдде», где новорожденному Хельги норны предсказывают судьбу, отмеряя золотой нитью не длину жизни, но владения Хельги, и только каркающие вороны говорят о том, кто принесет Хельги смерть [Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах 247-248]), либо как воплощение неких сил, отменяющих удачу человека. Ср. в причитаниях, где смерть мужа, подрывающая основы благополучия семьи, т.е. высшая степень не просто несчастья в современном значении, но и мифологической неудачи, воспринимается плачущей женщиной как результат своеобразного вороньего и собачьего сглаза:

Как жила я с надежной головошкой,
Была счастлива ведь я да все таланная;
Вдруг, знать, счастье то соседы обзавидали
Добры людюшки меня да приоббаяли,
Черны вороны талан, знать, приобгряли,
Видно, участь ту собаки приоббаяли.

присутствует сложное переплетение типичных представлений о неотвратимой судьбе и гораздо менее привычных нам славянских представлений об удаче, воплощенной в материальных ценностях. Это материальное воплощение – вторая наиболее значительная славянская черта представлений об удаче¹. Поэтому очень важно, что Наум покупает постоянный двор на деньги самого Акима – т.е. с самого начала он крадет его удачу. И счастливый случай, помогший задешево купить постоянный двор, и неуверенность Наума в собственной удачливости ничуть не противоречат друг другу – пока еще это не удача самого Наума. Только позже Аким полностью передаст ему свое везение.

Традиционная роль правителя как подателя богатства, а следовательно, и удачи, могут пролить новый свет и на замену Бога помещицей. Представление о том, что царь/господин/конунг и т.д. традиционно играет для своего народа роль бога, подателя удачи, есть идея сугубо языческая. Именно поэтому в русской волшебной сказке неудачливый герой отправляется к царю и спрашивает, почему он такой неудачник (ср. традиционный мотив путешествия к богу/всезнающему старику/солнцу/чертовой бабушке за ответами на вопросы). Такая замена волшебного существа царем не просто отражает общественную действительность в России, где помещики владели не только землями, но и людьми, живыми душами, но и соответствует глубинным социомифологическим представлениям. В свою очередь, выбор помещицы, а не

Барсов 1:7-8

¹ Скудость сведений о языческой религии славян и значительное влияние заимствованных моделей позволяют обратиться к скандинавскому понятию удачи, которое может помочь глубже понять аналогичные славянские представления. Как и у славян, удача у скандинавов полностью оторвана от качеств своих носителей: «Храбрость – одно, а удача – совсем другое» [Сага о Греттире, 60] «Немногие сравнятся с тобой в силе или смелости, но ты слишком неудачлив, чтобы оставаться с нами» [Сага о Греттире, 51]. Эти слова также показывают, что удача и неудача могут передаваться. А самое интересное, что удача могла воплощаться в богатстве. «Необычайное обилие кладов с драгоценными металлами, монетами и другими богатствами, найденными на скандинавском Севере и относящихся к периоду раннего средневековья, давно уже поражало историков и археологов. <...> ...серебро и золото, спрятанные в землю, навсегда оставались в обладании их владельца и его рода и воплощали в себе их удачу и счастье, личное и семейное благополучие». [Гуревич, 234-235]. Считалось, что правители особо богаты удачей, а потому акт дарения представляет собой не просто абстрактное проявление благоволения, но акт передачи частицы удачи получателю дара.

помещика также имеет глубокий смысл, подчеркивая важность женского начала в русской религиозности. На чисто социальном уровне интерпретации социологи, да и не только социологи, всегда упивались описаниями ужасной судьбы женщин в русской культуре. Мы не стремимся опровергнуть эти представления, мы только хотим показать, что в женщине могли видеть не только забитое, эксплуатируемое и страдающее существо. На самом деле, как ни странно это звучит, Тургенев, возможно, уловил очень важную черту русской ментальности – хотя в реальной жизни женщины подвергались всяческому унижениям, высший уровень небесной иерархии отдавался женщинам – Богоматерь играет очень важную роль в народной вере, и в некоторых духовных стихах ей приписывается сотворение мира¹.

Можно задаться вопросом – как же еще одна женщина в повести, как же Авдотья, каково ее место в этой языческой игре удачи и неудачи? Следует отметить, что в русских народных сказках практически не говорится о неудачливых женщинах – только о неудачливых мужчинах. Для многих мужчин способ обрести удачу – жениться. Как мы видели, Василий Бесчастный получает состояние Марко, женившись на его дочери, тогда как сам он неудачлив, что назначено ему Самим Господом. Чтобы получить частичку удачи, надо заполучить нужную женщину. То же самое происходит во многих сказках из собрания Афанасьева: в сказке № 314 Данило Бесчастный не получает от царя никаких денег (удача – это опять же деньги и награды), только сложные задачи. Чтобы исполнить эти задачи, он женится. В сказке № 334 Ивану Бесчастному всегда платят меньше других работников. Он

---

¹

Пьяница матерным словом сквернится,
Бранится-ругается,
Он и не мать бранёт и ругает,
А по кажный час
Пресвятую Богородицу порицает,
Которая нам сотворила
И небо и землю, и солнце и месяц,
И частые звезды.

[Бессонов II-5, 107]

Разумеется, это поздний стих, сложенный, по всей вероятности, в XVIII в., и в нем проявляется типичная для распадающихся мифологий слияние богов и их функций, но тем не менее этот стих весьма показателен в отношении того высокого места, которое Богоматерь (Мать Сыра Земля) занимала в русском народном христианстве.

идет к царю, чтобы узнать, почему он такой невезучий. Царская дочь говорит: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему Господь пошлет иную долю» [Афанасьев 3:68]. Царь впадает в ярость и выдает свою дочь замуж за Ивана. Разумеется, после этого события жизнь Ивана меняется к лучшему. Еще в одной сказке (№ 332) Иван Бесчастный проматывает свое состояние (снова и снова подчеркивается связь между бедностью и отсутствием удачи), и когда некая девушка выражает желание выйти за него замуж, ее родители рассуждают следующим образом: «Может быть, жениным счастьем и он счастлив будет, а дочь наша в сорочке родилась» [Афанасьев 3:65]. Поэтому Авдотья может играть роль подательницы удачи – и в то же время ее роль радикально изменена. Если в сказках женщины чаще всего играют положительную роль, то Авдотью трудно назвать положительной героиней. Вопрос о том, почему женщины всегда связаны с удачей и деньгами, интересен сам по себе. Одно из возможных объяснений состоит в том, что женщина производит мужчину на свет членом определенной семьи и определенного рода, таким образом определяя его материальное положение и удачу; поэтому женщины, воспринимаемые как существа, иноприродные мужчине, связаны с подземным миром, с миром мертвых, миром богатства и изобилия. Волос/Велес, языческий бог, связанный с богатством, также является хтоническим божеством (как и Плутон). Параллель между женщиной и землей отражается в мотиве женщины как подземного существа – земля тоже есть хтоническое божество. Однако земля представляет собой прежде всего благожелательное божество русского язычества. Федотов пишет о том, что на разных уровнях божественной космической иерархии Богоматерь в мире небесном, мать-земля в мире природном, мать в общественной жизни рода являются носительницами одного и того же материнского начала [Федотов 78].

Поэтому женщины и земля одухотворяются, а целый класс людей, работающих на земле, называют себя христианами – крестьянами. Авдотья теряет свою связь с крестьянами-христианами («Эх, Аким, Аким! Ты нам, мужикам, не брат теперь, что и говорить, – да и она тебе не сестра» [Тургенев 5:302]) – а потому теряет свои положительные качества и становится носительницей неудачи, или же она приносит удачу совершенно недостойному человеку.

Удача, которую получает совершенно недостойный человек, приводит нас к центральному трагическому противоречию «Постоялого двора». В славянском язычестве, как и в любом другом, удача была оторвана от всяких нравственных категорий. С появлением на исторической сцене христианства нравственные аспекты весьма усложнили ситуацию, поскольку Богу всегда приписывали роль подателя богатства - именно это мы видим и в Книге Иова - а следовательно, и удачи. Но теперь остро стоит вопрос о том, достоин или нет своей удачей получивший ее человек. В повести предпринимаются попытки добавить некоторое нравственное измерение к передаче удачи: Наум должен простить Акиму его преступление, отпустить его, а в знак благодарности Аким даст ему свое благословение на владение постоялым двором. Проблема здесь, как уже говорилось, состоит в трагическом, но не осознаваемом персонажами соединении языческой идеи удачи и христианских категорий добра и зла, с удачей несовместимых. Более того, духовные христианские идеалы тесно соприкасаются с языческой идеей бога как воплощения и подателя удачи и богатства. Но это соприкосновение остается поверхностным, удача по-прежнему по сути своей не зависит от нравственных качеств своего обладателя. Представление о том, что удача может быть заслуженной, не пустило глубоких корней в народном сознании, поэтому и бунт Акима против Лизаветы Прохоровны столь краток и безуспешен. В дальнейшем Аким ведет себя как типичный герой волшебной сказки, который восстает не против своей судьбы и не против бога, но против того, к которому судьба и бог благосклонны, против своего удачливого врага. И, естественно, Аким терпит поражение. «Постоялый двор» - это повесть о мире, полном трагических противоречий, это повесть о людях, которые, сами того не сознавая, живут на скрещении двух религиозных систем, пытаются наполнить языческие понятия христианским содержанием, а затем сталкиваются с тем, что представляется трагической противоречивостью вселенной. В отличие от Акима, Наум сохраняет свою удачу на протяжении всей повести, потому что он принимает свою удачу как она есть, обращает внимание на все дурные знамения, а более ни на что не полагается.

А что до Акима, конец повести не представляет собой безоговорочной ему похвалы. «Аким все еще странствует - и Бог

один знает, сколько ему придется странствовать!» [Тургенев 5:344]. В этом предложении внимание привлекают два момента. Во-первых, слово «придется»: «Бог один знает, сколько ему *придется* странствовать». Идея необходимости кажется здесь неуместной, потому что Аким явно сам выбрал свой путь странника. В этом контексте фраза «Бог один знает» напоминает о Страшном суде и Втором пришествии Христа: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Матф., 24:36). Сочетание вынужденных странствий и Второго пришествия напоминают о легендарной истории Агасфера, Вечного жида. Согласно легенде, Христос по пути на Голгофу остановился возле дома некоего иудея, который велел Ему идти дальше, на что Христос ответил: «Я пойду, но и ты пойдешь, и будешь ходить, пока Я не приду снова». И с тех пор Вечный жид вечно странствует, ожидая Второго пришествия Христова. Таким образом, из спасительного покаяния странствие превращается в наказание за отказ пожалеть Христа на Его крестном пути - за отказ пожалеть безгрешного, приносимого в жертву за людские грехи. Это отказ принять христианство. Поэтому история заканчивается на трагической христианской ноте - но кто же произносит слова осуждения?

Возвращаясь к вопросу о рассказчике в повести, следует отметить, что в «Постоялом дворе» читатель сталкивается с меняющейся моделью рассказчика. Ближе к концу повести интонация повествования заметно меняется, и внезапно, в самом конце, мы встречаем фразу: «Читатель легко себе представит...» [Тургенев 5:343]. Поскольку на протяжении всей повести Тургенев носил маску рассказчика-крестьянина, слова эти звучат особенно неуместно. Неужели Тургенев не смог до конца сохранить свою языковую маску? Маловероятно, учитывая насколько искусным художником слова был Тургенев. Скорее, это намеренное отступление от ранее принятого голоса, долженствующее указать на активное присутствие в художественном мире повести еще одного голоса, голоса образованного человека, который привносит в текст большую часть христианских обертонов повести. («А вы для праздничка Христова его простите» [Тургенев 5:333], - говорит Ефрем, умоляя Наума отпустить Акима. Это единственное упоминание Христа во всей сцене испрашивания прощения. Когда Аким говорит о Боге, это не более чем обычные повседневные

выражения, практически не имеющие религиозного смысла. И рассказчик в конце - это уже не маска рассказчика-крестьянина, а сам Тургенев.

Взгляды Тургенева на бунт и христианство в том виде, в каком он излагает их в письме к Полине Виардо, удивляют тем, что автор вполне реалистических и бытописательских произведений разделяет представления радикальных английских романтиков, подобных Байрону, Шелли, Блейку. Тургенев пишет о Кальдероне, которого читает «со страстным увлечением»: «Это величайший драматический католический поэт, как Шекспир, самый человечный, самый антихристианский. Его “Поклонение Кресту” - шедевр. Эта неколебимая, торжествующая вера, без тени сомнения или даже без какого бы то ни было размышления, подавляет вас силой своего величия и величественности, вопреки всему, что в этом учении есть отвратительного и отталкивающего. Это отрицание всего, что составляет достоинство человека, перед волей божественной, безразличие ко всему, что мы именуем добродетелью или пороком, с которым благодать нисходит на избранных своих - это еще одно торжество человеческого духа; ибо существо, которое столь дерзостно провозглашает собственное небытие, тем самым возвышает себя до этого фантастического Божества, игрушкой которого оно себя признает. И это Божество - его собственное творение. Поэтому я предпочитаю Прометея, я предпочитаю сатану, тип бунта и индивидуальности. Пусть я атом, но я сам себе господин; я жажду истины, а не спасения; я жду ее от собственного разума, а не от благодати» [Тургенев 17:279].¹ Возможно, именно неколебимость веры, незатемненной никаким сомнением, и

---

¹ “C’est le plus grand poète dramatique catholique qu’il y ait eu, comme Shakespeare, le plus humain, le plus antichrétien. Sa “Devotion de la Cruz” est un chef-d’oeuvre. Cette foi immuable, triomphante, sans l’ombre d’un doute ou même d’une réflexion, vous écrase à force de grandeur et de majesté, malgré tout ce que cette doctrine a de répulsif et d’atroce. Ce néant de tout ce qui constitue la dignité de l’homme devant la volonté divine, l’indifférence pour tout ce que nous appelons vertu ou vice avec laquelle la **grâce** se répand sur son élu - est encore un triomphe pour l’esprit humain; car l’être qui proclame ainsi avec tant d’audace son propre néant s’élève par cela même à l’égal de cette Divinité fantastique, dont il se reconnaît être le jouet. Et cette Divinité - c’est encore l’oeuvre de ses mains. Cependant, je préfère Prométhée, je préfère Satan, le type de la revolté et de l’indivualité. Tout atome que je suis, c’est moi qui suis mon maître; je veux la vérité et non le salut; je l’attends de mon intelligence et non de la grâce.”

представляется Тургеневу самой антихристианской чертой католицизма.

Представляется, что русские писатели особенно ценили веру, обретенную в сомнениях и страданиях. Вспоминаются слова Ф.М. Достоевского о том, что не как мальчик же он верует, что через большое горнило сомнений и испытаний его осанна прошла. И это заявление делается вопреки евангельскому тексту: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Матф., 18:2-4). Тургенев, возможно, ценит тот же тип веры, ведь именно такое обретение, вернее, утверждение веры происходит и в Книге Иова, когда Иов восхваляет Господа после своего бунта, и хотя логично было бы ожидать, что Господь сурово покарает Иова за его бунтарские речи, происходит ровно обратное: Иов удостоивается похвалы от Господа, а его друзья, твердившие Иову, чтобы он перестал упрекать Бога, оказываются достойными наказания: «...сказал Господь Елифазу Феманитянину: горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов, 42:7) Так мы возвращаемся к Книге Иова, с которой начали разбор «Постоялого двора», но смотрим на нее уже с другой точки зрения: из этой книги можно почерпнуть представление о вере, в том числе и о христианской вере, как борьбе и вере вопреки сомнениям и испытаниям, вере, которая существует благодаря сомнениям, испытаниям и даже бунту («ошеломление и ярость [Иова] не могли бы быть такими бурными, если бы Иов не любил Господа» [The Book of Job, xvii]). Аким подвергается испытаниям, сходным с испытаниями Иова, но он не бунтует, как Иов. Его бунт направлен против средства, а не против основной движущей силы, управляющей этим средством. Он так и не смог взбунтоваться, а потом обрести истинную веру, как Иов, он так и не оказался лицом к лицу с Богом, ему не удастся открыть для себя Бога, а потому, с точки зрения Тургенева, он так и не становится истинным христианином, он заслуживает наказания и будет странствовать по свету, а сколько - «один Бог знает».

Литература

- Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х тт. М., 1956.
- Барсов Е.В. Причитания Северного края в 2-х тт. СПб, 1873.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Бессонов П. Калеки переходные в 2-х частях и 6 выпусках. М., 1861-1864.
- Гуревич А.Я. Начало феодализма в Европе. // А.Я.Гуревич. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.-СПб, 1999.
- Мифы народов мира в 2-х тт. М., 1981.
- Михайлова Т.А. Витязь на распутье в пространстве и во времени: к проблеме выбора судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Л., 1976.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми тт. М., 1956.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Федотов Г.П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
- Book of Job, The. Translated and with an Introduction by Stephen Mitchell. San Francisco: North Point Press, 1987.
- Jackson R.L. Turgenev's 'The Inn': A Philosophical Novella. // Russian Literature XVI (1984), pp. 411-420.

**ОБРАЗЫ И МОТИВЫ ПОЭМЫ В. МАЯКОВСКОГО «ПРО ЭТО»
В МЕТАТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА**

«Про это» – одно из наиболее сложных произведений В. Маяковского. По словам Р. Якобсона, оно является «самым литературным, самым цитатным из всех его творений» [Якобсон, 2000: 221]. Поэма полна аллюзий и реминисценций, отсылающих как к ранним произведениям самого Маяковского, так и к произведениям Достоевского, Блока, Лермонтова, Гейне, Гете и др. Воплощенные в ней мотивы находят продолжение в более позднем творчестве поэта в обновленном, временами пародийном качестве («Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», «Письмо Татьяне Яковлевой», пьесы «Клоп», «Баня»).

Отзывы критиков о поэме были неоднозначны: от восторженных до разгромных. Даже некоторые друзья и соратники поэта не поняли ее. Все дело в том, что «Про это» вступала в противоречие с теориями производственного искусства, литературы факта, пропагандируемыми группой Леф, к которой принадлежал Маяковский. Е.В. Семенова, в 1920-х годах входившая в Леф, так описывает атмосферу, царившую тогда в группе: «Удивительной была эта боязнь показать любое непосредственное чувство – восхищение хотя бы природой, пьесой, человеком, наконец. <...> В Лефе утерялись обычные человеческие слова. Они остались, вопреки теориям, в поэмах Маяковского [Семенова, 2008: 671-672]. Будучи вдохновителем «Левого фронта искусств», настраивая себя и своих сподвижников на борьбу с «буржуазным искусством» («Ямбы и хорей нам не нужны»), Маяковский вместе с тем в сердцах произносит: искусство «захватить нельзя, оно – воздух». Знаменательно, что в первом номере журнала «Леф» (март 1923), объявившего войну «идеалистическим излияниям о вечности и душе», печатается «Про это» - поэма, художественное содержание и строй которой представляют собой метафорически

развернутое «идеалистическое излияние» о вечности и душе [Смола, 2008: 548]. В биографическом подтексте прослеживаются реальные события из жизни поэта (что характерно для многих его произведений) – история любви Маяковского к Лиле Юрьевне Брик в кризисный период их отношений.

Лейтмотивом первой главы поэмы В. Маяковского «Про это», послужили строки из произведения Оскара Уайльда «Баллада Рэдингской тюрьмы»:

Но убивают все любимых, -
Пусть знают все о том, -
Один убьет жестоким взглядом,
Другой – обманным сном,
Трусливый – лживым поцелуем,
И тот, кто смел, - мечом!

(Перевод К. Бальмонта)

Маяковский считает себя виноватым в охлаждении чувств («амортизация сердца и души»), подобно солдату из баллады Оскара Уайльда. Поэт «приговаривает» себя к добровольному двухмесячному домашнему «заточению», во время которого ищет пути выхода из кризиса и пишет «Про это».

Конечно, его «заточение» нельзя понимать буквально. Это были творчески насыщенные два месяца. Одновременно с поэмой «Про это» Маяковский работал над серией политических памфлетов, «героями» которых стали виднейшие государственные и профсоюзные деятели западного мира. Он активно печатается в газетах. В этот период выходят его книги «13 лет работы» и «Лирика» с типографским посвящением «Лиле». И самое главное: 1923 год – начало издания журнала «Леф», органа к тому времени оформившегося Левого фронта искусств, главным редактором которого становится Маяковский. 17 января 1923 года состоялось первое заседание редколлегии в комнате Маяковского, в Лубянском проезде.

И все же в первой главе поэмы он заявляет:
При чем тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решеток окошки домика!
Это вас не касается.

Говорю – тюрьма.

В тюрьме находилась его душа, лишённая возможности видеть любимую: «Без тебя (не без тебя «в отъезде», а внутренне без тебя) я прекращаюсь» [Янгфельдт, 1991: 113]. Так может быть человек необычайно одинок в толпе людей. Связь с внешним миром, миром его возлюбленной, осуществлялась посредством записочек, «записочной ряби» и телефона (телефонного кабеля):

кабель

тонюсенький –

ну, просто нитка!

И все

вот на этой вот держится ниточке.

Через несколько десятилетий другой русский поэт В.С. Высоцкий в стихотворении «Ноль семь» так же пытался докричаться до любимой сквозь ночь, которая для него «вне закона». Он готов ждать сколько угодно и «согласен начинать каждый вечер с нуля»:

Телефон для меня - как икона,

Телефонная книга – триптих,

Стала телефонистка мадонной,

Расстоянье на миг сократив. [Высоцкий, 2008: 199]

В автобиографии Маяковский говорит: «Написал: «Про это». По личным мотивам об общем быте». «Личные мотивы» вылились в драму любви. В поэме она достигает своего пика, уже никакие обычные слова, образы не способны передать ее накала, только метафора и гиперболы. Такова фантастическая картина «землетрясения» у почтамта на Мясницкой, где проходит телефонная сеть, «размедвеживанье» поэта, дуэль. Но в поэтическом преломлении слышится отголосок того, что есть в письмах: герой поэмы винит себя и осуждает затхлый, «из древней древности» осевший в себе пережиток, тот самый быт, о котором напоминает «скребущейся ревности... чудище».

Истинная любовь у Маяковского всегда противостоит опасности опошления этого чувства мещанскими проявлениями, продажи и предательства. Призыв, прозвучавший в трагедии «Владимир Маяковский» (1913): «Бросьте квартиры!..», - переходит из произведения в произведение (в «Про это» - «Тушите елку! Заприте дом!»), разворачиваясь единым метатекстом, в котором сила быта осмыслена как сила

демоническая, способная убивать в мире любовь – «сердце всего». Для создания образа душного, заживевшего мирка поэт использует соответствующий лексический ряд, переходящий из произведения в произведение: в «Про это» - «дом их – единая будняя тина», «тянет инстинктом семейная норка»; в трагедии «Владимир Маяковский» - «ищите жирных в домах-скорлупах»; в «Человеке» - «я бы всех в любви моей выкупал, да в дома обнесен океан ее». Дом-дыра, дом-нора, дом-скорлупа – у Маяковского символ ограниченности, замкнутости на стяжательстве, низменных инстинктах мелкой душонки, не способной развернуться до ширины океана (в стихотворении «Нате» - «вы смотрите устрицей из раковин вещей», в «Про это» - даже самовар, словно смирительная рубашка, «хочет обнять в самоварные ручки»). Негативные образы-символы, олицетворяющие быт, характерные для многих произведений Маяковского, ярко представлены в поэме:

С матрацев,
вздывая постельные тряпки,
клопы, приветствуя, подняли лапки.

<...>

Весь самовар рассиялся в лучики...

<...>

В точках от мух

веночки

с обоев...

<...>

Запели птицы на каждой на жердочке,
герани в ноздри лезут из кадочек.

На равных «тащат обывательства лямку» и «ангелочки-горнисты», и «Исус, приподняв венок тернистый», и «Маркс, впряженный в алую рамку». И, конечно же, чай – главный атрибут мещанства для Маяковского: «Любовь заменяете чаем?». В трагедии «Владимир Маяковский» человеческая душа предстает в «голубом капоте» и предлагает «стаканчик чаю». К «братьям писателям» (1917) в одноименном стихотворении поэт обращается: «Сидите, глазенки в чайшко канув». В поэме «Человек»:

Раздражало вначале:
нет тебе
ни угла ни одного,

ни чаю,
ни к чаю газет.

Наметившийся в этой же поэме образ «расцветочного ковра» («А посередине, // обведенный невозмутимой каймой, // целый остров расцветочного ковра»), разрастается в «Про это» до мистического острова-монстра, «Острова мертвых» с картины Беклина, потопившего Москву в «серых тонах офортных», еще раз подтверждая, что «карающий, судный» Октябрь проиграл в схватке с Повелителем Всего.

Сюжет о лирическом герое, борющемся с косной силой мешанства и быта, которые похищают у него возлюбленную («Гряпок нашей ей, / робкие крылья в шелках зажирели б») и, шире, мешают воплотиться на земле гармонии и полноте жизни, лежит в основе всех лирических поэм Маяковского. Разрешение этого конфликта, который осмыслен Маяковским как постоянный, вечный, оказывается возможным только в будущем (осуществленной утопии) или в надзвездном пространстве, где времени нет. В каждой лирической поэме Маяковского повторяется эта почти мистериальная ситуация [Купченко, 2008: 163].

Быт всегда был экзистенциальным врагом Маяковского. Возлагая на Революцию большие надежды, он воспринял ее, прежде всего, как «революцию духа». Обнаружив, что этой третьей революции не произошло и Октябрь в этом плане мало что изменил, поэт возобновил атаки на всяческие проявления его. В стихотворении «О дряни» (1921), к примеру, революции угрожает советский мещанин с портретом Маркса на стене, канарейкой в клетке и греющимся на «Известиях» котенком.

Ситуация усугублялась введением в 1921 году новой экономической политики. Бунтарский порыв иссякал, праздник Октября сменяли серые «будни». Жизнь уходила от героической романтики революции, входила в свою наезженную колею, от мессианского захлеба и космических замыслов возвращалась к норме, к обустройству обыденного существования, к простым, повседневным делам и заботам [Гачева, 2008: 316].

Наряду с быстрым восстановлением экономики после хаоса военного коммунизма нэп породил новую буржуазию, которая в своей беспечности и вульгарности часто превосходила буржуазию дореволюционную. И это было именно то, чего многие вынести не могли. Николай Асеев в статье «Работа Маяковского над поэмой «Про это»» [Асеев, 1934: 10] так

выразил дух времени: «...волны нэпа уже перекатывались через палубу революционного корабля. <...> Держаться на его палубе было очень не легко; нужно было сжать зубы и вцепиться в поручни, чтобы не быть смытым в море обывательщины и мещанства. Немало людей с революционным прошлым очутились за его бортом. Немало жизней сломалось, не осилив напряженности противоречий».

Это отразилось в произведениях поэтов «Кузницы», Эдуарда Багрицкого («От черного хлеба и верной жены / Мы бледною немочью заражены...»). В рассказе «Гадюка» об этом пишет А.Н. Толстой. Это центральная тема многих поэм Н. Асеева («Лирическое отступление», «Свердловская буря», стихи «В те дни, как мы были молоды»).

В поэме Маяковского «Про это» смертельная схватка лирического героя с бытом выливается в поединок с его вторым «я» - собственником-приобретателем, человеком, потерявшим ценностные ориентиры, в сознании которого «быть» значит «иметь» (вещи, жену). Автор узнает в двойнике самого себя, которого «тянет инстинктом семейная норка»:

...себе навстречу

сам

иду

с подарками подмышками.

<...>

Но самое страшное:

по росту,

по коже

одеждой,

сама походка моя! –

в одном

узнал –

близнецами похожи –

себя самого –

сам

я.

Но самое ужасное, что любимая поэта как раз и принадлежит к мещанскому миру, который он ненавидит и с проявлениями которого в себе пытается бороться. Среди множества голосов «воронов гостей» он различает и «ея невыносимый голос». И хотя, «имя любимое оберегая», он

отделяет ее от них, уговаривает бежать с ним к «человеку на мосту», надеясь, что еще не поздно его «спасти» - все лишено смысла. К «гостям-воронам» «Она» оказывается ближе, чем к нему. Если посмотреть сцену «расстрела» поэта, завершившего свой фантастический полет на площадке колокольни Ивана Великого, в фотомонтаже А.М. Родченко, то и там «Она» пассивно присутствует, в своей отрешенности даже не пытаясь прийти на помощь поэту [Коваленко, 2006: 270].

Маяковский включил в поэму реалии собственного быта и быта близких ему людей. На страницах поэмы перемешались реальные лица (Л. Брик, сам Маяковский, его родные, домработница Аннушка, сосед Бальшин, «чтецы-почитатели» и др.) и вымышленные персонажи (мистический человек-медведь, «человек из-за 7 лет», мальчик Христос-комсомолец, оживший Остров мертвых с картины Бёклина). Многие темы и образы поэмы остались актуальны и в наши дни. У Евгения Шварца в пьесе-сказке «Обыкновенное чудо» появляется юноша-медведь, сила любви которого способна изменить мир, сотворив чудо. В поэзии В. Высоцкого присутствует мотив предопределенности судьбы, краткости жизни, выраженный Маяковским: «Я свое земное не дожил,/ на земле свое не долюбил...» (У Высоцкого: «И дожить не успел, мне допеть не успеть»). В песне «Прерванный полет» тревожная мысль о незавершенности, несовершенстве своей жизни доведена до безысходного отчаяния:

И ту, которая одна
Не долюбил, не долюбил!

Поэма «Про это» сюжетно связана с поэмой «Человек» (1917), о чем заявлено уже в эпиграфе. Так в поэму вводится традиционного для русской литературы образа двойника. У Маяковского он принимает разные обличья – то медведя, огромного, но беззащитного в любви и обреченного на нее, то «человека из-за семи лет» (лирического героя поэмы «Человек»), то мальчика-самоубийцы, то самого Маяковского.

И все это кружится, бешено несется в карнавале рождественской ночи, напоминая гоголевскую «Ночь перед Рождеством». Мелькают лица, маски, глядят мертвыми окнами пошлые «мирки домков», а в них неживые люди, словно фигурки из тира.

Границы пространства и времени раздвигаются. Лирический герой стремительно перемещается из своей комнаты по просторам Вселенной, оказываясь то плывущим на льдине-подушке по Неве, встречая на мосту себя самого – «человека из-за 7 лет», то «стариком на каком-то Монмартре», то на берегах Сены, то взбирается на колокольню Ивана Великого, обернувшись «льдыстым Машуком».

Рассказ о тщетности поисков людей, готовых пойти вместе с героем спасти Человека от безлюбовного существования, заканчивается сценой убийства поэта дуэлянтом-обществом, в котором не только кишат «Пинкертоны», но и «любимых друзей человечьи ленты». Гиперболизация – один из излюбленных поэтических приемов Маяковского. Жажущих дуэли «со всей вселенной сигналом согнало», в лицо поэта бросают не перчатку, а целые «магазины перчаточные», он получает сотни оскорблений («в мочалку щеку истрепали пощечинами»). В обществе нет сострадания, жалости, вымерли все человеческие чувства. Оно глухо к мольбе поэта:

Я вам не мешаю.

К чему оскорбленья!

Я только стих,

я только душа.

Лишь небо, которое «по-прежнему лирикой звездится», принимает героя. Бок о бок с Большой Медведицей, вечной спутницей творчества поэта, он свободно несется по Вселенной «медведьинским братом», горланя «стихи мирозданию в шум». Образ звездного неба ассоциируется у Маяковского с внутренней свободой, освобождением от неких сковывающих ограничений, земных законов и условностей («Ведь если звезды зажигают...»). Все, что «ушедшим рабым вбито», остается на земле. А там, на небе, поэт видит, как «солнце блестит горы», «дни улыбаются с пристани».

С этой просветленной ноты начинается последняя глава поэмы «Прощение на имя...». В ней отразилась давно волновавшая Маяковского тема воскрешения человека после смерти, присутствовавшая и в поэме «Человек». Здесь мы наблюдаем влияние на творчество поэта идей «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова и теории относительности Эйнштейна, об увлечении которыми сообщает в статье «О поколении, растратившем своих поэтов» Роман Якобсон. Он

приводит слова Маяковского: «А я совершенно убежден, что смерти не будет. Будут воскрешать мертвых. Я найду физика, который мне по пунктам растолкует книгу Эйнштейна. Ведь не может быть, чтоб я так и не понял. Я этому физику академический паек платить буду» [Якобсон, 1996: 491].

Ощущая невозможность победы над бытом в настоящем («Все так и стоит столетья, / как было. // Не бьют - / и не тронулась быта кобыла»), в последней главе поэмы лирический герой обращается к ученому «большелобому тихому химику» из ХХХ века. Осознавая, что «краснофлагий строй» не предложил ничего лучшего по сравнению с дореволюционной жизнью, что сила, управлявшая бытом и любовью раньше, торжествует и теперь, что «крашено рыжим цветом, а не красным – время» (Н. Асеев, «Лирическое отступление»), поэт приходит к видению идеала жизни, идеала любви в будущем. Это возможно только при полной свободе от бытовых предрассудков, при полном слиянии личного счастья со счастьем всего человечества. Так в поэме воплощается мечта Маяковского о «мастерской человечьих воскрешений». Тема будущего как мира идеальных человеческих отношений, мира максимальной наполненности жизни, проживания с полной отдачей, «всей сердечной мерою», выражения подлинно человеческого в человеке – стержневая в творчестве Маяковского [Купченко, 2008: 161].

Преображается эмоциональный фон поэмы, «негативная» лексика, связанная с описанием быта, меняется на «оптимистическую», характеризующую счастливое будущее («изумительная жизнь», «недолюбленное наверстаем звездностью бесчисленных ночей», «всей вселенной шла любовь» и т.д.).

Но за светлым, оптимистическим тоном эпилога невозможно не заметить пробивающуюся мелодию грусти. Может быть, это вызвано отсутствием уверенности у героя, что воскресят именно его (по Федорову воскрешаются все поколения), хотя он и желает этого всем сердцем.

- Маяковский вот...

Поищем ярче лица –

недостаточно поэт красив.

И тут же прорывается его страстный крик, практически мольба:

- Не листай страницы!

Воскреси!

<...>

Воскреси

хотя б за то,

что я

ПОЭТОМ

ждал тебя,

откинул будничную чушь!

Воскреси меня

хотя б за это!

Воскреси –

свое дожить хочу!

Он согласен на любую работу в этой новой жизни, даже на роль шута («Я шарадами гипербол, / аллегорий // буду развлекать, / стихами балагура»).

О сомнении, какой-то неуверенности говорит и используемая поэтом лексика:

Может,

может быть,

когда-нибудь

дорожкой зоологических аллей

и она –

она зверей любила –

тоже вступит в сад

<...>

Она красивая –

ее, наверно, воскресят.

Чаяние собственного воскрешения расширяется до желания воскрешения любимой. Появляется антитеза трагического («Я свое, земное, не дожил, // на земле / свое не долюбил») и жизнеутверждающего («Нынче недолюбленное / наверстаем // звездностью бесчисленных ночей»). Однако своего воссоединения, встречи с любимой в будущем поэт не показывает, продолжая тему «невстречи», затронутую в «Человеке» и родственную лермонтовскому стихотворению «Они любили друг друга так долго и нежно...»:

И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...

Но в мире новом друг друга они не узнали. [Лермонтов, 1996: 149]

Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы. Перевод К. Бальмонта. М., 2010.

Якобсон Р. За и против Виктора Шкловского. Цит. По Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000.

Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // В. Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Статьи. Критика и комментарии. М., 1996.

Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик:Переписка 1915-1930. М., 1991.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

В. В. Добровольская

УЧЕТ ТИПОЛОГИИ ЗАНЯТИЯ ПРИ ЕГО АНАЛИЗЕ

Одним из важнейших прагматических умений преподавателя РКИ является умение адекватно прочесть и проанализировать любое наблюдаемое занятие по русскому языку как иностранному. Проанализировать занятие – это значит определить его архитектуру, оценить правильность поставленных задач в соотношении с целями курса обучения и оценить оптимальность путей и приемов, избранных преподавателем для решения этих задач. Без этого умения, без видения теории в зеркале практики начинающему преподавателю трудно, почти невозможно выработать свою собственную манеру ведения урока, сформировать и развить свою «личную» методику преподавания.

Вопрос этот непростой прежде всего потому, что на оценку и интерпретацию наблюдаемого урока влияют многие факторы учебного процесса. Одним из таких немаловажных факторов является типологизация урока, отнесение урока к определенному типу (классу) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чтобы убедиться в этом попробуем проанализировать, в каком соотношении находятся понятия «типология урока» и «анализ урока РКИ». Для этого рассмотрим сначала структуру так называемого стандартного урока и ее составляющие. Мы знаем, что при анализе любого урока первый шаг составляет учет его так называемой общей схемы. По характеру действий с языковым материалом мы можем выделить в любом уроке следующие последовательно расположенные части:

- введение в языковую среду, снятие психологического барьера, установление рабочего контакта преподавателя и группы обучаемых;

- проверка ранее усвоенного, контроль домашнего задания на базе новых ситуаций;
- тренировка введенного материала и его первичное закрепление в заданиях;
- обобщение изученного на занятиях материала, формулировка правил его использования, рекомендации к его использованию в различных видах речевой деятельности;
- задание на будущее для закрепления материала и тренировки его в речи.

Из этой схемы очевидно, что любое стандартное занятие по РКИ ставит своей целью формирование и развитие коммуникативной компетенции учащихся путем прохождения изучаемого материала через определенные стадии – этапы его усвоения. При этом последовательность расположения частей занятия не случайна. Дело в том, что этапы усвоения материала урока четко коррелируют с этапами учебной деятельности в целом и находят полное (или частичное) отражение в уроках любого современного учебника по РКИ коммуникативной ориентации.

Вот схема этих соотношений

Схема учебной деятельности	Этапы учебных занятий	Действия с языковым материалом	Урок учебника
1. Формулировка установки, определение целей деятельности.	1. Организационный момент, установление контакта, снятие психологических трудностей, определение целей урока.	1. Подготовка к восприятию материала.	1. Номер урока. Анонс урока: - чему научим; - как обозначим цель работы; - языковой материал (в рамке) и тп.
2.Экспликация мотивов и целей через образ результата. Выявление степени достижения целей предшествующег	2. Контроль домашнего задания, фиксация степени усвоения материала.	2. Проверка ранее усвоенного на базе новых ситуаций.	2.Повторительные упражнения, контролирующие усвоение. Подготовительные задания для перехода к новому материалу.

о занятия.			
3. Восприятие нового материала (презентация).	3. Введение нового материала.	3-5 Введение нового материала (фактически нового, новой стадии употребления , новой комбинации с целевой установкой). Обеспечение правильности понимания.	3. Презентация образца, картинки, схемы, текста.
4. Осознание.	4. Объяснение нового материала.		4. Объяснение по контексту, семантизация, введение правила использования материала.
5. Понимание.	5. Контроль правильности понимания		5. Первичная проверка усвоения в заданиях.
6. Воспроизведение и употребление.	6. Предкоммуникативная практика.	6-8 тренировка изучаемого материала.	6. Лингвистические упражнения. Работа над фактами языка.
7. Применение.	7. Коммуникативная тренировка. Учебная коммуникация.		7. Предкоммуникативные и коммуникативные задания. Работа над фактами речи.
8. Перенос навыков и умений во все сферы речевой деятельности.	8. Коммуникативная практика.		8. Задания на трансфер с высокой степенью самостоятельности выполнения.
9. Контроль и обобщение.	9. Конец урока. Обобщение. Задание на будущее.	9. Обобщение. Выводы. Рекомендации по использованию .	9. Контрольные и обобщающие задания. Тесты.

Проводя анализ урока, мы, прежде всего, имеем в виду его стандартную структуру, соотносимую, как это показано выше, с этапами речевой деятельности и операциями с языковым материалом. Однако в практике, наблюдая урок как этап учебного процесса, нам важно иметь в виду и тип

анализируемого урока, поскольку факт принадлежности его к той или иной категории занятий накладывает на него свой отпечаток, деформирует его структуру согласно его конкретным особенностям. Только учет типологии уроков и места занятия в этой типологии может служить гарантией правильного, адекватного прочтения и анализа урока. Понимание урока как составляющей учебного процесса со всеми вытекающими из этого особенностями повышает эффективность обучения, корректируя ход учебного процесса в целом.

Рассмотрим теперь некоторые принципы типологизации уроков, которые служат обоснованием для такой коррекции.

Во-первых, уроки могут делить по способу организации материала на аспектные и комплексные. Это деление зависит от того, аспект или аспекты языка, вид или виды речевой деятельности задействованы на этом уроке. Если, например, урок посвящен одному аспекту языка – фонетике – или одному виду речевой деятельности – изучающему чтению, то он, очевидно, будет значительно отличаться от занятия, включающего в себя и фонетику, и работу над лексикой, и развитие устной речи. И это различие должно учитываться при анализе урока.

Во-вторых, уроки могут различаться по доминирующей дидактической и методической задаче, реализуемой в рамках отдельного урока. Такой задачей может быть ввод нового материала и его первичная тренировка или активизация и обобщение материала, или повторение и контроль, коррекция развиваемых навыков и умений. Естественно, что работа в области доминирующей методической задачи урока займет больше места относительно с другими частями занятия и сдвинет распределение времени на уроке, иногда даже исключит некоторые его составные части.

В-третьих, мы можем классифицировать уроки по характеру используемых средств обучения, по его оснащению. Это может быть урок по материалу стабильного учебника, определенного пособия; урок по материалу определенной информативной темы и разным источникам, ее обеспечивающим; урок по тексту (в этом случае важно указание типа текста, положенного в основу урока, и сферы коммуникативного подключения) и т.д. и т.п.

Каждый из перечисленных вариантов урока заставляет нас добавлять вопросы к анализу, в основном касающиеся того,

насколько адекватен избранный преподавателем материал (оснащение урока, его материальная база) целям и задачам занятия и учебного процесса в целом.

Разумеется, имеет значение и место проведения урока (учебная аудитория, ЛУР, фонетический класс, класс ЭВМ, экскурсия и т.п.), где видоизменение урока каждый раз носит специфический характер, имеющий целью максимально использовать конкретные условия обучения.

Наконец, следует вспомнить два основных принципа типологизации уроков.

Первый из них – деление уроков по их коммуникативно-целевой направленности, т.е. по стадии формирования навыков и умений и уровням овладения языковым материалом, указывающим на степень продвижения учащихся в изучаемом предмете.

Большинство методистов так или иначе обосновывают этот принцип типологизации уроков.

Так И.Д. Салистра выделяет три типа уроков и три типа циклов их объединения.

1 тип – выработка первичных умений, переходящих в навыки (повторение пройденного материала, объяснение нового, первичная тренировка);

2 тип – выработка вторичных умений, тренировка (рецептивная и продуктивная, комбинирование единиц материала. Автоматизация распознавания и воспроизведения этих единиц);

3 тип – выработка речевых умений (речевая практика, выражение смыслов, чтение и слушание с полным пониманием, реальные диалоги, речевые упражнения).

Первый цикл объединяет уроки 1, 2 и 3 типа, второй цикл – уроки 2 и 3 типа, а третий цикл – это урок 3 типа.

Такая работа должна, по мнению Салистры, проводиться с каждой порцией языкового материала.

Б.Д. Лемберт различает два типа уроков:

- чисто речевой урок (формирование различных видов речевой деятельности на базе уже сформированного умения оперировать конкретным языковым материалом);

- речевой комбинированный урок (формирование навыков и умений пользоваться определенным языковым материалом).

М.С. Ильин делит уроки на два типа:

- уроки синтетической деятельности, где проводится работа по беспереводному чтению и слушанию, развивается диалогическая и монологическая речь.

- уроки аналитической деятельности, где в основном происходит усвоение речевого материала.

Е.И. Пассов различает:

- уроки предтекстового этапа, где в основном отрабатывается лексический и грамматический материал до предъявления его в тексте основополагающем по теме.

- уроки текстового этапа – обучение комбинированию языкового материала и его репродукции.

- уроки послетекстового этапа – обучение продуктивному использованию языкового материала по данной теме в новых ситуациях, в диалоге и монологе.

- уроки творческого этапа – развитие неподготовленной речи, в которых используются материалы изученных тем.

Л.С. Якушкина выделяет:

Уроки, где деятельность учащихся под руководством преподавателя направлена на умение оперировать средствами языка в небольшом монологе и диалоге, при чтении и аудировании.

- уроки, где внимание учащихся направлено на содержательную сторону обучения, а выбор и оформление языковых средств предоставляется самим учащимся.

А.А. Миролюбов различает:

- чисто речевые уроки на базе сформированных умений разного типа (например, обучение монологической речи);

- комбинированные уроки, где имеет место формирование различных навыков и умений (например, обучение лексике и развитие устной речи).

С.К. Фоломкина подчеркивает, что необходимо планировать цикл занятий, включающий аудиторную и внеаудиторную (домашнюю, лабораторную и т.п.). При этом материал упражнений в последовательности уроков располагается как этапы становления навыков. Единицей предлагаемой ею системы выступает цикл занятий, посвященный одной теме (языковой материал и навыки его употребления в речи).

Из сопоставления позиций методистов, приведенных выше, вытекает, как нам кажется, общий вывод – необходимость

учета стадии сформированности навыков владения материалом. Такой учет важен как при анализе уроков, так и при стратификации процесса обучения в целом.

Второй важнейший принцип типологизации уроков – учет места урока в конкретном учебном курсе определенного объема и целенаправленности.

С этих позиций мы можем выделить:

- Уроки стартового периода, важные для организации рабочего контакта преподавателя с конкретной группой обучающихся. Это, можно сказать, уроки диагностического, текстового этапа обучения. Они призваны выявить уровень обученности учащихся (вступительные тексты, опрос, проверочные задания) и характер их обучаемости, который проверяется в течение определенного периода набором специально подобранных заданий, выполняемых при неотсроченном контроле преподавателя.

Знание, как (через что) оптимально обучается тот или иной контингент учащихся в значительной степени определяет стратегию его дальнейшего обучения. Поэтому программный материал этих уроков бывает обычно построен с целью диагноза возможностей, интересов и желаний учащихся, определения перспективной направленности деятельности преподавателя в этой группе.

- Уроки основного периода обучения с включением в запланированные сроки контрольных, обобщающих уроков.

Для таких уроков, составляющих основной массив учебного курса, характерно сочетание коллективного обучения с необходимой индивидуализацией и предварительным просчетом места и времени для самостоятельной работы каждого из учащихся. В них реализуется и проблемность обучения, пробуждающая дополнительную мотивацию, и сотрудничество, партнерство преподавателя и группы в процессе обучения. Цель занятий этого периода – обеспечение возможности решения языковыми средствами реальных поведенческих задач учащихся. При организации материала каждый раз учитывается, какую задачу общения призвано обеспечивать каждое изучаемое языковое явление.

Общее направление этого периода обучения – от сообщения знаний к формированию языковой личности обучаемого.

Уроки обобщающего контроля являются, как уже было сказано выше, регулярной составляющей этого периода обучения. Учащимся указываются ориентиры, объекты и показатели контроля, что обеспечивает для них сознательное понимание целей контроля на каждом этапе обучения. В сознании учащихся фиксируется также достигнутый уровень их обученности, ее качественные и количественные показатели. По возможности осуществляется единство контроля преподавателя, взаимоконтроля и самоконтроля учащихся. Следует также отметить, что наряду с проверкой усвоения материала эти уроки имеют дополнительную цель – свести к минимуму стрессовые ситуации итогового контроля, поскольку учащиеся привыкают осознавать контроль как периодически включаемый элемент учебного процесса.

- Уроки предфинишного периода, обобщающей предэкзаменационной стадии обучения.

Цель этого периода обучения – активизация в речи учащихся определенного смыслового информативного поля, т.е. повторение материала информативных единиц (тем), затронутых в курсе обучения и – одновременно – активизация форм их оптимального языкового прочтения.

Отстояние этой фазы обучения от экзамена и ее длительность определяется особенностями и потребностями контингента учащихся и общей стратегией работы в группе.

Учащиеся и преподаватель выступают в этой фазе обучения в роли контакт-партнеров, обсуждающих определенные темы (проблемы), их контакт осуществляется в форме сотрудничества, обмен мнениями выявляет сходство и различие точек зрения по затронутым проблемам.

Основное направление работы – дискуссионный обмен информацией между участниками обсуждения проблемы. Информационное поле, сложившееся в ходе процесса обучения, едино для всех участников обсуждения, в их речи играет большую роль так называемая оценочная информация, обрисовывающая позиции дискутирующих.

Одновременно, как бы в скобках, проводится ликвидация языковых трудностей – «белых пятен» и «темных мест» в речи учащихся, которые выявляются в процессе дискуссии, осуществляется коррекция, «шлифовка» речи учащихся.

Важно отметить, что иницирующая роль в этой дискуссии принадлежит в равной степени и преподавателю, и учащемуся и, таким образом, в ходе занятия реализуется их равнопартнерство как собеседование, развернутое во времени.

Очевидно, что анализируя уроки в ходе учебного процесса, мы должны учитывать те их характеристики, которые вытекают из их места в учебном процессе.

Подведем итоги сказанному: наша первая задача при анализе урока – определить какой урок мы анализируем. И, лишь потом, исходя из типовых характеристик урока, приступать к его конкретному анализу.

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СКАЗОК К.И. ЧУКОВСКОГО
ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

Задача статьи – привлечь внимание специалистов, разрабатывающих проблемы методики обучения русскому языку как иностранному, к текстам авторских стихотворных детских сказок как к ценному учебному материалу. Тезис о необходимости подобной рекомендации порой представляется спорным, поскольку подобные тексты в российской дошкольной и младшей школьной методике традиционно предлагаются лишь для заучивания наизусть, не предполагают обсуждения, изучения, обыгрывания. Мы же ставим целью обосновать и проиллюстрировать мысль о методической ценности подобных литературно-художественных текстов, которые могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному в группах начального этапа обучения.

Стихотворные детские сказки Чуковского, на наш взгляд, представляют собой ценный материал для работы в группах студентов-иностранцев, в особенности их следует рекомендовать использовать в учебном процессе на начальном этапе обучения. На основе разных сказок поэта можно построить как целостный комплексный урок, так и фрагмент урока, посвященный работе над определенным аспектом: фонетическим, лексическим или грамматическим. Безусловно, в современном учебном процессе необходимо активно использовать материалы, повышающие мотивацию обучения, создающие благоприятную психологическую атмосферу в студенческой группе, позволяющие не только обучать русскому языку как иностранному, но и знакомить учащихся с культурой страны изучаемого языка.

Тексты сказок Чуковского представляют собой ценный дидактический материал при обучении студентов-иностранцев лексике русского языка. Как известно, работа над лексикой ставит перед преподавателем ряд методических задач: это отбор лексических единиц, последовательность их подачи, дозировка материала, приемы семантизации, методика, способствующая запоминанию лексики, и, наконец, контроль. Важная роль при этом отводится принципу подачи: от текста к слову, т.е. изучение

новых слов целесообразно и эффективно, когда они представлены в контексте, когда учащиеся знакомятся прежде всего с коммуникативной ситуацией, в которой функционируют данные лексические единицы.

Механическое запоминание слов, предложенных для заучивания в виде списков, без контекста, не развивает у студентов способности употреблять их в речи. Новый лексический материал, которым насыщен предложенный для работы учебный текст, должен быть объединен общей темой, актуализирующей основные коммуникативные смыслы данной ситуации общения. Новую лексику необходимо тщательно тренировать на занятиях, многократно повторять и употреблять в речи, потому что недостаточная тренировка приводит к быстрому забыванию слов.

В свете вышесказанного отметим, что некоторые из сказок Чуковского, по сути, представляют собой готовые учебные тексты, «обслуживающие» определенную коммуникативную ситуацию. Например, на занятиях, посвященных темам «Дом», «Кухня», «Посуда», целесообразно обратиться к материалу сказки «Федорино горе». В ней обширно представлены слова, объединяющиеся в соответствующие лексико-семантические группы. Так, для ЛСГ «Посуда» в этой сказке мы найдем следующие примеры: кастрюля, чайник, кофейник, блюдца, стаканы, сковорода, вилки, рюмки, бутылки, чашки, ложки, самовар, тарелки, блюдо (слова приводятся в порядке следования в тексте, форма единственного или множественного числа также соответствует тексту). Как видим, это практически полный перечень лексических единиц, необходимых для усвоения учащимися на начальном этапе в связи с данной темой. Вводя эту лексику в учебной группе, преподаватель может обратиться к доступному иллюстративному материалу: красочно изданным книгам «Сказки Чуковского» для детей, картинкам из Интернета, мультфильму «Федорино горе». Отбор, презентация и семантизация, таким образом, – это практически уже решенные задачи, дидактический материал урока на вышеназванную тему подготовлен автором сказки и художниками – иллюстраторами и мультипликаторами.

Тексты сказок Чуковского характеризуются большим количеством лексических повторов, играющих выразительную роль. Это могут быть повторы отдельных слов, словосочетаний

или даже целых предложений, нередко они являются анафорическими и помогают более четко организовать ритмическую структуру текста.

Для преподавателя-русиста такие повторы должны стать одним из эффективных приемов, помогающих запоминанию новой лексики. Известно, что недостаточная повторяемость слова в процессе обучения является одним из существенных недочетов в работе над лексикой. Напротив, многократные повторы, приводящие в итоге к заучиванию новых слов, употребленных в контексте, способствуют введению данных лексических единиц в долговременную память учащихся.

Например, в сказке «Мойдодыр» хореический ритм стихотворного текста, подкрепленный многократными лексическими повторами, обеспечивает эмоциональное восприятие событий, которые отличаются динамичностью, действенностью, необычайной активностью. Столь же интенсивным предполагается и читательское сопереживание этим событиям, рассчитанное на возникновение эффекта присутствия, зрительского участия в происходящем.

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Повторы целых словосочетаний организуют сюжет сказки «Телефон», основанный на многократном повторении одной событийной схемы: телефонный звонок, диалог, окончание разговора.

А потом позвонил / Крокодил...
А потом позвонили зайчатки...
А потом позвонили мартышки...
А потом позвонил медведь...
А потом позвонили цапли...
А потом позвонила свинья...

Помимо работы над запоминанием повторяющихся слов и словосочетаний на материале подобных примеров, их можно использовать и для введения и семантизации новой для учащихся лексики, объединенной в ЛСГ «Названия животных». Таким образом, фрагменты из сказок Чуковского, а также целостные их тексты представляют собой богатый источник для работы над лексикой в иноязычной аудитории.

В сказках поэта мы также встретим немало глагольной лексики, поскольку повествование как тип текста в них, разумеется, преобладает.

Приведем ряд примеров употребления глаголов движения с приставками и близких к ним по смыслу из сказки «Мойдодыр»:

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

< ... >

Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?

< ... >

Всё вертится,
И кружится,
И несется кувырком.

< ... >

Выбегает умывальник
И качает головой.

< ... >

И сбежали от грязнули
И чулки и башмаки.

Таким образом, для работы над столь важной и одновременно сложной для иностранных учащихся темой – «Глаголы движения» – материал сказок Чуковского определенно можно использовать. Этот материал в них представлен в динамичных повествовательных текстах с преобладанием глагольной лексики и оснащён иллюстративным материалом.

Кроме того, известно, что тема «Глаголы движения» требует тщательной и долговременной отработки и одних только языковых упражнений на заполнение пропусков или подстановку оказывается недостаточно. Работа над текстами сказок Чуковского позволит преподавателю русского языка как иностранного подготовить и использовать задания, которые

будут провоцировать учащихся на порождение своего текста. Материалом для такой работы могут послужить, в частности, мультфильмы. Использование мультфильмов как материала для стимула к речи оказывается весьма эффективным, т.к. содержание в них передается не только словесно, но и зрительно, наглядно. Можно даже дать задание «озвучить» мультфильм, показав его с отключенным звуком, что станет дополнительным стимулом для учащихся, поскольку содержит элементы игры и соревнования, способствующие эффективности усвоения материала урока. Материал занятий в таком случае является коммуникативно оправданным, поданным в динамичных, игровых текстах, минимизированным и отобранным в соответствии с этапом обучения.

Если же обратиться к материалу сказки «Телефон», то в группах начального этапа можно отработать лексику по теме «Разговор по телефону», используя разнообразные игровые методические приемы, параллельно уделяя внимание фонетическому и грамматическому аспектам, сразу выводя полученные на уроке навыки и умения студентов в свободную речь.

В сказке, например, дано несколько речевых моделей для **выражения просьбы что-либо прислать:**

А потом позвонили мартышки:

– **Пришлите, пожалуйста,** книжки!

< ... >

А потом позвонили цапли:

– **Пришлите, пожалуйста,** капли!

В данных предложениях просьба выражена лексически нейтрально, наиболее распространенными, строго этикетными речевыми средствами. Отработав эту формулу выражения вежливой просьбы, можно перейти к различным синонимичным возможностям, объясняя учащимся различия между ними и отработывая ситуации, в которых предпочтительнее использовать ту или другую фразу.

А потом позвонили зайчатки:

– **Нельзя ли прислать** перчатки?

< ... >

А потом позвонила свинья:

– **Нельзя ли прислать** соловья?

Данное клише представляет собой исключительно вежливую, «старомодную» формулу выражения просьбы. В сказке Чуковского ей противостоит иная, настойчивая, прямолинейная и несколько грубоватая манера попросить о чем-либо. Исключительно важно обратить внимание учащихся на стилистические характеристики синонимичных по значению фраз, научить различать сферы их употребления и поработать над адекватным использованием такой лексики в собственных высказываниях студентов.

- Что вам надо?
- Шоколада.
- Для кого?
- Для сына моего.
- А много ли прислать?
- Да пудов этак пять...

В данном примере персонажа отличает немногословная манера речи, он главным образом отвечает на вопросы собеседника в односложной манере, диктуя свой «заказ» и чувствуя себя хозяином положения. Подобная просьба больше напоминает приказание, не содержит формул вежливости и характеризует говорящего как малообразованного и плохо воспитанного человека.

Противоположная с точки зрения использования лексико-стилистических средств манера высказать просьбу представлена в речи другого персонажа, который хочет получить новые калоши. Он «со слезами» говорит повествователю:

- Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.

Просьба этого персонажа излишне вежлива и многословна, в ней избыточно представлены оценочные обращения, а также добавочная информация, которую говорящий не должен сообщать собеседнику, если разговор носит официальный характер (например, не требуется говорить о том, для кого из членов семьи нужны калоши). Такой способ просить о чем-либо носит заискивающий, самоуничижительный характер и, так же, как и в предыдущем примере, является художественным средством стилизации речевой манеры действующего лица с целью создания сатирического художественного образа.

Таким образом, знакомя учащихся с лексикой по теме «Разговор по телефону» на материале текста сказки Чуковского «Телефон», преподаватель русского языка как иностранного имеет возможности отработать и сопоставить ряд этикетных формул, обеспечивающих данную коммуникативную ситуацию, обратить внимание студентов на стилистически маркированные синонимичные возможности выразить ту или иную интенцию, многократно «обыграть» разнообразные диалоги по телефону на занятии.

Еще одна лексическая особенность текстов сказок Чуковского, думается, содержит интереснейшую потенциальную возможность их использования на занятиях по русскому языку как иностранному. Мы имеем в виду парадоксальные словосочетания, различные алогизмы, которые сам автор называл «лепыми нелепицами» и которым посвятил целую главу в своей книге «От двух до пяти».

Отметим, что детская поэзия Чуковского вообще и сказки в частности были созданы не без влияния английской детской поэзии, в основе которой лежит так называемый нонсенс (порусски – абсурд, чепуха, бессмыслица). Многие русские читатели, выросшие на сказках Чуковского, часто и не догадываются о том, насколько тесно эти сказки связаны с теми стишками, которые слушают и читают англоязычные малыши. Будучи переводчиком многих таких стишков с английского языка, Чуковский весьма ценил подобную «бессмыслицу» и говорил о педагогической ценности перевёртышей (так он обобщенно называл эти жанры).

Однако, как бы Чуковский ни был очарован поэзией бессмыслицы, понимает он ее довольно своеобразно. Мир, создаваемый произведениями таких жанров, Чуковский мыслит как перевернутый, но перевернутый системно и упорядоченно. Он писал о том, что «во всех этих путаницах соблюдается, в сущности, идеальный порядок», и стремился понять, почему дети так «тяготеют» к подобным жанрам. Наконец, он сделал вывод, что всякое отступление от нормы сильнее укрепляет ребенка в норме, и он еще выше оценивает свою твердую ориентацию в мире: «я-то не обожгусь холодной кашей»; «я-то не испугаюсь улитки»; «на дне моря я не стану искать землянику».

Роль нонсенса, по Чуковскому, заключается в том, чтобы помочь понять организованность окружающего мира. Нонсенс

должен обязательно «сложиться» в упорядоченный и гармоничный мир.

Как педагог по призванию, Чуковский всегда стремился научить норме. В том числе и норме языковой. Примеры такого понимания нонсенса мы находим в сказках Чуковского, а наиболее ярко этот прием представлен в «Путанице». В ней поначалу всё происходит «не так», наоборот:

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,
Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

Абсурдные утверждения, которые автор называл «перевертышами», разумеется, противоречат здравому смыслу и жизненному опыту. Для иностранных учащихся задания, мотивированные необходимостью исправить лексические ошибки и таким образом восстановить реальную картину нормального, упорядоченного окружающего мира, оказываются в высшей степени эффективными. Во-первых, такие формы работы активизируют желание учащихся расширить словарный запас; во-вторых, позволяют использовать игровые, эмоционально насыщенные виды работы на уроке; в-третьих, создают возможность распространить данный методический прием на отработку различных материалов учебного курса; в-четвертых, способствуют лучшему запоминанию усвоенной лексики.

Отметим, что Чуковский в «Путанице» нередко сам вводит в свои перевертыши правильную характеристику вещей и явлений, незаметно подсказывая, что «так», а что «не так»:

Замяукали котятка:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

Как жизнерадостное торжество преподносит автор сказки сюжетный момент «возвращения», обратного шага в обновленный и упорядоченный мир:

...Стало море потухать –
И потухло.
Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели.
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать...

Таким образом, восстановление правильного порядка вещей воспринимается, по аналогии с волшебной героической сказкой, как победа добра над злом, «так» над «не так», что делает персонажей и читателей счастливыми – как любая **победа**. Ярко выраженный позитивный эмоциональный фон, сопутствующий выполнению лексических заданий в процессе работы над «перевертышами» в сказках Чуковского, делает занятие в учебной группе интересным, запоминающимся, в высшей степени эффективным.

Итак, на материале текстов сказок Чуковского преподаватель русского языка как иностранного имеет возможность отрабатывать с учащимися разнообразную лексику, относящуюся к различным коммуникативным ситуациям, и использовать при этом вариативные методические приемы, способствующие систематизированной отработке и долговременному усвоению лексических единиц.

Сказки Чуковского известны и популярны в России настолько, что некоторые имена и высказывания из них стали прецедентными, вошли в русский язык как одна из составляющих культурного пространства. Представляется целесообразным познакомить иностранных учащихся и с такими лексическими единицами, т.к. в современном русском языке они встречаются довольно часто.

Самым известным героем стал доктор Айболит, он является действующим лицом в сказках «Айболит» и «Бармалей». Добрый ветеринар, он отличается необыкновенным альтруизмом, любит животных и лечит их исключительно гуманными методами, не причиняя боли.

И бежит Айболит к бегемотикам,
И хлопает их по животикам,
И всем по порядку
Дает шоколадку,
И ставит, и ставит им градусники!

(«Айболит»)

Образ доброго доктора вошел в русский язык в качестве прецедентного имени, обладающего особой привлекательностью для тех пациентов, которые боятся боли во время лечения и не верят в возможность быстрого и легкого выздоровления.

Психологическая задача преодоления страха перед врачами и медицинскими процедурами решается путем привлечения имени героя Чуковского в качестве аргумента, положительного примера, с помощью которого можно уговорить ребенка, а порой и взрослого человека не бояться, например, уколов или бормашины.

Стихотворные двустишия из вышеназванной сказки также нередко используются как методы убеждения, поскольку они являются своеобразными «лозунгами», выражающими оптимистическую веру в квалифицированную и безболезненную медицинскую помощь.

Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!

Или:

Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!

Как и положено лозунгам, данные стихотворные высказывания отличаются краткостью, четкой ритмической организацией и яркой выраженностью положительной оценки. В них преобладают короткие восклицательные предложения, в которых использованы многочисленные повторы: буквальные лексические («слава»), синонимические («излечит, исцелит»), повторы целого словосочетания («добрый доктор Айболит» и «слава Айболиту! / Слава добрым докторам!»). Особенности языка приведенных фрагментов, таким образом, предвосхищают стилистику современных «слоганов».

Наличие подобных высказываний, ставших в русском языке прецедентными наряду с именем самого сказочного героя, обусловило появление в современной России ряда медицинских учреждений под названием «Доктор Айболит». Позитивный образ героя Чуковского оказался своего рода рекламой для сети аптек, работающей во многих городах РФ и ближнего зарубежья. Так, несколько аптек под названием «Доктор Айболит» работает в Москве: на шоссе Энтузиастов, на улице Шверника, на Щелковском шоссе. На улице Кравченко находится «Аптека доброго доктора Айболита». Аптеки под названием «Доктор Айболит» есть в Санкт-Петербурге и Перми, в Челябинске и Тольятти, в Ташкенте и в двух городах Казахстана. А в Ростове-на-Дону так называется ветеринарная лечебница. Таким образом, знакомый всем русским читателям герой детских сказок сегодня

является своего рода «гарантией» гуманной и эффективной врачебной помощи как людям, так и животным. Иностранцу же, изучающему русский язык и живущему в России, непонятен будет смысл названия вышеназванных медицинских учреждений, если он не знаком с данной лексической единицей и присущими ей коннотациями.

Имя отрицательного персонажа сказки об Айболите, злого разбойника Бармалея, также стало прецедентным. Заметим, что это имя является труднопроизносимым для русских, поскольку в нем соседствуют согласные звуки [р] и [м], обрамленные повторяющимся гласным [а]. Так Чуковский уже на уровне звукописи создает зловещий, агрессивный образ действующего лица.

Современные русские могут назвать Бармалеем развязного хулигана или некрасивого, лохматого и вульгарно одетого человека, ведущего себя грубо и вызывающе. В этом имени заключается представление об агрессии и злобе как формах поведения мужчины, а также об озорстве и хулиганских поступках мальчика-школьника. Так, например, в 1978–1985 гг. на киностудии «Союзмультфильм» была создана серия рисованных фильмов «На задней парте», главными действующими лицами которой были одноклассники: отличница Оля Знайкина по прозвищу Зазнайкина и Боря Лейкин, двоечник и хулиган, которого прозвали Бармалейкин. Имя героя сказки Чуковского, таким образом, стало характеристикой для отрицательного, сатирического персонажа фильма.

В современных публицистических текстах мы также встретим упоминание персонажа Чуковского, его имя служит характеристикой для негуманного, жестокого, варварского типа поведения. Так, в газете «Известия» от 22.05.2002, была опубликована статья Б. Устюгова под названием «Мы чувствовали себя бармалеями» с подзаголовком «В школьных учебниках может появиться реклама». А в статье Ю. Рахасовой, посвященной проблемам здравоохранения, в «Известиях» от 23.05.2002 читаем: «Добрый стоматолог – все равно что хороший Бармалей или Карабас-Барабас». Обращаясь к имени злого разбойника, авторы статей, бесспорно, опираются на фоновые знания русских, для которых словосочетание «хороший Бармалей» воспринимается как оксюморон. Иностранец, читающий подобные публицистические тексты, также

должен обладать соответствующими культуроведческими знаниями, иначе смысл высказывания окажется ему непонятен.

Прецедентным стало и имя персонажа сказки «Мойдодыр», строгого умывальника, заставляющего мальчика-грязнулю умыться и навести порядок в комнате. Лозунгом, агитирующим за чистоту и гигиену, звучат известные каждому носителю русского языка слова, формулирующие мораль этой сказки:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам –
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Именем персонажа называют любителей чистоты, которые не только сами соблюдают все правила гигиены, но и воспитывают окружающих, заставляют их отмывать дочиста себя и окружающие предметы. Это слово используется также для обозначения определенного типа мебели для ваннных комнат. Так, в рекламном тексте, размещенном в Интернете, читаем: «... выбирая в ваннные комнаты мебель, приходится думать не только об эстетике и стиле, но и о функциональности. Поэтому и была разработана мебель типа «Мойдодыр», которая позволяет рационально размещать все необходимое даже в небольших ваннных комнатах. Мы рады помочь обставить ваннные комнаты: мебель будет подобрана со вкусом, с учетом ваших пожеланий и возможностей» (реклама фирмы «Мир ванн»). А в телевизионном рекламном ролике, предлагающем пользоваться стиральным порошком «Миф», Мойдодыр выступает как главный мультипликационный персонаж, гарантирующий отличное качество стирки и «аромат морозной свежести» белья.

Итак, имена нескольких персонажей сказок Чуковского стали прецедентными в современном русском языке, поэтому их как лексические единицы, насыщенные культуроведческой информацией, следует включить в лексический и культурологический минимум при обучении русскому языку как иностранному. Целесообразно при этом познакомить учащихся не только с вышеназванными именами и отдельными высказываниями, но и с текстами сказок в целом, чтобы герои запомнились студентам во всей полноте и яркости художественного образа.

Стихотворная форма текстов сказок, бесспорно, способствует активизации механизмов долговременной памяти учащихся, а также позволяет преподавателю использовать разнообразные методические формы подачи лексического материала, варьировать их, поскольку нередко аудитория (учащиеся начального этапа) обуславливает необходимость обращения не только к строго академическим, но и к игровым заданиям: к ролевым играм, конкурсам чтецов и исполнителей, постановкам учебных спектаклей и др.

В качестве одной из возможных форм итогового контроля по практическому русскому языку в группах начального этапа мы считаем целесообразным порекомендовать подготовить учебную постановку небольшого спектакля по одной из сказок Чуковского. Такая постановка будет способствовать созданию благоприятной психологической атмосферы в группе, повышению мотивации при обучении, приобщению учащихся к русской культуре в целом: к поэзии, театру, музыке. Подготовительная работа и завершающий ее успешный учебный спектакль являются запоминающимися событиями в жизни учащихся и – в конечном итоге – способствуют межкультурной коммуникации.

Жанр сказки привлекает иностранцев, изучающих русский язык, не только возможностью продвигаться «от простого к сложному» в учебном процессе. Не в меньшей степени их интересует задача приобщения к национальному менталитету, постижение русского взгляда на мир. Поэтому характерные особенности сказок, как фольклорных, так и авторских, всегда представляют интерес для иностранных учащихся.

Итак, все сказанное выше убеждает нас в том, что следует включать в курс практического русского языка как можно больше заданий, имеющих достаточную культурную нагрузку. Это позволит осуществлять общение в широком культурном аспекте, принимая во внимание значение целого контекста, а не только отдельно взятых слов, ибо, научившись понимать сугубо национальное, “непереводимое”, можно понять страну, ее народ и овладеть языком данного народа. Бесспорно, текстовые материалы к курсу практического русского языка для учащихся начального этапа обучения должны, помимо характерных речевых образцов, содержать многогранную информацию о культуре страны изучаемого языка.

**ОБУЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ
(возможные подходы и способ подачи материала в новом
учебнике для студентов-филологов)**

Диалог представляет собой речевое взаимодействие, которое может быть охарактеризовано по ряду признаков. Во-первых, это тема (о чём говорят). Во-вторых, это ситуация общения: место, социальные роли участников коммуникации (где и кто говорит). Наконец, каждая реплика диалога является реализацией определённого коммуникативного намерения, интенции (зачем, с какой целью говорят). Все эти факторы задают определённые стилистические параметры реплик диалога и, следовательно, должны учитываться при обучении иностранцев диалогической речи. При этом необходимо выбрать какой-то ведущий признак, определяющий принцип организации и подачи материала в учебнике.

В качестве такого ведущего признака в ряде учебных пособий выбирается признак тематико-ситуативный ([Степанова 1988], [Овсиенко 1993], [Глазунова 2003] и др.). При этом «просчитываются» ситуации, актуальные для того контингента учащихся, которому адресуется пособие, и предлагается ряд диалогов, характерных для этих ситуаций. Название диалога (или серии диалогов) содержит указание на ситуацию общения (*В автобусе. На вокзале*). При таком подходе студентов целенаправленно не учат выражать свои коммуникативные намерения, а лишь обращают их внимание на отдельные языковые средства, клише, которые в данной ситуации могут пригодиться, оказаться полезными.

Другим принципом подачи материала является принцип «по интенциям» (коммуникативным намерениям): отбираются актуальные интенции (*Как познакомиться с кем-либо* и др.) и даются формулировки, с помощью которых можно эти интенции вербально реализовать ([Рассудова, Степанова 1986]; [Клобукова, Михалкина, Солтановская, Хавронина 1997], [Маркова 2009]). При этом в одних учебниках и учебных пособиях работа ведётся в рамках диалогического единства, а другие пособия учат

иностранцев реализовать целые последовательности интенций, т.е. совершать целую последовательность речевых действий. Последнее характерно, в частности, для методической системы Е.И. Пассова, где учащиеся строят диалоги на основе предложенных им функциональных схем, которые «представляют собой название речевых функций, расположенных для каждого из собеседников в предположительно необходимой последовательности» [Пассов 2006: 168]. Например, предлагается ситуация: один ученик просит другого о помощи, другой изъявляет готовность ему помочь. Задаётся функциональная схема диалога: просьба – вопрос – совет – сомнение – уверенность – благодарность [Пассов 2006: 168]. Как видно из приведённого примера, ситуация при таком подходе понимается как некоторое положение, связанное с необходимостью реализовать определённое коммуникативное намерение – в данном случае попросить о помощи (ср. понимание ситуации при ситуативно-тематическом подходе – там ситуация «локализована», она связывается прежде всего с социально значимым местом общения, где человек реализует свои потребности – в кассе, в автобусе, в магазине и т.п.).

К обучению диалогической речи на основе функциональных схем, которое предлагает Е.И. Пассов, близко сценарное обучение, описанное В.И. Шляховым. Под сценарием понимается «комбинация речевых действий, упорядоченных сценарным сюжетом» [Шляхов 2010: 120]. Названиями сценариев служат названия речевых действий: «сценарии можно именовать примерно так же, как речевые действия, например, уговаривать, советовать, объяснять, критиковать, сплетничать» [Шляхов 2010: 120]. Отсюда видно, что в методической концепции В.И. Шляхова, так же, как и у Е.И. Пассова, в основе ситуации, формирующей сценарий, лежит коммуникативное намерение. Характеризуя сценарии общения, В.И. Шляхов отмечает, что каждый участник сценария выбирает свою стратегию (доминирования, противостояния, кооперации), использует определённые тактики для достижения поставленной цели, осуществления своего коммуникативного намерения. Существуют разные варианты одного сценария, но все они сводимы к единому инварианту (типичному сценарию) с определённым планом и программой речевых действий участников коммуникации, что делает сценарии принципиально

исчислимыми и позволяет на их основе строить обучение речевому общению.

Итак, мы выделили два подхода к обучению диалогической речи:

1) **ситуативный**: он даёт представление о диалогической речи в наиболее характерных ситуациях общения, связанных с определёнными социально значимыми местами коммуникации и ролями её участников, но не направлен на обучение реализации конкретных интенций;

2) **интенционный**: он обучает реализовать определённые коммуникативные намерения вне тесной привязки к конкретной ситуации общения.

Оба принципа – и ситуативный, и интенционный – имеют и сильные, и слабые стороны.

Ситуативный принцип организации материала «прозрачен» и понятен учащемуся, однако существует риск, что ситуация может оказаться недостаточно актуальной для конкретного студента или со временем утратить свою актуальность (так, в связи с возможностью заказывать билеты в театр, на поезд и т.п. через Интернет, постепенно «устаревают» диалоги типа «На вокзале», «В кассе театра»).

Интенционный принцип хорош тем, что обеспечивает более лёгкий, очевидный перенос из одной ситуации в другую (например, научившись выражать просьбу, мы можем пользоваться этим умением в разных ситуациях: на занятии, на улице, в кассе театра и т.д.). Организация материала «по интенциям» отвечает интересам учащихся, которые собираются проходить тестирование на определённый сертификационный уровень (в Государственных стандартах по русскому языку как иностранному даётся подробный список интенций для каждого уровня владения русским языком). Однако следует заметить, что не все интенции могут быть сформулированы на одном уровне абстракции. Одни интенции допускают максимально общую формулировку (*Как выразить просьбу*), а для других такая абстрактная формулировка нецелесообразна. Например, интенция *Как задать вопрос* может иметь, в зависимости от ситуации общения, совершенно разные варианты вербализации: *Как проехать к университету? По каким дням вы работаете? Который час?* и др. Как видно из примера, различны не только местоименные слова, но и грамматические конструкции,

используемые в вопросительном предложении. Следовательно, обобщённая формулировка *Как задать вопрос* «не работает», сюда попадает огромный материал, нужна конкретизация формулировки с учётом ситуации общения (*Как спросить о маршруте, Как спросить о режиме работы учреждения* и т.п.). Иными словами, игнорировать фактор ситуации невозможно.

Представляется, что оптимальным является соединение ситуативного и интенционального принципов. При таком подходе учащимся будут предлагаться сценарии, характерные для определённых ситуаций общения, демонстрирующие, какие интенции актуальны для каждой конкретной ситуации и как они реализуются. Студенты должны научиться составлять аналогичные сценарии. Сценарий (фрейм) при таком подходе предстаёт как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Демьянков 1996: 188], при этом данные содержат информацию о способах любого (в том числе речевого) поведения в заданной ситуации. Такое понимание сценария присутствует в вышеуказанной книге В.И. Шляхова: здесь (наряду со сценариями, которые получают название по названию речевых действий – *Ссора*) упоминаются сценарии с более конкретной ситуативной привязкой, например *Встреча старых знакомых*. В этом случае сценарий предстаёт как последовательность речевых действий, характерная для определённой ситуации. Думается, что именно такое понимание сценария очень перспективно для практики обучения иностранцев речевому общению: с одной стороны, оно учит речевому поведению в конкретной ситуации (при этом при отборе ситуаций, естественно, должны учитываться коммуникативные потребности учащихся), с другой стороны, благодаря акцентированию способов вербализации интенций, облегчается перенос речевых умений на другие ситуации общения.

Как уже говорилось выше, название интенции во многих случаях не удаётся свести к максимально абстрактному названию речевого действия (*Как задать вопрос*), необходима конкретизация с учётом ситуации общения (*Как спросить о маршруте, Как спросить о чём-либо имени, о названии чего-либо, Как спросить о своих дальнейших действиях* и т.п.). Таким образом, уже в саму формулировку интенции добавляется определённое лексическое «приращение», которое нередко

требует дополнительных комментариев (например, при работе с интенцией *Как спросить о чьём-либо имени, о названии чего-либо* необходимо обсудить следующую лексику: *звать - называться - называть, имя - название*, а возможно ещё и *кличка, и прозвище*). Отсюда следует важный вывод: работа с диалогом должна быть не менее детальной и кропотливой, чем работа с текстом монологического характера. Традиционно именно монологический текст в учебниках и учебных пособиях «обрастает» заданиями – предтекстовыми, притекстовыми, послетекстовыми... Диалогу же в этом плане «везёт» меньше, и, хотя в методической литературе описывается разноплановая работа с диалогом (см., например, [Капитонова, Московкин 2006: 184-191]), на деле же часто представлены только два типа заданий: при **ситуативном** подходе это 1) чтение диалогообразца и 2) задания на употребление акцентированных в диалоге-образце средств в сходных ситуациях; при **интенционном** подходе это 1) знакомство с вербальными реализациями различных интенций и 2) задания на отработку употребления формулировок-реализаций интенций в разных ситуациях общения. Представляется, что работа с диалогом должна включать большее количество этапов.

1. Этап наблюдения (материал – диалог-образец). На этом этапе обращается внимание учащихся на условия коммуникации, характер отношений между говорящими, возможные способы реализации интенции (вербальный, вербальный+действие, действие; например, на вопрос-просьбу «*Вы не могли бы закрыть окно?*» невозможна реакция «*Могу*» без дальнейших действий. Адресат может сказать «*Конечно, сейчас*» и закрыть окно или просто закрыть окно без вербальной реакции). На этапе наблюдения обсуждаются стилистические особенности реплик-высказываний, этикет общения.

2. Этап отработки сложного в языковом отношении материала (этот этап факультативен, он требуется не всегда).

3. Отработка способов вербализации интенций. Включает следующие подэтапы:

- знакомство со списком вербальных реализаций коммуникативных намерений;
- языковые и речевые задания (подставить подходящее клише, восстановить или дополнить реплику диалогического

единства, сформулировать высказывание в заданной ситуации и т.п.).

4. Этап переноса сформированного умения в новые (аналогичные) условия общения. Здесь даются коммуникативные, творческие задания (*Разыграйте ситуацию*).

Иллюстрацией к высказанным в настоящей статье соображениям может послужить организация работы по обучению диалогической речи в новом учебнике для иностранных студентов-филологов первого курса «Университет. Ступень 1», написанном на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (авторский коллектив – Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, Т.Е. Чаплыгина). Обучение диалогической речи едва ли не впервые введено в вузовский учебник русского языка как иностранного, в предыдущем комплексе учебников для иностранных студентов-филологов, созданном в 80-е годы XX века, такой вид работы отсутствовал, и вообще традиционно обучение диалогической речи наиболее активно ведётся на начальном этапе обучения. Однако, как показывает опыт работы, студенты-иностранцы – даже филологи! – далеко не всегда могут достаточно свободно объясниться, в том числе в частотных, типичных ситуациях, и этому их нужно учить.

В учебнике «Университет. Ступень 1» соединены ситуативный подход с подходом «по интенциям». Это видно уже из оглавления. Так, например, фрагмент третьего урока, посвящённый работе с диалогическим материалом, заявлен в оглавлении следующим образом: *На кафедре. В библиотеке (сообщаем о цели своего посещения, спрашиваем, куда обратиться по интересующему нас вопросу, спрашиваем о режиме работы учреждения, о последовательности своих действий)*.

В учебнике представлены все описанные выше этапы работы, направленной на развитие диалогической речи.

1) В каждом уроке даны задания на наблюдение (диалогические образцы и задания к ним, имеющие целью обратить внимание студентов на значимые моменты в речевом поведении, а также акцентирующие актуальные для студентов лексические единицы). Например (фрагмент третьего урока):

1. Прочитайте диалоги, обратите внимание на выделенные слова и выражения.

На кафедре

Диалог 1

Ин Синь: Здравствуйте.

Анна Александровна: Здравствуйте.

Ин Синь: **Я хотела бы записаться на экскурсию** в Сергиев Посад. **К кому мне нужно обратиться?**

Анна Александровна: Это **вам нужно подойти к Семёновой** Марии Петровне.

Ин Синь: А она сегодня будет?

Анна Александровна: Она здесь, но сейчас у неё занятие. Вы можете на перемене подойти к её аудитории, а можете подождать здесь.

Ин Синь: Спасибо. **Если можно, я подожду здесь.**

Диалог 2

Пак Кван Хо: Здравствуйте. **Я хотел спросить.** У меня есть друг, он хочет изучать русский язык. **Куда он должен обратиться** – сюда, на кафедру?

Иван Николаевич: Я думаю, **ему лучше обратиться в иностранный отдел.** Там ему всё расскажут.

Диалог 3

Новакова: Здравствуйте, меня зовут Катажина Новакова, я здесь на научной стажировке. Вы не скажете, **где можно посмотреть вот эти учебные пособия?** (*показывает список*).

Лаборант кафедры: Зайдите в методкабинет, наверняка там что-то будет.

Новакова: **А где это?**

Лаборант кафедры: Аудитория 840.

Новакова: Спасибо.

В библиотеке

Диалог 4

Читатель: Скажите, пожалуйста, **по каким дням работает библиотека?**

Библиотекарь: Библиотека открыта каждый день, кроме воскресенья.

Читатель: **А в какие часы?**

Библиотекарь: С десяти утра до восьми вечера.

Читатель: Спасибо.

Диалог 5

Читатель: Скажите, пожалуйста, **как работает библиотека?**

Библиотекарь: Понедельник-суббота, с десяти до восьми вечера.

Диалог 6

Читатель: Скажите, пожалуйста, **как записаться в библиотеку?**

Библиотекарь: Нужны паспорт, студенческий билет и фотография 3x4.

Читатель: Это всё у меня есть с собой.

Библиотекарь: Тогда **подойдите в абонемент** научной литературы, там вам оформят читательский билет.

Диалог 7

Читатель: **Пожалуйста**, вот моё требование.

Библиотекарь (берёт требование, смотрит): Так. Автор, название, шифр. Вот здесь напишите номер читательского билета, свою фамилию, факультет, курс. А внизу поставьте дату и распишитесь.

Читатель (дописывает): Теперь всё правильно?

Библиотекарь: Да.

Библиотекарь берёт требование, уходит, приносит книги.

Библиотекарь: Заполняйте формуляр. Вот здесь напишите номер билета, а здесь поставьте дату и подпись. Вот ваш контрольный листок и книги.

Читатель: Спасибо.

2. а) Как вы думаете, с какой целью в диалоге 1 используется выражение **если можно** (ведь посетителю уже разрешили подождать на кафедре)?

б) Перечислите все слова из диалога 7, связанные с темой **Библиотека**, и объясните значение этих слов.

2) После материала для наблюдения даётся список интенций и формулировок, реализующих их, с указанием особенностей употребления, стилистических характеристик изучаемых формулировок. Приведём пример такого списка из того же третьего урока.

• *Как сказать о цели своего посещения*

Я хотел бы записаться на экскурсию. (нейтр.-вежливо)

Я хотел записаться на экскурсию. (разг.)

• *Как спросить о том, как вы должны действовать*

Как записаться в библиотеку? (как + инфинитив, нейтр.)

• *Как узнать, к кому /куда обратиться по интересующему вас вопросу*

Где можно сделать ксерокопию? (нейтр.)

К кому мне следует (мне нужно, я должен) обратиться? (офиц.)

Куда мне следует (мне нужно, я должен) обратиться? (офиц.)

• *Как ответить на вопрос о том, к кому (куда) должен обратиться посетитель*

Вам к нотариусу/ в бухгалтерию. (нейтр.)

Вам нужно обратиться к нотариусу (в бухгалтерию). (офиц.)

Вам нужно подойти к секретарю (в бухгалтерию). (с оттенком непринужд.)

• *Как спросить о режиме работы учреждения*

Как работает библиотека? (нейтр.)

По каким дням, в какие часы работает библиотека? (нейтр.)

Как вы работаете? (с оттенком непринужд.)

• *Что сказать, когда вы подаёте сотруднику учреждения свои документы*

Пожалуйста. (нейтрально-вежливо)

3) Далее следуют задания на отработку введённых формулировок. Это могут быть задания восстановить реплику диалога, выразить коммуникативное намерение в заданной ситуации и т.п. Например (фрагмент третьего урока):

3. Восстановите реплики диалогов.

1) *(Посетитель пришёл устраиваться на работу).*

– Здравствуйте. Я хотел поговорить по поводу работы. ___ ?

– Это вам в отдел кадров, второй этаж, комната 210.

2) *(Мать пришла записывать ребёнка в школу).*

– Здравствуйте. Я хотела бы записать ребёнка в школу. ___ ?

– Вам нужно подойти к директору – кабинет 115, прямо по коридору и направо.

3) *(Пациент хочет записаться к врачу, но не знает, как это сделать).*

– ___ ?

– Запись ежедневно в 9.00 в регистратуре.

4) *(Выздоровевшему пациенту нужно поставить печать на справке).*

– ___ ?

– В регистратуре, окно 5.

5) *(В общежитии сломался кран. Студент хочет вызвать слесаря, но не знает, как это сделать).*

– ___ ?

– Оставьте свою заявку в тетради для заявок. Слесарь будет в течение дня.

В случае необходимости отрабатывается не только употребление формулировок в целом, но и употребление отдельных лексических единиц, входящих в их состав. Так, в десятом уроке учащимся напоминаются семантические различия между глаголами *звать*, *называть*, *называться* и даётся несколько упражнений на отработку употребления этих глаголов.

4) Завершают работу творческие задания, предполагающие самостоятельное использование студентами освоенных формулировок-реализаций коммуникативных намерений в новых ситуациях общения (перенос в аналогичные ситуации), при этом в ряде уроков (особенно первых) задача студента облегчается тем, что расписывается сценарий, типичный для заданной ситуации. Вот, например, задание из третьего урока.

4. Разыграйте ситуацию.

Посетитель приходит в учреждение, ему нужно сделать копию документа и заверить её у нотариуса. Он сообщает дежурному о цели своего посещения и спрашивает, куда ему идти (в учреждении много офисов).

Дежурный сообщает, где работает нотариус.

Посетитель уточняет часы работы нотариальной конторы, дежурный отвечает.

Посетитель спрашивает, где можно сделать ксерокопию. Дежурный отвечает.

Посетитель благодарит дежурного.

В последних уроках учебника сценарий должны составить сами учащиеся на основе изученного материала, задаётся только ситуация. Например, в восьмом уроке даётся один из вариантов сценария экскурсии по музею (Оружейная палата): экскурсовод рассказывает об истории создания музея, о его экспонатах, экскурсанты задают вопросы, уточняют информацию, переспрашивают. Далее даётся список актуальных интенций: *Как привлечь внимание к чему-либо. Как уточнить прослушанную (имеющуюся) информацию. Как переспросить, если вы не поняли (не расслышали) сказанное. Как уточнить, правильно ли вы поняли собеседника.* Далее следуют упражнения, имеющие целью научить студентов употреблять интенции в рамках диалогического единства. Затем учащимся предлагается разработать свой вариант сценария экскурсии – теперь это должна быть экскурсия по Алмазному фонду (необходимая информация об этом музее даётся в задании).

Описанный подход к обучению студентов диалогической речи, учитывающий ситуацию общения и акцентирующий

внимание учащихся на способах реализации типичных для данной ситуации интенций, можно назвать интенционно-ситуативным. Авторы учебника полагают, что такая система работы с диалогическим материалом научит студентов правильно разворачивать схему сценария, наполняя её адекватным языковым материалом, выбирать оправданные ситуацией общения стилистические средства, т.е. научит их правильно общаться. Не случайно и рубрика учебника, посвящённая обучению студентов диалогической речи, называется «Учимся общаться».

Литература

- Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. М., 2003.
- Демьянков В.З. Фрейм // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб, 2006.
- Клобукова Л., Михалкина И., Солтановская Т., Хавронина С. Русский язык в деловом общении. Вашингтон, 1997.
- Маркова В.А. Буду работать переводчиком. М., 2009.
- Овсиенко Ю.Г. Русский язык для начинающих. М., 1993.
- Пассов Е.И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея. М, 2006.
- Рассудова О.П., Степанова Л.В. Темп-2. М., 1986.
- Степанова Е.М. и др. Русский язык для всех. М., 1988.
- Университет: Ступень 1: Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов первого года обучения / Красильникова Л.В., Маркова В.А., Балдина Е.В., Евтихиева А.С., Чаплыгина Т.Е.; Под ред. Красильниковой Л.В., Марковой В.А. М., 2011.
- Шляхов В.И. Сценарная основа речевого общения. Технология обучения. М., 2010.

**ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ МЕНТАЛИТЕТА КИТАЙСКИХ
УЧАЩИХСЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ**

За последние годы заметно увеличилось число иностранцев, желающих получить образование в России, среди которых преобладающее большинство – учащиеся из Китая. Так как в языке многое обусловлено национальными традициями, человек ведет себя в соответствии с конкретными культурными нормами, т.е. сохраняет этнокультурные свойства того или иного народа: обычаи, нравы, привычки, поведение. В связи с этим, мы считаем необходимым условием качественного преподавания РКИ китайским студентам – учет этнокультурной специфики учащихся, их этнопсихологических и учебно-познавательных особенностей.

Между русскими и китайцами имеются существенные историко-культурные, психологические и языковые различия. Китайская письменность, в отличие от русской является иероглифической. Иероглифический знак может передавать как звучание отдельных звуков и слогов, так и значение целого слова или понятия. В китайском языке существительные и прилагательные не изменяются (ни по падежам, ни по родам, ни по числам), глаголы не изменяются по категориям лица и числа, а все грамматические изменения выражаются с помощью служебных слов, суффиксов и строгим порядком слов. Фонетическая система китайского языка также принципиально отличается от системы русского языка: различен уклад органов речи, степень напряженности и силы выдоха, поэтому китайским учащимся так трудно воспроизводить многие звуки русского языка.

Китайская методика базируется на письменных аспектах коммуникации и обучения. Чтение и письменная речь стали основой образовательной культуры китайской нации, при обучении родному языку основной акцент делается на овладение грамматикой и изучение большого количества слов. Сложившиеся способы обучения до сих пор актуальны для

китайского образования и без особых трансформаций переносятся на изучение иностранных языков. Некоторые особенности китайской письменности, а именно сложное начертание иероглифов, а также строгий режим и контроль в китайских школах, сформировали такие, ставшие генетическими, черты обучающихся китайцев, как трудолюбие, усердие, усидчивость, послушание, волю. Используя вышеперечисленные качества китайских учащихся, преподаватель РКИ может добиться больших успехов в обучении русскому языку представителей китайского этноса.

К особенностям китайского менталитета относятся такие черты как уважение к старшим, любовь к национальной культуре, истории, традициям, стремление к «сохранению лица», жесткая иерархия и контроль, склонность к монотонному труду, уточнению, детализации, конкретизации; прагматизм как ориентация на полезный результат, а также актуальность конфуцианского принципа самосовершенствования и самообразования личности [Балыхина 2010: 8].

У китайских учащихся определенный, своеобразный тип памяти, эмоций, восприятия, мышления, а также особенные привычки, интересы, склонности, идеалы и ценностные ориентации. Эти факторы функционируют и взаимодействуют в процессе обучения. Также преподавателю при обучении русскому языку важно опираться на развитые и устойчивые стороны этнопсихики китайцев: высокий уровень запоминания большого количества слов, развитую интуицию, зрительный канал восприятия и зрительно-двигательный тип памяти.

Однако, склонные к объемному запоминанию китайские учащиеся испытывают большие трудности при осуществлении устного общения, не готовы проявлять инициативу, самостоятельность мышления, не расположены высказывать собственное мнение, суждение. Они не сразу могут приступить к творческим заданиям, коллективным видам работы, выполнению упражнений за ограниченный период времени. Учёт этих трудностей позволит преподавателю сделать работу в китайской аудитории более гармоничной, мотивированной, осознанной и эффективной.

При обучении китайцев РКИ преподаватели должны учитывать все вышеперечисленные особенности менталитета и лингводидактические традиции Китая, характеризующиеся

приоритетом чтения, грамматики, накопления словаря, системного контроля, последовательно наращивать новые приемы обучения и постепенное замещать учебно-познавательные приемы, характерные для системы китайского образования. Несмотря на ограниченное время, отданное для изучения русского языка на подготовительном факультете, не стоит сразу ломать привычные для китайских учащихся стереотипы обучения, так как это может только навредить обучаемым: сделать их еще более замкнутыми и пассивными и отбить интерес к изучению русского языка; поэтому так важно постепенно формировать привычный для русской методики коммуникативный подход в обучении.

Главная задача преподавателя при обучении китайских учащихся чтению как самостоятельному виду речевой деятельности, особенно в начале обучения: отдавая предпочтение языковым упражнениям, заучиванию языкового материала наизусть, использованию перевода, постепенно одновременно с переводом активизировать и такие способы определения значений незнакомых слов, как поиск синонимов, антонимов, развитие работы с однокоренными словами и обучение приемам языковой и контекстуальной догадки.

Развитие коммуникативной компетенции у иностранных учащихся и формирование языковой картины мира невозможно без использования текста. Текст – это основная коммуникативная единица речевой деятельности. При обучении иностранному языку, текст является не только базой, но и передает информацию о социокультурных особенностях страны изучаемого языка. Первое с чего нужно начинать при обучении чтению, – отбор текстов, к составлению, которых необходимо подходить с большой ответственностью, с учетом современных реалий жизни России, а также менталитета и интереса учащихся.

Современная система обучения диктует создание учебных материалов нового поколения, в которых отражена современная жизнь России, с учетом нового подхода к отбору и составлению текстов, а также интересов современного студенчества.

Нами была проведена большая работа по отбору тематики текстов. Для этого автор провел анкетирование среди китайских студентов, изучающих русский язык в Российском университете Дружбы народов, в Шаньдунском государственном университете и в Харбинском государственном политехническом

университете. Анкета была составлена на китайском языке и включала 10 тем. Общее количество испытуемых составило 150 человек. Целью анкетирования было: выявление интересов китайских учащихся при чтении текстов на русском языке. Анализ результатов анкетирования показал, что помимо интереса к жизни современной российской молодежи, анкетированных интересовали следующие темы: *Спорт. Выдающиеся спортсмены и их достижения; Известные деятели науки и культуры; Ученые и их открытия.* Учитывая интересы китайских учащихся, автором (в соавторстве) готовится к печати учебное пособие для чтения в китайской аудитории «Знаменитые имена России. XXI век», для первого сертификационного уровня. Пособие будет состоять из двух частей: I часть: «Культура. Наука», II часть: «Спорт. Выдающиеся спортсмены». Именно учёт менталитета китайских учащихся отразился на содержательной стороне текстов, отобранных для пособия. Тексты представляют собой биографии современных российских художников, артистов балета, певцов, музыкантов, учёных и спортсменов. Герои (биографий) китайцам должны быть интересны именно своим трудолюбием, упорством, желанием победить, а также приоритетом семейных ценностей. По сути наши «герои XXI века» отвечают характеру китайского менталитета. Текст должен быть доступным по форме и интересным по содержанию для обучаемых, близок их мировосприятию и духовным запросам. Тексты, отобранные по такому принципу, где герой созвучен с китайским пониманием, легче для восприятия и способствуют выведению учащихся на диалог, беседу, развивают коммуникативные навыки.

В качестве учебного текста, в основном, был использован адаптированный текст. Работа с текстом и ее коммуникативный результат обеспечивались системой заданий: предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений. Особое внимание обращалось на составление притекстовых заданий, так как они играют важную роль для развития коммуникативной компетенции. Предтекстовые задания снимают лексические и грамматические трудности, послетекстовые способствуют закреплению нового материала с выходом в речь. Автор солидарен с методистом И.А. Антоновой, что цель языковых и речевых упражнений – развитие репродуктивных и продуктивных навыков и умений в разных видах речевой

деятельности (чтение, письмо, аудирование и говорение) на основе учебного текста [Антонова 2011: 30]. Одним из возможных способов снятия языковых трудностей является учебное комментирование, а также перевод.

Авторы следовали методическому принципу: каждый абзац текста должен содержать «смысловые вехи» – основную информацию абзаца, на которую студент может опираться при составлении плана и для последующего ответа. Важно научить студента более точно искать в тексте опорные слова, позволяющие быстро ориентироваться в содержании читаемого и более точно антиципировать значения слов. При составлении и обработке текста необходимо распределять информацию без логических провалов, пропусков и фактических ошибок. [Большакова 2011: 109]

Итак, чтобы добиться коммуникативной компетенции у китайских учащихся при работе с текстом необходимо:

- учитывать этнокультурную специфику учащихся, их этнопсихологические и учебно-познавательные особенности;
- отбирать тексты и составлять задания к ним с учетом китайского менталитета и лингводидактических традиций Китая;
- идти «от простого к сложному», то есть начинать обучение на основе биографических текстов, далее постепенно переходить к текстам более сложных жанров;
- снимать языковые и смысловые трудности, с помощью различных упражнений и заданий, перевода и комментирования; постоянно вести работу над развитием языковой догадки китайских учащихся, ограничивающей использование словаря.
- постепенно отходить от привычных стереотипов и переходить к коммуникативным заданиям.

Работа над данным пособием, представляется нам очень важной, так как учебников по РКИ, составленных с учетом ментальности китайских учащихся практически не существует. Перспективы продолжения работы в данном направлении достаточно широки, а этноориентированный подход, на который мы опираемся при составлении и отборе текстов, становится необходимым условием качественного преподавания и соответствует новым условиям обучения и требованиям XXI века.

Литература

- Антонова И.А. Текст в коммуникативно ориентированной методике / Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы V Международной научно-практической конференции. М., 2011.
- Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М., 2010.
- Большакова Н.Г. Особенности учебного текста как источника информации в учебнике русского языка для иностранцев / Вестник РУДН // Вопросы образования: языки и специальность № 3. М., 2011.
- Быкова О.П. К вопросу о национально ориентированных учебных пособиях по РКИ для работы в зарубежных вузах / Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы V Международной научно-практической конференции. М., 2011.

**СИСТЕМА РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМОМ
О. БЫЧКОВОЙ «ПЛЮС ОДИН» НА УРОКАХ РКИ С
ИТАЛЬЯНСКИМИ СТУДЕНТАМИ**

Наверняка каждому преподавателю иностранного языка или русского как иностранного доводилось использовать на своих занятиях видеоматериалы. Это могут быть как учебные фильмы, специально разработанные для обучения иностранному языку, так и аутентичные материалы: отрывки телепередач, телерепортажи и, конечно же, документальные и художественные фильмы. В своей статье я подробно остановлюсь на системе работы с художественным фильмом при обучении русскому языку как иностранному на примере системы упражнений к фильму режиссёра Оксаны Бычковой «Плюс один».

Приступая к данной теме, сразу же необходимо определиться, с какой целью Вы используете художественный фильм на занятиях по русскому языку как иностранному. На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Цели могут быть самими разными. Иногда преподаватель хочет познакомить иностранных студентов с особенностями русской культуры, например, с художественным кино. Часто литературные экранизации используются на занятиях по русской литературе для того, чтобы помочь студентам лучше понять прочитанное. «Одним из способов приобщения иностранных учащихся к национальной культуре является просмотр художественного фильма, который представляет собой сложную систему соединения лингвистического и экстралингвистического и обеспечивает обратную связь с эпохой, помогая сохранению исторической памяти.» [Беловодская 2011:57] И всё же главной целью, которую обычно преследует преподаватель РКИ, используя на своих занятиях художественные фильмы, является развитие навыков аудирования, говорения и расширение словарного запаса обучаемых. При этом происходит также процесс приобщения иностранных учащихся к русской национальной культуре. Так, А.А. Беловодская, автор аудиовизуального курса «ЕРАЛАШ»

[Беловодская 2011:49], предлагает развивать следующие аспекты коммуникативной компетенции:

1. навыки аудирования с привлечением простых и небольших по объёму аутентичных видеоматериалов, отражающих живую устную речь;
2. навыки соотнесения воспринимаемого на слух и читаемого текста; успешное нахождение заданной информации в простых текстах повседневного общения;
3. овладение конструкциями живой устной речи, умение их воспроизвести в соответствующей коммуникативной ситуации;
4. овладение элементарной лингвострановедческой информацией, позволяющей правильно интерпретировать тексты в рамках предлагаемых в ходе обучения коммуникативных ситуаций;
5. овладение минимальным набором прецедентных феноменов, широко используемых носителями русского языка в типичных ситуациях повседневного общения и отражающих национально-культурную специфику реального русского общения.

В нашем случае фильм является инструментом, при помощи которого осуществляется процесс обучения. Во-первых, он является образцом аутентичной русской речи, что даёт возможность использовать его в качестве материала для аудирования. Во-вторых, проблемы, затрагиваемые в фильме, могут быть актуальными для данной аудитории и, следовательно, это позволяет обсуждать их в ходе занятия, совершенствуя при этом речевые навыки обучаемых. Кроме того, использование художественного фильма на занятиях по РКИ помогает существенно расширить словарный запас студентов и закрепить уже имеющиеся знания.

Разрабатывая систему упражнений к художественному фильму О. Бычковой «Плюс один» для итальянских студентов, я ставила перед собой следующие цели:

- 1) расширение лексического запаса обучаемых, а также закрепление новой лексики в процессе выполнения языковых и речевых упражнений;
- 2) развитие навыков говорения обучаемых, их умения ориентироваться в таких несложных бытовых ситуациях, как, например, разговор по телефону с коллегой или поход за

покупками, а также их умения грамотно и аргументированно выражать свою точку зрения на русском языке;

- 3) развитие навыков восприятия русской речи на слух;
- 4) закрепление грамматических знаний обучаемых (путём выполнения упражнений на определение вида глагола).

Для достижения этих целей очень важным является правильный выбор фильма для занятий по РКИ. При выборе фильма необходимо учитывать такие факторы, как:

- 1) **его продолжительность;**
- 2) **тематика и актуальность проблем, затрагиваемых в фильме** (важно, чтобы фильм соответствовал интересам данной аудитории);
- 3) **национальные, культурные и религиозные особенности аудитории** (так, например, не стоит показывать фильмы, оскорбляющие патриотические чувства того или иного народа и т.п.);
- 4) **используемая в фильме лексика** (в фильме не должно использоваться слишком много архаической или профессиональной лексики, так как это затрудняет процесс понимания просмотренного);
- 5) **дикция актёров** (действующие лица не должны говорить слишком быстро, следует выбирать такие фильмы, в которых актёры говорят громко, чётко и понятно).

Кроме того, как утверждает В.М. Касьянова, при выборе фильма для показа в иностранной аудитории большую роль играет не только занимательность сюжета, но и отражение в фильме социокультурной информации, раскрывающей жизнь этноса в конкретном временном отрезке. [Касьянова 2011: 127]

При выборе художественного фильма для работы с итальянской аудиторией я старалась учитывать эти факторы. Я обратилась к фильму «Плюс один» по нескольким причинам. Во-первых, его продолжительность составляет всего восемьдесят девять минут. Во-вторых, это – красивая история любви русской девушки к молодому английскому кукольнику. Такой сюжет очень актуален для студенческой аудитории, так как герои фильма близки по возрасту обучаемым и имеют схожие интересы и проблемы. При этом важно отметить то, что фильм «Плюс один» является достаточно новым (он был снят в 2008 году) и ярко отражает современную российскую действительность. В

данном фильме не используются устаревшие слова и выражения, речь актёров доступна и проста для понимания.

Как уже было сказано выше, при работе с художественным фильмом на занятиях по РКИ необходимо учитывать уровень владения языком обучаемых. При составлении системы упражнений к фильму «Плюс один», в качестве целевой аудитории я выбрала итальянских студентов, владеющих русским языком в объёме первого сертификационного уровня (B1). На этом уровне студенты уже обладают базовыми знаниями и готовы к аудированию и обсуждению проблем, затрагиваемых в таких несложных фильмах, как «Плюс один».

При работе с фильмом «Плюс один» я условно разделила его на пять приблизительно равных по продолжительности отрывков (15-20 минут каждый), к каждому из которых составила упражнения. Как пишут Г.М. Левина и Е.Ю. Николенко, учебные задания преследуют две цели: закреплять лексику и грамматические формы, формировать навыки построения собственного высказывания. [Левина, Николенко 2005: 75] Каждый отрывок также делится на ещё более мелкие единицы – фрагменты. Предполагается, что на каждом занятии будет просмотрено по одному отрывку, а также будут выполнены языковые и речевые упражнения к нему. Таким образом, вся работа с фильмом включает в себя шесть занятий, последнее из которых является заключительным. На нём студентам предлагается целиком посмотреть весь фильм без использования субтитров и монтажной записи, чего принципиально не следует допускать на первом занятии для того, чтобы сохранить интригу каждого отрывка, а, следовательно, новизну каждого последующего занятия. После просмотра всего фильма студентам предлагается написать сочинение по одной из предложенных тем. (Впрочем, последнее задание может быть выполнено дома.) Сейчас мне хотелось бы подробнее остановиться непосредственно на системе упражнений к фильму.

На каждом из пяти основных этапов работы с фильмом обучаемым предлагается выполнить аналогичные упражнения. Каждое из этих пяти занятий строится по следующему принципу:

1. Выполнение упражнений перед просмотром отрывка.
2. Непосредственно просмотр.
3. Выполнение упражнений после просмотра.

Основной задачей упражнений перед просмотром каждого отрывка является облегчение просмотра, а именно, снятие основных языковых трудностей. Перед просмотром отрывка необходимо объяснить студентам значения незнакомых слов, которые будут использованы героями фильма, а также некоторые культурные или исторические особенности, которые могут представлять сложность для обучаемых.

Прежде всего, аудитории предлагается ответить на несколько вопросов по теме, которая будет затронута в данном отрывке. Например:

1. *Вам когда-нибудь доводилось бывать в кукольном театре? Расскажите о своих впечатлениях.*
2. *Что Вам известно о профессии «актёр кукольного театра»? С чем у вас ассоциируется слово «кукольник» (*il buratinaio*)?*
3. *Какими качествами, по-вашему, должен обладать творческий человек?*

Это задание даёт студентам возможность настроиться на просмотр данного отрывка, а преподавателю – распознать основные трудности, с которыми могут столкнуться его студенты при дальнейшей работе с фильмом. На итальянский язык переводятся только некоторые слова, которые могут представлять сложность для аудитории, как, например, слово «кукольник» (*il buratinaio*). На обсуждение предлагаемых в этом задании вопросов предполагается отвести не более 15 минут.

После работы с вводными вопросами начинаются упражнения, задача которых – снятие большей части лексических трудностей, которые могут возникнуть в процессе просмотра отрывка, и расширение языкового запаса студентов. Условно незнакомую или частично знакомую лексику можно разделить на две группы. В первую группу войдут слова и выражения, которые чаще используются в речи носителей языка и должны перейти в активный словарь обучаемых, поэтому их значения будут даны в упражнениях перед просмотром. Во вторую группу, напротив, войдёт пассивная лексика, знание которой необходимо обучаемым только для понимания данного фильма, поэтому её перевод даётся непосредственно в монтажной записи фильма, заглянуть в которую студентам будет предложено после первого просмотра отрывка.

Итак, в упражнениях перед просмотром отрывка мы работаем только с первой группой лексики. Сначала

предполагается разъяснить обучаемым все основные значения многозначных слов, которые могут вызвать у них наибольшие трудности, а для закрепления усвоенного материала им предлагается самим составить предложения с этими словами. При работе с незнакомой или представляющей трудности лексикой на данном этапе обучения РКИ необходима опора на родной язык обучаемых (в данном случае, итальянский), что делает процесс обучения быстрее и эффективнее.

Запомните значения слов:

1). *Халтура:*

1. *Un lavoro abborracciato.*

Перестань заниматься халтурой!

2. *Una cosa abborracciata/una cosa fatta coi piedi.*

Этот роман – настоящая халтура!

3. *Un lavoro accessorio.*

Вернувшись в город, дядя Вася принялся искать себе халтуру.

2). *Клеиться:*

1. *Incollarsi.*

Обои легко клеятся.

2. *Riuscire.*

Телефонный разговор не клеился.

3. *Flirtare.*

Саша клеился к Люде на протяжении всего вечера.

Придумайте предложения с этими словами.

За этим упражнением следует этап работы с лексикой, уже частично знакомой аудитории. Предполагается только её закрепление и выявление возможных трудностей. Студентам предлагается самостоятельно соединить русские слова с их итальянским переводом, а затем проверить правильность выполнения этого задания в аудитории.

Соедините русские слова с их итальянским переводом.

грузовик	→	dettagliato
срочно		spaventare
в первый раз		l'autocarro
переводчик/переводчица		l'orario
экскурсовод		la ricevuta
участник/участница		spaventare
расписание		sedurre

подробный	somigliare a
смущаться/смутиться	la bellezza
располагаться/расположиться	accuratamente
заезжать/заехать <i>за кем-либо</i>	la guida
прекращать/прекратить	confondersi
на память	toccare
красавица	perdersi
быть похожим на	passare a prendere
квитанция	vendere
уничтожать/уничтожить	smarrirsi
теряться/потеряться	urgentemente
пугать/напугать	il traduttore/la traduttrice
соблазнять/соблазнить	alla memoria
отрабатывать/отработать	a prima volta
тщательно	stare bene
трогать, прикасаться	distuggere
растеряться	stabilirsi, disporsi
идти <i>кому-либо</i>	perfezionare
продавать/продать	il/la partecipante

На упражнения по работе с лексикой перед просмотром отрывка предполагается затратить не более 15-20 минут, причём только на первом занятии. Упражнения перед просмотром последующих четырёх отрывков планируется давать студентам в качестве домашнего задания. Таким образом, это сократит время, затрачиваемое на работу с незнакомой или представляющей трудности лексикой в аудитории. На проверку выполнения этих упражнений предполагается затрачивать не более 5 минут.

За выполнением упражнений перед просмотром отрывка следует непосредственно сам просмотр. Студентам предлагается дважды посмотреть отрывок. После первого просмотра при наличии трудностей им разрешается воспользоваться монтажной записью фильма или задать вопросы преподавателю, после чего наступает второй просмотр. Специфика видеовосприятия, опирающегося на взаимодействие зрительного и слухового каналов, проявляется в том, что зрительно-образное восприятие информации опережает вербальное восприятие. В результате этого зрительно-ситуативная семантизация воспринимаемой лексики опережает усвоение языковой формы, то есть

языковая/речевая форма как бы «накладывается» на уже воспринятый смысл/значение. [Левина, Николенко 2005:77]

После второго просмотра отрывка планируется перейти к выполнению второй части заданий – упражнений после просмотра. Это необходимо не только для контроля понимания просмотренного отрывка, но и для закрепления и выведения в активный словарный запас новой лексики и развития навыков говорения.

Прежде всего студентам предлагается ответить на вопросы по содержанию просмотренного отрывка. При этом они могут носить самый разнообразный характер. Это могут быть не только вопросы, контролирующие понимание просмотренного отрывка, но и предлагающие студентам высказать их собственные предположения относительно некоторых деталей отрывка, намерений героев, оценить их поступки, а также выразить собственную позицию в подобной ситуации.

Ответьте на вопросы по содержанию отрывка:

- 1) *Где и с кем живёт Маша? Кем она работает? Как вы думаете, сколько ей лет?*
- 2) *Кто звонит Маше? Что ей предлагают?*
- 3) *Почему Том приезжает в Москву? Кем он работает? Как вы думаете, сколько лет Тому?*
- 4) *Кто лучший друг Тома? Что вы можете о нём рассказать?*
- 5) *Какие чувства у вас вызывает Том? (Симпатию, удивление и т.д.) Его поведение не кажется вам немного странным?*
- 6) *Как вы думаете, Маша нравится Тому?*
- 7) *Как вы думаете, почему Маша не хочет фотографироваться с артистами на улице?*
- 8) *О чём водитель разговаривает с Томом? У водителя есть семья? А у Тома?*

Целью этих вопросов является не только проверка адекватности восприятия просмотренного отрывка, но и умения выразить и обосновать свою собственную точку зрения на русском языке, поэтому некоторые вопросы носят полемический характер. На это задание предполагается затратить 15-20 минут. Эти вопросы можно считать своего рода разминкой перед более ответственными упражнениями на развитие речевых навыков. После вопросов на понимание содержания просмотренного отрывка следуют задания более творческого характера. Например, студентам может быть предложено описать внешность

или характер того или иного героя, используя как можно больше прилагательных, или обсудить такую важную проблему, как, например, борьба против курения в Италии и России. После этого следует упражнение-ситуация. В данном случае обучаемым предлагается определённая ситуация, аналогичная той, которая уже была показана в фильме, опорная лексика и некоторое время на подготовку (около 5-7 минут), после чего требуется разыграть эту ситуацию в аудитории. Например:

Представьте, что Вы хотите купить коробку конфет/банку кофе. Разыграйте в группе диалог между продавцом и покупателем.

Вам помогут выражения:

Не подскажете.../Скажите, пожалуйста... – Potrebbe dirmi...

У Вас есть.../?Здесь можно купить..? – Lei ha.../?Qui si può comprare..?

Мне бы хотелось купить... – Vorrei comprare...

Извините, Вы не покажете../?Извините, Вы не могли бы показать мне..?- Scusi, potrebbe farmi vedere...?

Сколько стоит..? – Quanto costa..?

Извините, мне не хватает десяти рублей. – Scusi, mi mancano dieci rubli.

Возьмите сдачу. – Prende il resto.

После этого этапа обучаемым предлагается перевести на русский язык несколько итальянских предложений, включающих использованную в ходе занятия лексику. В целях экономии времени можно давать это задание студентам на дом и потом проверять устно на следующем занятии.

Переведите на русский язык предложения:

- 1) Scusi, ho confuso il piano.
- 2) Perché lei non mi saluta mai? Lei fa finta di non vedermi!
- 3) Permettetemi di presentarvi Digghi. Noi lavoriamo insieme. Anche lui partecipererà al nostro seminario.
- 4) Ho lasciato il mio borsellino all'albergo. Potresti pagare per me?
- 5) Non si può trattare niente sul serio. È nocivo alla salute.
- 6) Potresti fare da traduttrice al mio collega?
- 7) Potrebbe dirmi dove si può comprare le sigaratte?
- 8) Lei può cambiare la traduttrice se ritiene che io non sia competente.
- 9) Perché bisogna rovinare sempre tutto?

10) Non battere la fiacca fino all'esame!

При работе с некоторыми отрывками студентам также предлагается отключить звук и озвучить по ролям некоторые фрагменты, стараясь при этом не использовать субтитры, но использование данного вида работы можно считать эффективным только в группах с высоким уровнем владения русским языком. Кроме лексических упражнений, я включила в систему упражнений к фильму «Плюс один» дополнительные грамматические упражнения на определение вида глагола, так как на этом участке системы русского языка иностранцы делают огромное количество ошибок даже на самых продвинутых этапах изучения русского языка. (В этом задании используются только те глаголы, которые упоминались в фильме и значение которых знакомо студентам.) Это задание нужно для закрепления уже имеющихся грамматических знаний на примерах.

Вставьте вместо пропусков нужный глагол в соответствующей форме.

1) *Шутить/пошутить:*

Дядя Витя часто _____ с нами в детстве.

Как ты думаешь, это – правда? – Нет, он

_____.

2) *Целовать/поцеловать:*

Можно мне тебя _____?

Вера всегда _____ мужа, когда он
возвращался домой.

3) *Обнимать/обнять:*

Джакомо мечтал снова _____ старого друга.

Синьор Поркетти редко _____ своего сына.

Как уже говорилось ранее, на заключительном, шестом, занятии аудитории предлагается посмотреть весь фильм полностью, не заглядывая при этом в монтажную запись фильма. Формой контроля по данному курсу занятий является написание развёрнутого высказывания по одной из перечисленных ниже тем:

1) Мой любимый персонаж фильма «Плюс один».

- 2) Образ (il personaggio) Маши в начале и в конце фильма «Плюс один».
- 3) Мистер Гринвуд: кто он? Негодяй (un mascalzone) или добрый волшебник (un mago buono)?
- 4) Любовь и предательство (il tradimento, l'adulterio) в фильме «Плюс один».
- 5) «Ни к чему нельзя относиться серьёзно. Это опасно для здоровья.» Моё мнение по этому поводу.

Предполагается, что каждое сочинение будет состоять из 10-15 предложений, но допускается также большой объём. При желании возможна корректировка темы самими студентами. Они могут предложить также свою собственную тему сочинения.

Итак, использование художественных фильмов играет большую роль при обучении РКИ, т.к.:

- - даёт возможность работать с аутентичными материалами;
- - развивает навыки аудирования;
- - расширяет словарный запас обучаемых за счёт часто употребляемой в речи носителей языка лексики;
- - даёт возможность использовать в устной и письменной речи ранее изученные лексические и грамматические конструкции при выполнении упражнений;
- - развивает навыки подробного изложения своей точки зрения на русском языке;
- - развивает межкультурную компетенцию обучаемых;
- - делает занятия по русскому языку ярче, нагляднее и увлекательнее.

Литература

Беловодская А.А. «Russian Eralash: Аудиовизуальный курс русского языка» //«Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы 5 международной научно-практической конференции 24-26 ноября 2011 года.» М., 2011.

Касьянова В.М. «Социокультурная информативность кинотекста» //«Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы 5 международной научно-практической конференции 24-26 ноября 2011 года» М., 2011.

Левина Г.М., Николенко Е.Ю. «Учебный видеофильм как вид лексико-грамматического тренажёра на начальном этапе обучения» // «Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля.» Выпуск 2. М., 2005

Николенко Е.Ю. «Разница в методических подходах при обучении РКИ на базовом и первом сертификационном уровнях» // «Мир русского слова», 2004, №4.

К ПОНЯТИЮ «ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»

В настоящее время в методике преподавания иностранных языков активно используется понятие *вторичная языковая личность* (далее – ВТЯЛ), которому посвящены, в частности, следующие работы: Гальскова Н.Д., Гез Н.И. «Вторичная языковая личность: цель и результат обучения иностранным языкам» (гл. из учебного пособия «Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика»), Хитрик К.Н. «Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе», Мамонтова Н.А «Онтогенез вторичной языковой личности», Осиянова О.М. «Языковая личность XXI века: проблемы и перспективы», Шашлова Г.С. «Теоретико-познавательные и методологические аспекты проблемы вторичной языковой личности», Блинова С.Г., Цветкова Т.К. «Проблема формирования билингвального сознания в лингвистике и лингводидактике», С.М. Андреева «Современные подходы к изучению феномена «Языковая личность», Урханова Р.А. «Русская литература и проблемы формирования вторичной языковой личности», Хлызова Н.Ю., «Языковая учебная группа как среда формирования вторичной языковой личности», Кикава О. «Формирование вторичной языковой личности у грузинской молодежи и тексты русской литературы» и др.

Возникновение понятия ВТЯЛ является непосредственным следствием развития концепции языковой личности (ЯЛ). Это понятие ввел в отечественную лингвистику В.В. Виноградов (работа «О языке художественной прозы»). О появлении же концепции ЯЛ можно говорить в связи с выходом в свет монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987 г.). Предложенная автором модель ЯЛ оказалась такой востребованной в лингводидактике, что на сегодняшний день уже можно говорить о целом научном направлении – лингвоперсоналогии, включающем в себя следующие аспекты исследования: речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова),

коммуникативная личность (В.В. Красных), словарная ЯЛ (В.И. Карасик), эмоциональная ЯЛ (В.И. Шаховский), диалектная ЯЛ, полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная ЯЛ (Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина), семиологическая личность (А.Г. Баранов) и пр. В частности, из-за такого разнообразия терминов и подходов существующее в лингвистике и лингводидактике соотношение понятий *первичная языковая личность*, *вторичная языковая личность* и *национальная языковая личность*, так же как определения самой ЯЛ, представляется сегодня достаточно дискутируемой и сложной темой – происходит «неизбежное терминологическое, понятийное усложнение ситуации» (см. [Клобукова 1997]).

Целью данной статьи является конкретизация термина *вторичная языковая личность* и рассмотрение его с точки зрения различных аспектов преподавания РКИ.

Анализируя речь человека, мы можем сделать определенные выводы о его личностных особенностях, причем как индивидуальных, так и коллективных, поскольку в речи каждого человека выделяются общие для всего его окружения элементы. Идея характеристики человека через произведенные им тексты и лежит в основе концепции ЯЛ. Исторически эта концепция связана с некоторыми положениями лингвистического детерминизма, т. е. идеи о том, что не только образ мышления человека и способ членения им действительности формирует систему языка, но и сам язык определяет сознание и мышление его пользователя (впервые об этом стали говорить Вильгельм фон Гумбольдт, Й.Л. Вайсгербер, Г. Штейнталь, В. Вундт, Бодуэн де Куртене и др.).

Мы находимся в состоянии постоянного взаимодействия с языком, именно поэтому анализ языковых средств, в первую очередь лексических, является ключом к изучению индивидуального и коллективного в нашем сознании, к изучению национальной языковой картины мира (НЯКМ) и, следовательно, важным инструментом в изучении языка с целью преподавания его в иностранной аудитории.

С этой точки зрения увлеченность современной лингвистики и лингводидактики концепцией ЯЛ и ВтЯЛ является

положительным фактором, свидетельствующим о переходе от изучения языка как системно-структурного образования к антропоцентрическому подходу. С другой стороны, многие современные авторы все чаще обращаются к терминам ЯЛ и ВТЯЛ лишь как к неким научным штампам, применяя их в традиционных методических исследованиях, что, безусловно, опустошает и обесмысливает сами эти понятия.

Термин «вторичная языковая личность» впервые использовала в 1990-х гг. И.И. Халеева, связав концепцию ЯЛ Ю.Н. Караулова с процессом обучения иностранному языку. «Переводя язык в статус «не-чужого», мы ставим задачу формирования в профессиональном лингвисте черт вторичной языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация» [Халеева 1995: 278].

В настоящее время формирование ВТЯЛ уже считается стратегической целью обучения иностранному языку и критерием его эффективности. «Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [Гальскова, Гез 2004: 65].

Что касается методов формирования ЯЛ, то они сводятся к тому, что «формирование вторичной языковой личности самым тесным образом связано с привитием учащемуся особой перцептивной способности постигать иную ментальность, иную стратегию и тактику жизни, а значит, иной способ осмысления информации, затрагивающий любые стороны этой жизни» (И.И. Халеева), «вторичная языковая личность формируется путем приобщения к русскому языку» (Р.А. Урханова), «вторичная языковая личность – это не просто ассимиляция вербально-семантического кода, это аккомодация собственного языкового сознания, расширение его, включение в него новых связей и отношений, присущих изучаемому иностранному языку» (Е. Шепунова), «преподавание русской литературы в рамках РКИ <...> напрямую способствует успешному формированию вторичной языковой личности» (О. Кикаво), «главным признаком вторичной языковой личности является наличие языкового

сознания (представлений, закрепленных во втором языке) и языкового самосознания (способности произвести собственную оценку текстов на иностранном языке» (Г.С. Шашлова) и т. п. Нам представляется, что необходимо задаться вопросом, в чем же заключается практическая значимость вышесказанного, т. е. что нового для совершенствования процесса обучения иностранному языку дает такое понимание ВтяЛ.

По своему содержанию понятие ВтяЛ очень близко понятию ЯЛ, разработанному Ю.Н. Карауловым. Исходя из его представлений, мы подразумеваем под ЯЛ генетически обусловленную предрасположенность к созданию и манипулированию знаковыми системами, т. е. ЯЛ есть многокомпонентный набор языковых способностей и готовностей к осуществлению речевой деятельности (см. [Караулов 2010]). В зависимости от целей исследования содержание понятия ЯЛ может варьироваться от «типового представителя данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива» до «представителя человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является способность к использованию знаковых систем» (см. [Ружицкий 2009]).

ЯЛ включает три уровня: лексикон, тезаурус и прагматикон, каждый из которых характеризуется набором единиц, отношений и стереотипных объединений. Лексикон ЯЛ – это уровень обычной языковой семантики, смысловых связей слов. Для носителя языка он предполагает определенную степень владения обыденным языком, для его исследователя – традиционное описание формальных средств выражения значений. В основе лексического значения единиц этого уровня – денотативно-сигнификативный компонент, который связывает знак с предметом действительности. Отношения между словами охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических связей, которые образуют достаточно устойчивую систему – ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ. В качестве стереотипов на этом уровне выступают стандартные словосочетания и модели предложений (*пойти в кино, любить цветы, купить хлеба*). Лексикон формирует словарный запас ЯЛ, поэтому уже на данном уровне мы можем говорить о таких характеристиках ЯЛ, как, например, «богатый или бедный словарный запас».

Когнитивный уровень – это система ценностей и смыслов. Этот уровень устройства ЯЛ и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам изучения человека. Единицами этого уровня являются более абстрактные (по сравнению с первым уровнем ЯЛ) понятия и идеи. Они складываются у каждой ЯЛ в картину мира, отражающую ее иерархию ценностей. На этом уровне семантика размывается, и на первое место выходит образ, возникающий не в семантике, а в системе знаний. Знание в языке может выражаться различными типами когнем (термин предложен Ю.Н. Карауловым). В аспекте обучения РКИ наиболее важными представляются такие когнемы, как *метафора*, *концепт*, *фрейм*, *идиома*, *прецедентный текст* (ПТ). Существует множество определений этих терминов, однако мы будем анализировать когнемы в первую очередь с точки зрения представленного ими способа хранения знаний. Так, например, *концепт* рассматривается как культурно значимое понятие. Он отражает некий фрагмент действительности и поэтому всегда представляет собой некий свернутый микротекст энциклопедического характера. По своей природе концепт предполагает два связанных процесса: с помощью концепта культура входит в ментальный мир человека, и человек сам входит в культуру. Способность концепта быть пучком представлений, понятий, знаний именно национального сознания обуславливает необходимость включения его в процесс обучения языку. Любой концепт возникает в процессе структурирования информации, поэтому совокупность концептов формирует ценностно-иерархизированное дерево тезауруса ЯЛ. Примеры концептов, которые неоднократно попадали в исследовательское поле: *лень*, *счастье*, *судьба*, *грех*, *истина/правда*, *воля*, *тоска*, *любовь* и др. В современной лингвистике концепт является «зонтиковым понятием», так как покрывает предметные области многих научных направлений и, соответственно, интерпретируется различными способами. Об этом, в частности, свидетельствует терминологическая парадигма концепт (Ю.Н. Степанов, Н.Д. Арутюнова), логэпистема (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова), лингвокультурема (В.В. Воробьев), ключевое слово культуры (А. Вежбицкая). В

целях описания лингводидактической модели ЯЛ мы будем использовать термин концепт и понимать под ним только вербализованные единицы когнитивного уровня ЯЛ, составляющие понятийную сферу языка.

Другая когнема – фрейм трактуется как совокупность данных, необходимых для представления определенной стереотипной ситуации (см. [Минский 1979]). Примеры фреймов: завтракать, поездка в метро, ехать на поезде, сдача экзаменов, запись в библиотеку майский шашлык, мыться в бане, топить печь, праздновать Пасху, печь блины, ходить на Ёлку, получить инвалидность, отдыхать в санатории, сидеть за праздничным столом. Концепт – это некоторое понятие, а фрейм – единица знаний, организованная вокруг этого понятия, т. е. концепт составляет ядро фрейма. Понимание фрейма иностранными учащимися проверяется методом задавания вопросов относительно некоторой ситуации: кто и каким образом осуществляет действие, какова цель и каковы последствия действия, на кого это действие влияет и т. д. При этом знание ответов на такого рода вопросы предполагает адекватное поведение говорящего, оказавшегося в подобной ситуации в реальности. Изучение фреймов, несомненно, является одним из условий формирования у иностранных учащихся коммуникативной компетенции. Распознавание фреймов позволяет читателю связывать фрагменты текста между собой и прогнозировать развитие сюжета. Фрейм, так же как и концепт, формирует национальную языковую картину мира (НЯКМ), поскольку конкретизирует, что в данной культуре типично, а что – нет.

Кроме того, к когнитивному уровню относятся вообще все единицы языка, связанные с хранением знаний, – *топонимы, онимы, товарные знаки, историзмы, безэквивалентная лексика*, а также такой тип когнемы, как *мнема* (см. [Ружицкий 2006]). Единицы тезауруса, так же как и единицы лексикона, складываются в определенную сеть – семантические поля. В их основе – подчинительно-координативные отношения. В качестве стереотипов когнитивного уровня ЯЛ выступают *генерализованные высказывания* (ГВ) – общезначимые изречения, содержащие относительно простые житейские правила, формулы поведения и оценки, отражающие естественные нормы здравого смысла и базовые понятия НЯКМ: *половицы, афоризмы,*

сентенции, речевые штампы, клише и др. Примеры ГВ: Кому много дано, тот не может быть счастлив; Нельзя быть эгоистом; Кесарю – кесарево; Что в лоб, что по лбу; Знание – сила; Каждый понимает в меру своей испорченности; Краткость – сестра таланта. Включение перечисленных стереотипов когнитивного уровня ЯЛ в программу обучения иностранных учащихся русскому языку является важнейшим условием формирования способности, «осмысляя создавшуюся ситуацию, подвести итог разным аспектам размышлений, и, связывая воедино несколько узловых центров своего тезауруса-мира, формулировать те или иные обобщающие выводы» [Караулов 2006: 134].

Прагматикон ЯЛ обеспечивает переход от речевой деятельности к осмыслению деятельности реальной, которая и является конечной целью общения – т. е. выражает интенции говорящего, вследствие чего единицы этого уровня формируют сеть коммуникативных потребностей. Это оценочные и экспрессивные суждения, представления о цели и смысле жизни. Они достаточно сложны для классификации, так как могут быть эксплицированы в достаточно сложных языковых единицах (междометия, модальные частицы и др.), или выражаться в подтексте (языковая игра, банальности, ПТ), посредством разговорных интонаций или стилизации, эксплицироваться только на уровне целого текста (композиция, мена точек зрения).

Лексикон, тезаурус и прагматикон формируют довольно четкую структуру ЯЛ. Каждый уровень характеризуется своим набором единиц, отношений и стереотипных объединений. При этом нельзя забывать, что ЯЛ – это открытая система. Ю.Н. Караулов в своих работах неоднократно подчеркивает, что предложенная модель является «принципиально незавершенной, способной к умножению своих составляющих» [Караулов 2010: 65]. Другая особенность этой системы – взаимосвязанность уровней. «Адекватность понимания определенной единицы текста может рассматриваться как с точки зрения ее семантики, так и в связи с ее когнитивным потенциалом, а также эмоционально-оценочной окрашенностью» – в зависимости от цели позиции исследователя (см. [Ружицкий 2009]). Так, например, ПТ формируются внутри вербально-семантического и когнитивного уровней. Их понимание невозможно без знания соответствующих лексических единиц. Однако функционируют они на

мотивационном уровне, так как являются символом некоторой жизненной ситуации – ее фиксации (*С корабля на бал*) или оценки (*Может быть, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?*). Более того, мотивационный уровень оказывается распыленным по всей структуре ЯЛ, так как интенции пронизывают все уровни ЯЛ.

Возвращаясь к вопросу о продуктивных способах представления ЯЛ в связи с обучением языку, отметим, что, с нашей точки зрения, существуют лишь косвенные свидетельства применения модели ЯЛ в лингводидактике. Так, например, в связи с трехуровневой организацией ЯЛ в структуре процесса понимания различают понимание смысла слов и их соединения на вербально-семантическом уровне, понимание концепции текста и понимание замысла автора. Соответственно, в лингводидактике различают слова, текст и подтекст (см., напр., [Гореликова, Магомедова 1983]). При этом в качестве объектов изучения выделяются слова, понятия и деятельностно-коммуникативные потребности. В схеме смыслового восприятия это побуждающий, формирующий и реализующий уровни.

В основе концепции ЯЛ лежит коммуникативно-деятельностный подход. Единицы каждого уровня значимы только с точки зрения того, какие речевые готовности они обеспечивают. Лексикон ЯЛ образует словарный запас говорящего, и сформированность этого уровня предполагает умение осуществить адекватный выбор языковых средств. Кроме того, на базе лексикона формируются элементарные правила русского языка, позволяющие строить словосочетания, соответствующие языковой норме. Владение тезаурусом обеспечивает умение определять тему высказывания, выражать свое мнение, готовность пользоваться внутренней речью, готовность производить и воспроизводить генерализованные высказывания и т. д. Прагматикон отвечает за коммуникативные потребности, за соответствие выбранных языковых средств условиям коммуникации, за использование подязыков и регистров, за идентификацию банальностей и языковой игры, за прочтение подтекста. Если провести параллель с видами компетенций определяемыми в методике РКИ, то лексикон будет обеспечивать языковую и дискурсивную, тезаурус – социокультурную (распознавание социокультурного контекста), страноведческую и предметную, прагматикон – иллюкутивную

(т. е. выражение говорящим различных интенций) и стратегическую компетенции.

Важной составляющей модели ЯЛ является выделение в ее структуре инвариантной и вариативной частей. Инвариантная часть – это неизменные, обладающие высокой устойчивостью к вариациям общие для всех русских смыслы, т. е. типологические черты ЯЛ. Вариативная часть, напротив, может относиться к определенному периоду и утрачиваться со временем, становиться неактуальной для НЯКМ, или относиться к узкому языковому сообществу, определять лишь индивидуальные способы создания эстетической и эмоциональной окраски речи. По словам Л.В. Щербы, вариативным является подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, то, что «не находит отклика и безвозвратно гибнет» [Щерба 1974: 27]. В процессе обучения русскому языку учащийся усваивает в первую очередь инвариантную часть русской ЯЛ. Для вербально-семантического уровня ЯЛ это будет общерусский языковой тип и устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций. Под общерусским языковым типом понимается концепция родного языка, то, каким мы привыкли его видеть. Сформированность общерусского языкового типа позволяет человеку идентифицировать отклонения от нормы, акцент в речи иностранца или разобрать детскую речь, не достигшую еще уровня литературного языка. «Между тем весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой «так не говорят» [Щерба 1974: 29], т. е. отрицательный языковой материал. Так, например, в результате анализа отрицательного материала выявляется, что данная система включает знание о том, что «согласование в числе при сочетаниях имени с прилагательным и глаголом не знает исключений; с предлогом употребляется только косвенный падеж или винительный падеж; способы отрицания имеют четко ограниченные и строго соблюдаемые формы выражения» и др. [Караулов 2010: 148]. Кроме того, намеренные отклонения от нормы (прежде всего, это случаи языковой игры), свидетельствуют о вариативной части ЯЛ.

Для тезауруса инвариантную часть составляет базовая часть картины мира – узловые соединения в иерархической системе ценностей и смыслов русского человека. Для прагматикона – устойчивые коммуникативные потребности и

готовности, свидетельствующие о типологических особенностях речевого поведения.

Инвариантные смыслы ЯЛ, или «психоглоссы» русской ЯЛ, могут являться ориентиром при составлении лексических минимумов и государственных стандартов по РКИ. Например, на базовом уровне владения языком в области диалогической речи учащийся должен уметь понимать высказывание собеседника и определять его коммуникативные намерения, адекватно реагировать на реплики собеседника и выражать свои коммуникативные намерения (см. [Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень 2001]). Перечисленные умения напрямую связаны с сформированностью вербально-семантического и мотивационного уровней ЯЛ. Отметим, что готовностная модель ЯЛ, предложенная Ю.Н. Карауловым, не представляет законченной системы, так как набор готовностей определяется социальными условиями и соответствующими ролями ЯЛ. Список готовностей видоизменяется в зависимости от уровня владения языком и профиля обучения иностранного учащегося. В среде носителей языка эти готовности формируются в процессе всего школьного обучения, результаты которого должны отражать: (1) сформированность коммуникативной иноязычной компетенции, необходимой для успешной социализации; (2) владение знаниями о социокультурной специфике страны/стран изучаемого языка и умение строить свое речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике; умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны/стран изучаемого языка; (3) достижение порогового уровня владения иностранным языком, позволяющего выпускникам общаться в устной и письменной формах как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, использующими данный язык как средство межличностного и межкультурного общения; (4) сформированность умения использовать иностранный язык как средство для получения информации из иноязычных источников в образовательных и самообразовательных целях; (5) сформированность представлений о языке как многофункциональной развивающейся системе; о стилистических ресурсах языка; (6) владение знаниями о языковой норме, ее функциях и вариантах; о нормах речевого поведения в различных сферах и ситуациях общения; (7)

владение умениями анализировать единицы различных языковых уровней, а также языковые явления и факты, допускающие неоднозначную интерпретацию; (8) понимание и осмысленное использование понятийного аппарата современного литературоведения в процессе чтения и интерпретации художественных произведений; (9) владение навыками комплексного филологического анализа художественного текста (в том числе новинок современной отечественной и мировой литературы); (10) сформированность представлений о системе стилей художественной литературы разных эпох, литературных направлениях, об индивидуальном авторском стиле; (11) умение оценивать художественную интерпретацию литературного произведения представителями других видов искусства (графика и живопись, театр, кино, музыка); (12) знание содержания произведений классической и современной литературы, их историко-культурного и нравственно-ценностного влияния на формирование национальной и мировой культуры (см. [Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Среднее (полное) общее образование]). Несмотря на то, что набор речевых готовностей двуязычных личностей отличается от готовностей одноязычного человека, данные требования могут дополнить готовностную модель ЯЛ изучающего второй язык на соответствующем этапе.

Из вышесказанного очевидно, что концепция ЯЛ с самого начала ее возникновения имела лингводидактическую направленность, и теория ВтЯЛ является закономерным развитием предложенной Ю.Н. Карауловым модели. Тем не менее, существующее в лингводидактике определение ВтЯЛ, которое сводится к тому, что ВтЯЛ – это способность к адекватному общению на межкультурном уровне, свидетельствует об очевидном сужении данного понятия. По сути, это определение отражает задачи обучения иностранному языку, но практически не может быть удовлетворительным, так как *способность* – лишь одно из проявлений ЯЛ, ведь недостаточно просто назвать цель, но надо еще указать на средства ее достижения. Если человек учит иностранный язык, он, очевидно, стремится выучить его таким образом, чтобы на нем можно было адекватно общаться. Ю.Н. Караулов разработал понятие, которое прямо указывает на коммуникативно-деятельностный подход в обучении, однако хотелось бы

подчеркнуть, что, кроме постулирования цели формирования в процессе обучения личности, концепция ЯЛ дает возможность осуществить интегративный подход к личностным особенностям, находящим выражение в языке: единицам, относящимся к разным уровням ЯЛ и связанным различного рода отношениями, формированию соотносимых с этими единицами разноуровневых умений и навыков. Такой взгляд соответствует задачам комплексного обучения, объединяющего сознательный, функциональный и коммуникативный подходы. Кроме того, модель ЯЛ позволяет учитывать лингвокультурологические задачи обучения иностранному языку – «не столько самому языку, сколько иноязычной культуре носителей этого языка» (см. [Верещагин, Костомаров 1983]).

Основываясь на определении ЯЛ, можно дать следующее лингводидактическое определение ВТЯЛ. Это – **реализуемая средствами изучаемого языка структура языковой личности его носителя.**

Формирование ВТЯЛ представляет собой совокупность методических приемов, направленных на организацию в процессе обучения средств изучаемого языка: разноуровневых единиц, отношений и стереотипов. В качестве примера таких методических приемов выступает метод составления многопараметрового комментария к художественному тексту, включающий в себя единицы всех уровней ЯЛ (см., напр., [Кузьмина, Ружицкий 2009]), а также учет отрицательного материала и материалов ассоциативного словаря изучаемого языка и некоторые психолингвистические методики (метод лингвистического эксперимента, метод формирующего эксперимента). При этом одной из приоритетных задач для преподавателя РКИ является «сделать иностранных учащихся немного русскими». Что касается использования термина *вторичная*, то он объясняется тем, что в процессе изучения иностранного языка учащемуся открывается новая картина мира, соответственно, его сознание «удваивается». Этот процесс происходит на базе родной ЯКМ, поэтому новая картина мира накладывается на уже имеющуюся и не существует независимо от нее, иначе нам бы пришлось говорить о «раздвоении» личности. Термин *вторичный* подчеркивает иерархию личностей внутри одного индивида.

В заключение отметим, что изучение иностранного языка не ведет к автоматическому формированию ВтяЛ, так как, несмотря на то, что человек обладает врожденной способностью быть ЯЛ, он еще должен ею стать (Г.И. Богин). Процесс формирования ВтяЛ складывается из осознанного структурирования вербально-семантического, когнитивного и мотивационного уровней, имеющих в своем составе типовые элементы, которые способствуют становлению индивидуальных и коллективных особенностей ВтяЛ.

Литература

- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство. 3-е изд. перераб. и доп. М., 1983.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
- Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М., 2004.
- Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1983.
- Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.–СПб, 2001.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
- Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. М., 1997. Вып. 1. С. 25–31.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Русская литература–XXI век: Хрестоматия для иностранных учащихся / Под ред. Е.А. Кузьминовой, И.В. Ружицкого. М., 2009.
- Ружицкий И.В. Мнемые как ключевые образы языкового сознания // Русское слово в русском мире 2006: Государство и государственность в языковом сознании россиян / Под ред. Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко, И.В. Ружицкого. М.: Азбуковник, 2006. С. 176–195.
- Ружицкий И.В. Концепция языковой личности: лингводидактический аспект // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Словесник. Учитель. Личность». Чебоксары, 20 ноября 2009 г.
- Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Среднее (полное) общее образование. М.: Министерство образования и науки Российской Федерации. Проект 15 апреля 2011 г.

Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
Халеева И.И. «ЛИНГВАУНИ» – вклад в культуру мира // Лингвауни: Третья Международная конференция ЮНЕСКО. М., 2000.
Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

ПРОБЛЕМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИИ

Активная интернационализация российского образования, обеспечение его конкурентоспособности и высокого, признанного во всем мире уровня обуславливают необходимость введения существенных изменений в систему высшего профессионального образования для иностранных учащихся. Чтобы Россия вышла на уровень мировых стандартов в данной области, необходима реализация и развитие ресурсов научно-образовательной и педагогической деятельности, разработка инновационных когнитивно-адаптивных технологий, обогащающих содержание учебных дисциплин, обеспечивающих высокое качество профессиональной подготовки [Ахметова 2010: 131].

В современном мире наблюдаются две главные тенденции в развитии системы высшего образования – интернационализация образования в связи с созданием международного образовательного пространства и интенсификация обучения на базе современных информационно-образовательных технологий.

В связи с этим остро встает проблема адаптации иностранных учащихся, без решения которой невозможна подготовка высококвалифицированных специалистов.

Успешное обучение иностранных студентов в вузах России, подготовка высокопрофессиональных специалистов для зарубежных стран является одной из важнейших задач в области международного образования, решение которой обеспечивает возможность выхода нашей страны в мировое образовательное пространство.

Адаптация иностранных студентов к новым методам и формам обучения при поступлении в высшее учебное заведение является главным фактором, определяющим эффективность образовательного процесса в целом.

Анализ современного состояния проблемы управления адаптацией показывает, что она в настоящее время приобрела

статус междисциплинарный и изучается в различных научных областях (биология, медицина, психология, социальные науки). Изучение вопроса адаптации иностранных студентов к высшей школе России представляет собой комплексное явление, как в социально-психологическом, так и в педагогическом аспектах. Многие специалисты в этой области (Шаглина, Ширяева, Иванова, Терещенко, Чернявская, Караваева и другие) проводили опросы студентов, чтобы выявить основные трудности, с которыми им приходится сталкиваться. Это и неприспособленность к самостоятельной жизни, и климатические особенности России, и сложности общения с окружающими, и отрыв от дома, и чужой язык и пр. Но 90% студентов-иностранцев неизменно называют главной проблемой обучение на иностранном языке [Евсенкова 2010: 145]. Это распространяется в равной степени и на студентов, которые в достаточной степени владеют русским языком, и на тех, кто изучает русский язык недавно. Данная статистика заставляет задуматься об организации системы обучения иностранных граждан в целом и о разработке системного подхода к адаптации иностранных студентов в российском вузе. В учебных заведениях России ежегодно увеличивается прием иностранных граждан на обучение по различным специальностям, что, безусловно, актуализирует проблему академической адаптации студентов с учетом преимущественности образовательных ступеней и создания системы адаптационной поддержки, с ее организационным, содержательным и учебно-программным обеспечением.

Бесспорно, эффективность функционирования педагогической системы как единого образовательного стандарта напрямую зависит от академической адаптации.

Под академической адаптацией (термин Сурыгина А.И.) мы понимаем адаптацию обучающегося к новой для него педагогической системе [Никифоров 2009: 9]. Академическая адаптация означает приспособление иностранных учащихся к особенностям организации учебного процесса в российском вузе, к новым формам и методам обучения. Академическая адаптация иностранных студентов – процесс многосторонний, включающий в себя адаптацию к целому комплексу форм и методов преподавания различных учебных дисциплин, к системе вузовского контроля и вузовской самоподготовки.

Даже для студента русскоговорящего, обучающегося на родном языке, поступление в вуз является стрессом и требует адаптации к новым, более высоким (по сравнению со школой) требованиям, а для иностранных студентов, приезжающих в Россию для получения высшего образования, первой серьезной проблемой является овладение русским языком в объеме, необходимом для обучения в вузе в соответствии с выбранной специальностью. И в этом случае академическая адаптация является процессом еще более сложным и многоплановым. Она включает в себя следующие составляющие:

- **лингвистическую адаптацию**, т.к. преодоление естественного барьера между этносами будет первым шагом к успешному обучению;
- **адаптацию** к переходу на более высокую ступень образования, то есть к самому **учебно-воспитательному процессу**;
- **адаптацию** к отличным от родных **педагогическим методикам и формам обучения**.

Академическая адаптация предусматривает поиск определенного содержания, форм, методов учебно-воспитательной работы. Как факторы успешной адаптации студентов воспринимаются академическая успеваемость, общественная и научная активность. Безразличие, равнодушие, неуспеваемость, отсутствие интереса со стороны учащегося позволяет говорить о трудностях адаптационного периода. Применение новых адаптационных технологий способствует преодолению языкового барьера, включению иностранного студента в новую педагогическую среду, повышению активности студента, его социального статуса и степени удовлетворенности учебной деятельностью.

Учитывая все сказанное, целесообразно при разработке технологии обучения иностранных студентов в высшей школе использовать различные этнопедагогические концепции, технологии и методики. Этнопедагогика – наука, изучающая методы национального воспитания, современные тенденции в образовании, которые периодически появляются в том или ином регионе [Бережнова 2008: 11]. Этнопедагогика основана на изучении географических, экономических, национальных, исторических, культурных и религиозных особенностей каждого отдельного народа. Она помогает оптимизировать учебный

процесс, опираясь на сильные стороны каждого отдельного этноса. И Например, исследователь Балыхина [Балыхина 2009: 17] проводит анализ лингвометодических традиций, которые необходимо учитывать при обучении китайских студентов. Традиционно сложилось так, что обучение в Китае основывалось главным образом на запоминании значительного количества материала и его повторении, без анализа и толкования, без выражения своего отношения к нему. Такая методика на занятиях по русскому языку как иностранному тормозит речевую деятельность. Письменные виды работ удаются китайским студентам значительно лучше, чем устная работа с текстом. Зрительная информация, в отличие от слуховой, у данного контингента учащихся усваивается лучше, следовательно, если зрительная сторона – сильная, надо учитывать этот фактор и осуществлять запоминание через наглядность. Диагностика трудностей адаптации китайского контингента учащихся позволила осуществить методическое моделирование процесса лингвокультурной адаптации этих учащихся в ходе реализации культурологического, интегративного, лично ориентированного, компетентностного подходов в преподавании русского языка как иностранного.

А исследователь Чернявская [Чернявская 1991] сопоставляет образовательные системы в России и Монголии и проводит диагностику и анализ трудностей обучения монгольских студентов в вузах России.

Другие исследователи [Шаглина 1987] рассматривают проблему изучения учебной мотивации студентов из развивающихся стран на начальном этапе обучения в вузе и раскрывают ряд противоречий и особенностей в образовательных системах разных стран, связывая напрямую систему образования в стране с уровнем ее экономического развития.

Таким образом, знание и анализ этнопедагогических традиций позволяет выявить, определить и обосновать педагогические условия реализации академической поддержки иностранных студентов в процессе адаптации к российскому образованию.

Очевидна потребность в педагогических кадрах, обладающих высоким уровнем этнокультурной компетенции, способных успешно работать в интернациональной аудитории, обеспечивать эффективное межэтническое взаимодействие

студентов. Наиболее важным качеством преподавателя общеучебных дисциплин в интернациональной аудитории представляется высокий уровень его коммуникативных способностей, потому что, как замечает Е. А. Хвалина, «часто учащийся воспринимает предмет «через» педагога» [Хвалина 2004, 228].

Анализируя национально-психологические особенности иностранных студентов из различных регионов, можно выявлять специфику общения преподавателя с разными контингентами учащихся и строить модели коммуникативно-образовательного процесса с учетом отличительных особенностей каждого этноса. Например, в процессе обучения студентов из Африки не приветствуется демократический стиль общения между педагогом и группой студентов. Подобное поведение преподавателя воспринимается учащимися как неумение управлять коллективом, как отсутствие авторитета в студенческой аудитории. Дело в том, что в системе традиционного африканского образования между учеником и учителем соблюдается значительная дистанция. Применение на практике знаний о специфике того или иного этноса и выбор наиболее целесообразных и эффективных средств педагогического воздействия способствует решению главной задачи – скорейшей адаптации иностранных студентов к новой среде.

Перед преподавателями вузов стоит задача создания взаимосвязи различных сторон учебно-воспитательного процесса.

Процесс академической адаптации иностранных студентов осуществляется не только через учебную деятельность и профессиональную подготовку, но и через воспитательную деятельность, проводимую в вузе. Развитая система внеучебной воспитательной деятельности – один из основных факторов успешной адаптации иностранных студентов к обучению в вузе. Это показал опыт обучения иностранных студентов (Вьетнам и Китай) на подготовительном и основных факультетах Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) на протяжении нескольких лет.

В МАДИ комплекс внеучебной работы с иностранными студентами направлен на решение таких вопросов, как адаптация иностранных студентов в новых условиях, стимулирование их

познавательной деятельности, развитие культурно-духовной и общественной активности.

Внеучебная воспитательная деятельность вуза предполагает решение проблемы социализации иностранных студентов через вовлечение их в различные виды прикладной деятельности, в спорт, в художественное творчество, проведение праздников и встреч, поддерживающих традиции российской высшей школы и формирующих престиж МАДИ, через организацию отдыха и досуга (тематические праздники, фотовыставки, конкурсы, спортивные соревнования).

Основные задачи внеучебной воспитательной деятельности института:

- адаптация иностранных студентов к новой социокультурной среде;
- сохранение и преумножение историко-культурных традиций МАДИ;
- изучение интересов и творческих наклонностей иностранных студентов;
- повышение культурного уровня студенчества, культуры поведения, речи и общения;
- поддержка талантливой молодежи, развитие творческого потенциала студентов;
- формирование у учащихся навыков здорового образа жизни.

Иностранные студенты, которые активно участвуют во внеучебной деятельности института, через полгода обучения (на подготовительном факультете) проявляют по сравнению со своими менее активными сокурсниками большую общительность, интерес к учебе, самостоятельность, открытость. При обучении на основных факультетах иностранные студенты, вовлеченные в тематические праздники и спортивные соревнования, демонстрируют навыки и умения самостоятельной работы над текстами по специальности, они могут собрать дополнительную информацию по интересующим их предметам, активно пользуются библиотекой. Студенты из Вьетнама, как правило замкнутые и необщительные, предпочитают проводить досуг в одиночестве. Они отличаются самостоятельностью и уверенностью в собственных силах, упорством и настойчивостью. Адаптация студентов из этого региона проходит на фоне внутреннего личностного реагирования на новую

социопедагогическую среду. Вьетнамским студентам свойственно сильно развитое абстрактное мышление, что позволяет им быстрее воспринимать новую информацию, а следовательно, и быстрее обучаться. Вьетнамские студенты, принимающие участие в фотовыставках, конкурсах и вечерах, впоследствии показывают хорошие результаты по сформированности навыков самоконтроля и самооценки результатов своей учебной деятельности. Это подтверждает эффективность внеучебной деятельности в вузе как одного из средств педагогического воздействия, направленного на успешную адаптацию учащихся к новой педагогической системе. Одним из наиболее серьезных препятствий в приобретении иностранными студентами знаний по научным дисциплинам является тот факт, что большинство преподавателей-предметников не владеют языком-посредником (речь идет в данном случае об английском языке). Недостаточное знание русского языка специальности не позволяет студентам усвоить в полном объеме изучаемый материал, а, обращаясь к научному руководителю по-английски, они наталкиваются на незнание преподавателем иностранного языка. В данном случае контакт по научным вопросам затруднителен. Надо заметить, что большинство студентов владеют английским языком на высоком профессиональном уровне, что позволяет им проделывать большую самостоятельную работу по нахождению и изучению не понятого на лекции материала и чтению научной литературы на английском языке. Здесь возникает дополнительное противоречие в том, что навыками самостоятельной работы и работы с источниками, пользования библиотекой владеют далеко не все иностранные учащиеся. В сложившейся ситуации преподаватель-предметник, владеющий языком-посредником, существенно повысил бы эффективность обучения иностранных студентов по общенаучным дисциплинам. Бесспорно, академическая адаптация проходила бы быстрее, так как языковой барьер «тормозит» понимание научной терминологии.

Благодаря воспитательной и обучающей роли вуза студент-иностранец успешно интегрируется в новый социум, и потому именно высшее учебное заведение является ориентиром и проводником в инокультурное пространство. Вуз закладывает основы для развития и укрепления различных коммуникативных и профессиональных связей и помогает иностранному студенту

установить общий ментальный Аконтакт с новой страной. Роль вуза в адаптации иностранного учащегося, приспособлении его к новому обществу, вхождению в образовательный процесс очевидна и неоспорима.

Успешная и быстрая адаптация студентов на начальном этапе обучения необходима в первую очередь для того, чтобы не «потерять» большое количество обучающихся сразу после первой сессии. После первого курса, как правило, отчисляют наибольшее число иностранных учащихся по сравнению со всеми последующими годами обучения, что свидетельствует о неэффективной адаптации молодых людей к системе вузовского обучения. Эффективная адаптация помогает студенту не только «войти» в процесс обучения и «вжиться» в новую культуру, но и повысить свой интеллектуальный, профессиональный и социальный статус. Поэтому показателем эффективной адаптации иностранных учащихся выступает высокая успеваемость и активное поведение студентов на семинарах. Задача любого вуза независимо от национальности студента – выпустить специалиста высокого уровня, что возможно лишь при успешной интеграции учащегося в новый для него образовательный процесс. Комплексный, системный подход к подготовке специалистов для зарубежных стран является залогом дальнейшего успешного обучения студента.

Следующая причина, требующая особенного внимания к проблеме успешной адаптации иностранных учащихся, – это привлекательность вуза для иностранных граждан, которая поддерживает его международный статус, способствует расширению международных связей. Информация о системе обучения, дающей качественное профессиональное высшее образование, распространяется выпускниками среди соотечественников, побуждая их сделать выбор в пользу соответствующего вуза. Поэтому желательно, чтобы иностранные студенты, заканчивающие российский вуз, не имели бы потом по отношению к нему негативных эмоций.

Немаловажно и то, что иностранные граждане, выбравшие для получения профессионального образования российское высшее учебное заведение, обеспечивают довольно устойчивый приток в вуз материальных средств в виде платы за обучение. Экономический аспект проблемы требует создания комфортной среды обучения, повышающей привлекательность

вуза не только в чисто профессиональном плане, но и с социально-психологической точки зрения.

В соответствии со структурой академической адаптации (см. выше) существуют определенные критерии, которые показывают, насколько эффективно осуществляется адаптация по каждой из своих составляющих.

Таким образом, рациональная роль образовательной среды в управлении адаптационным процессом предполагает непрерывную деятельность по приведению ее основных характеристик в соответствие с современными требованиями высшей школы.

Литература

Ахметова Л.В. Социально-педагогическая адаптация и профессиональное развитие личности в педагогическом вузе. Вестник ТГПУ 2010.

Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку. // Высшее образование сегодня. - 2009. - № 5.

Бережнова Л.Н., Набок И.Л., Щеглов В.И. Этнопедагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2008.

Евсенкова А. А. Исследование особенностей социально-психологической адаптации студентов-иностранцев на примере подготовительного факультета (ДГТУ)//Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан: Сб. материалов международной научно-практической конференции. Том 1. 2010.

Иванова М.А., Левина В.И., Перфилова И.Л. Требования к преподавателю предвузовской подготовки иностранных студентов//Международное сотрудничество в образовании: Сб. научно-метод. статей. 2001.

Караваева Н.Н. Педагогическое сопровождение адаптации студентов к учебному процессу технического вуза : Дис. ...канд. пед. наук. – Т., 2006

Никифоров В.И., Сурьгин А.И. Теория и практика высшего профессионального образования. Термины, понятия и определения. 2009.

Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития.//Язык и культура, 2010, № 4(12).

Терещенко А.Г. Психолого-педагогические аспекты адаптации иностранных студентов в советских вузах: Дис. ...канд. психол. наук. – И., 1987.

Хвалина Е.А. Педагогическое общение в структуре деятельности преподавателя при подготовке иностранных учащихся//Международное сотрудничество в образовании: Материалы IV междунар. научно-практ. конф. Ч. 2. 2004.

Чернявская Т.П. Дидактическая адаптация иностранных студентов к советскому вузу: Дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1991

Шаглина Н.Д. Учебная мотивация студентов из развивающихся стран на начальном этапе обучения в советском вузе. Дис. ...канд. пед. наук. – Л., 1987.

Ширяева И.В. Особенности адаптации иностранных студентов к учебно-воспитательному процессу в советском вузе. Дис. ...канд. псих. наук. Л., 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
Кузьменкова В.А. Прагматическая направленность «Российской грамматики» М.В. Ломоносова	3
Коллегова И.В. Система морфосинтаксических типов русских наречий	13
Туманова Ю.А. Слова с корнем <i>-вед-</i> : жанровые и стилистические особенности функционирования	22
Рошкетяева Т.Г. Функционирование топонимов и их вариантных форм в современном публицистическом тексте	32
Сластущинская М.М. Ирония как стилеобразующий элемент в современных публицистических текстах	41
МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ	
Гаврилова В.И. Декаузативные (квазипассивные) конструкции в русском и английском языке и онтологическая основа существования конструкций этого типа	59
Коростелёва А.А. Именования собеседников в китайском диалоге и их коммуникативные аналоги в русском	78
Ван Чжили (КНР) О влиянии различий в мышлении на форму языка и его выражение (на материале русского и китайского языков)	90
Ли Янь (КНР) Сопоставление средств когезии в русском и китайском текстах (на примере анафоры, гиперонима и гипонима)	99
Мохаммади М.Р., Чераги Б. (Иран) Особенности предложений с отрицательным значением в русском и персидском языках	110
Ли Янь (КНР) Сопоставление фрагментов картины мира в русских и китайских пословицах и поговорках, характеризующих женщину	119
Бу Юньянъ, Линь Тяньфэй (КНР) О прагматических особенностях и культурной дифференциации эвфемизмов в русском и китайском языках как проблема межкультурной коммуникации	127
Гу Хонфэй (КНР) Интерпретативная теория устного перевода и стратегия интерпретации в китайско-русском и русско-китайском устных переводах	134
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
Ковалевская Т.В. Духовный кризис и возрождение в «Постоялом дворе» И.С. Тургенева? Христианские и языческие элементы повести	143

Маляева Т.А. Образы и мотивы поэмы В.Маяковского «Про это» в метатексте его творчества	158
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО	
Добровольская В.В. Учет типологии занятия при его анализе	170
Ершова Л.В. Лингводидактические ресурсы сказок К.И. Чуковского при обучении лексике на начальном этапе	179
Маркова В.А. Обучение диалогической речи иностранных учащихся (возможные подходы и способ подачи материала в новом учебнике для студентов-филологов)	192
Низкошапкина О.В. Влияние специфики менталитета китайских учащихся на формирование коммуникативной компетенции на основе текстов	204
Иванова О.В. Система работы с художественным фильмом О. Бычковой «Плюс один» на уроках РКИ с итальянскими студентами	210
Потёмкина Е.В. К понятию «вторичная языковая личность»	222
Казанцева А.А. Проблема академической адаптации иностранных студентов в высшей школе России	236
ОГЛАВЛЕНИЕ	246

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XIII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета *Е.Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 22.05.2012.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 15,5. Тираж 200 экз. Заказ 229.

Отпечатано в ООО "МАКС Пресс"
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.